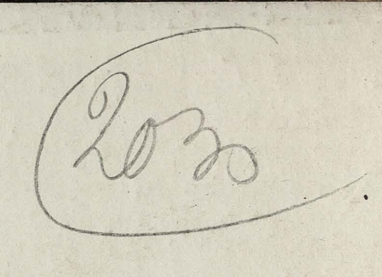
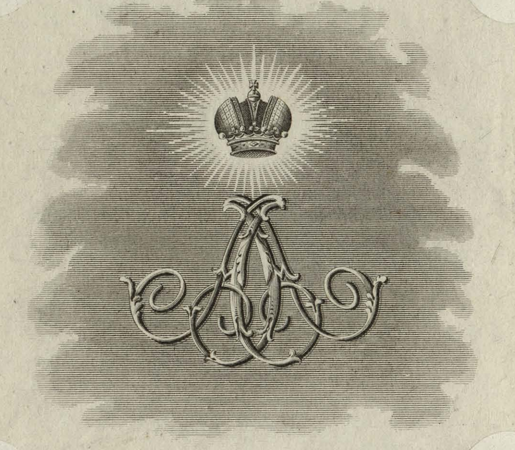

2030





КРЕМЛЬ ВЪ МОСКВѢ.

СЮРПРИЗЪ.



АЛЬМАНАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

К. ОБОЛЕНСКИМЪ.



СЪ 6-Ю КАРТИНАМИ И 75-Ю ПОЛИТИПАЖНЫМИ РИСУНКАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1851.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

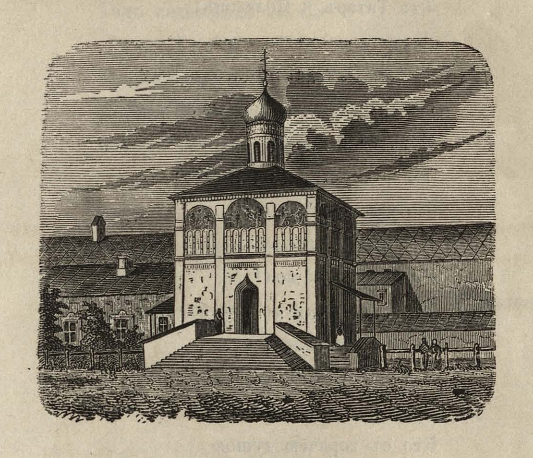
С. Петербургъ, 4-го декабря 1850 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ*.



ВЪ ТИПОГРАФІИ К. КРАЙЯ.





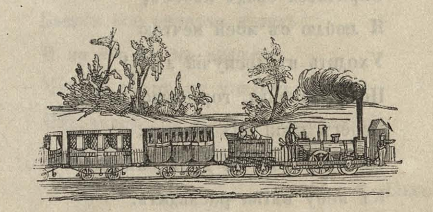
МОСКВА.

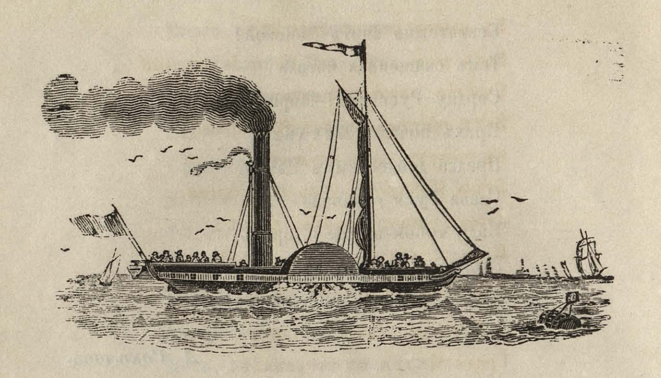
Здравствуй, добрая старушка,
Здравствуй, бабушка Москва,
Ты красива, какъ игрушка,
Сердцу Русскому близка.
Ты вѣдь лѣтопись живая
Нашей славной стороны,
Помнишь ты, Москва родная,
Всѣ дѣянья старины!
Ты всего понасмотрѣлась
Въ восемьсотъ своихъ годовъ,

Много горя натерпѣлась
Отъ Татаръ и Поляковъ;
А когда несмѣтна сила,
Вдругъ, въ двѣнадцатомъ году
Саранчою Русь покрыла,
И затѣяла вражду —
Ты по-Русски защитилась;
Но изъ пепла и огня,
Миловиднѣе явилась,
Раскрасавица моя!
Нѣтъ, во вѣкъ не позабудетъ
Сердце Русское тебя,
И тобой гордиться будетъ,
Край родимый свой любя!
Кто съ горячею душою
Къ Вѣрѣ, родинѣ святой,
Не похвалится тобою,
Бѣлокаменной Москвой?
Кто Кремлю не подивится?
Какъ во храмы не зайти,
Чудотворцамъ помолиться,
Сердца дань не принести?
Какъ въ Архангельскомъ соборѣ,
Межъ гробницъ Царей родныхъ,
Позабывшихъ жизни горе,
Не склонить колѣнъ своихъ!
Тамъ Мамая побѣдитель,
Щитъ страны своей родной,
Ига древняго рушитель,

Безмятежно спитъ Донской!
Тамъ священная могила
Сердцу Русскихъ! Мирно въ ней
Прахъ почіетъ Михаила,
Предка доблестныхъ Царей.
Слава Руси вѣковая
Надъ тобой звѣздой горитъ!
Этой славою, родная,
Каждый камень твой повитъ!...

А. Соколовъ.





ПЕТЕРГОФЪ.

Въ лѣтній вечеръ, только мглою
Омрачится сводъ небесъ,
Я люблю съ моей мечтою
Уходить въ дремучій лѣсъ!
Подлѣ взморья, горделиво,
Берегъ дикій онъ занялъ;
Въ немъ могучій дубъ спѣсиво
Къ небу вѣтви раскидалъ.
Ель съ березою курчавой
Рядомъ съ дубомъ поднялись,
Разрослись кругомъ на славу
И по-братски обнялись!...

Здѣсь душѣ того просторно,
Любитъ кто свой край родной,
И привязанъ непритворно

Къ нашей родинѣ святой!
Вотъ тотъ домъ, гдѣ Царь Державный
Счастье наше созидалъ;
Вотъ постель та, гдѣ Вѣнчанный
На минуту сонъ вкушалъ!
Здѣсь Правленья несъ Онъ бремя,
Здѣсь врагамъ готовилъ громъ! —
И въ полетѣ быстромъ, время
Бережетъ священный домъ!

Вотъ раскинулся широко
Градъ Петра по сторонамъ,
И кресты церквей высоко
Поднялися къ облакамъ!
Вотъ, лѣвѣе, плещетъ море —
Грудью хочетъ смять Кронштадтъ;
Будто съ Шведомъ въ заговорѣ
Бьется все вернуть назадъ!
И на что ты не укажешь,
Чтó бы взоръ ни увидалъ —
Отъ души, съ восторгомъ скажешь:
„Все Великій здѣсь создалъ!...“

А. Соколовъ.





МОЛИТВА.

Къ Тебѣ, мой Спаситель, въ часъ трудный, съ мольбою,
Я грѣшныя очи дерзаю возвесть;
Въ грѣховной и тяжкой борьбѣ самъ съ собою —
Услышу ль когда я спасенія вѣсть?

Я немощенъ, слабъ я, я силъ не имѣю
Враждебную волю въ себѣ побѣдить,
И въ сердцѣ незлобномъ, увы! не умѣю
Предвѣчное Слово навѣкъ сохранить!

Ужъ въ морѣ житейскомъ, челнокъ мой непрочный
Несется на гибель по бурнымъ волнамъ;
Далеко отъ пристани гибну, порочный,
Предѣла не вижу губящимъ страстямъ!...

О! въ эти минуты, тревогъ и страданья,
Ты взоръ милосердый ко мнѣ обрати!
Весь полный любови, святаго вниманья —
Ты челнъ до погибели въ пристань введи!

И. Черниковъ.



ОСЕЛЪ-САМОХВАЛЪ.

«Куда бѣжишь, родной ты мой?»
Лисица, встрѣтившись съ Осломъ, его спросила.
Оселъ лягнулъ съ досадою ногой,
Мотнулъ ушастой головой,
И говоритъ: «мнѣ жизнь въ столицѣ опостыла!
«Что здѣсь за жизнь?... одинъ лишь шумъ!...
«Здѣсь ни во что не ставятъ умъ!...
«Не цѣнятъ въ грошъ талантъ на службѣ,
«А награждаютъ лишь по дружбѣ!»
— «Ты гдѣ служилъ?
«Чѣмъ занятъ былъ?»
Осла лукавая спросила.
«Какую службу несъ ты, кумъ?
«Гдѣ твой глубокій, свѣтлый умъ

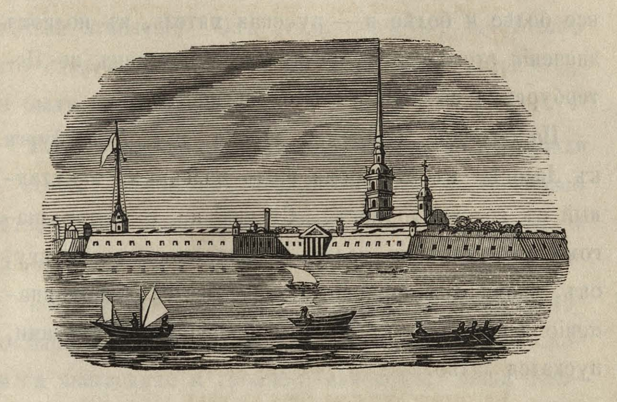
«Толпа невѣждъ не оцѣнила?»
— «Да въ домѣ барскомъ я все у дверей стоялъ,
«Ихъ отворялъ и затворялъ,
«Все шло черезъ меня; я ходъ всему давалъ!»
Оселъ надменно отвѣчаетъ.
— «Послушай, кумъ,» Лиса перебиваетъ,
«Да какъ же безъ тебя, мой милый, обошлись?
«Ужели го́ловы, какъ ты, еще нашлись?
«Мнѣ бъ показалось это чудно,
«Вѣдь дверью управлять, самъ знаешь, очень трудно!»
— «Теперь,»
Сказалъ, вздохнувъ, ушастый звѣрь:
«Не голова, простая гиря въ кожѣ
«У двери исполняетъ то же!»

—

Послушать, такъ чего не сдѣлалъ въ жизнь иной!
Все имъ однимъ держалось въ мірѣ!
А ближе посмотрѣть — невиненъ въ запятой,
И пользы въ немъ, что въ гирѣ.

И. Черниковъ.





УЧЕНИКЪ ТОКАРНАГО МАСТЕРА.

I.

Былъ ноябрь мѣсяцъ 1715 года. Сильная вьюга и порывистый вѣтеръ шумѣли на улицахъ Петербурга. Снѣгъ, падавшій крупными хлопьями, заносилъ деревянные дома Петербургской стороны и во многихъ мѣстахъ, образовавъ цѣлыя груды, поставилъ преграду для экипажей и пѣшеходовъ.

Вьюга, съ наступленіемъ вечера, усиливалась все болѣе и болѣе и — русская мятель, въ полномъ значеніи этого слова, разгулялась наконецъ по Петербургу и по всѣмъ его окрестностямъ.

На большой проѣзжей дорогѣ изъ Петербурга къ Ладогѣ, въ это время шелъ мальчикъ, закутанный съ головы до ногъ. Ступая не твердымъ шагомъ по дорогѣ и увязая безпрестанно въ снѣгу, онъ, время отъ времени, останавливался, дѣлалъ знаменіе креста, и потомъ, собравшись съ силами, пускался далѣе.

Спустя нѣсколько времени, онъ сталъ останавливаться чаще и, наконецъ, выбившись изъ силъ, упалъ на землю.

— Боже мой! проговорилъ онъ едва слышнымъ голосомъ: неужели мнѣ суждено погибнуть въ этой пучинѣ снѣга? Я чувствую весь праведный гнѣвъ Твой, я понимаю свою вину передъ Государемъ! Боже мой! сжалься надо мною!...

Сказавъ это, путникъ сталъ приподымать руку, чтобы перекреститься, но, прозябнувъ отъ стужи, она уже не повиновалась. Онъ сталъ напрягать силы, чтобы встать на ноги, но высвободиться изъ подъ снѣга, покрывшаго его уже толстымъ слоемъ, не было ни какой возможности.

Сознаніе близкой опасности оживило его на нѣсколько мгновеній. Онъ сталъ кричать; но голосъ его, сливаясь съ страшнымъ завываніемъ вѣтра, едва былъ слышенъ.

Еще нѣсколько минутъ раздавались жалобные вопли и стоны; наконецъ затихли и они — и только вѣтеръ, по прежнему, потрясалъ воздухъ разъяренной природы...

Въ скоромъ времени, со стороны Петербурга, послышался звонъ колокольчика. Звонъ этотъ становился явственнѣе и громче; наконецъ, вдали показалась дорожная кибитка, запряженная парою гнѣдыхъ лошадей.

— Держи лѣвѣе! крикнулъ во все горло сидѣвшій въ кибиткѣ купецъ своему кучеру. Ослѣпъ что ли? Не видишь, какой тамъ бугоръ. Того и смотри, что вывалишь!

Кучеръ попридержалъ лошадей, вытаращилъ глаза и отвѣчалъ:

— Ничего, Илья Сергѣичъ, авось проѣдемъ!

Съ этимъ словомъ, онъ тронулъ вожжями. Лошади рванули, и не прошло минуты, какъ кибитка лежала на боку.

— Экой дуракъ! вскричалъ купецъ, выкарабкиваясь изъ груды снѣга, въ которую онъ упалъ. Го-

ворилъ тебѣ держать лѣвѣе, такъ нѣтъ! Ѣдетъ себѣ прямо, какъ по столбовой дорогѣ...

— Да дорогу-то совсѣмъ занесло! отвѣчалъ кучеръ: а свернуть въ сторону — того и смотри, что въ канаву попадешь.

— На то есть глаза! Ты смотри въ оба, да по сторонамъ не зѣвай и воронъ не считай!...

Черезъ нѣсколько минутъ, кибитка была приподнята, и купецъ, стряхнувъ снѣгъ съ своей шубы, помѣстился въ экипажъ по прежнему. Кучеръ, сѣвъ на козлы, крикнулъ: Эй вы соколики! и пріударилъ по лошадямъ...

Кибитка тронулась съ мѣста.

— Постой, постой! закричалъ вдругъ купецъ, замѣтивъ, что на томъ мѣстѣ, куда онъ вывалился, что-то чернѣется. Ужъ не потерялъ ли я чего изъ своихъ вещей. Вонъ, видишь ли, что-то въ снѣгу тамъ лежитъ?

Кучеръ пошелъ на указанное мѣсто и сталъ разгребать снѣгъ руками.

— Вѣстимо, лежитъ что-то! отвѣчалъ онъ. Никакъ, ужъ не человѣкъ ли?

— Человѣкъ? вскричалъ купецъ съ удивленіемъ.

— Ну, такъ и есть! Экій бѣдняжка, совсѣмъ съежился отъ мороза. Да что, хозяинъ, прибавилъ

онъ, обратясь къ купцу, вѣдь придется намъ взять его съ собою...

Купецъ вылѣзъ изъ кибитки, наклонился къ лежавшему человѣку, приложилъ руку къ его лицу и сомнительно покачалъ головою.



— Нечего дѣлать! отвѣчалъ онъ: грѣхъ оставить его на дорогѣ. Если и нѣтъ надежды на его спасеніе, все-таки нужно взять. Можетъ быть, онъ и придетъ въ чувство — Богъ милостивъ! До ночлега, кажется, теперь не далеко...

Сказавъ это, онъ, при помощи кучера, перетащилъ несчастнаго въ кибитку.

— Ну, теперь ступай скорѣе! Въ нашихъ рукахъ жизнь человѣка, и мы должны думать объ его спасеніи.

Снова зазвенѣлъ колокольчикъ, и лошади помчались во весь духъ.

Черезъ полчаса, вдали блеснулъ огонекъ, и вскорѣ кибитка остановилась у воротъ деревенской избы.

II.



ъ Зимнемъ дворцѣ, построенномъ на лѣвой сторонѣ Невы, противъ крѣпости, между Адмиралтействомъ и Лѣтнимъ садомъ, **Петръ Великій** имѣлъ особую комнату, въ которой стояли разные станки для токарной работы.

Сюда приходилъ онъ иногда по вечерамъ заниматься токарнымъ искусствомъ, въ которомъ находилъ развлеченіе отъ государственныхъ дѣлъ...

Въ этой токарнѣ постоянно работалъ мастеръ, Андрей Карловичъ Нартовъ. При немъ былъ и ученикъ, Иванъ Горовъ, котораго Царь любилъ за проворство и способности.

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ 1715 года, Царь, по обыкновенію своему, пошелъ въ токарню, гдѣ уже занимался работою Нартовъ.

При входѣ Государя въ комнату, Андрей Кар-

ловичъ всталъ съ своего мѣста и почтительно поклонился. Государь, не говоря ни слова, сѣлъ за токарный станокъ и сталъ точить паникадило, начатое имъ еще прежде изъ слоновой кости.

Нѣсколько минутъ прошло въ глубокой тишинѣ; наконецъ, Царь прервалъ молчаніе.

— Ну, а что? спросилъ онъ Нартова, есть ли какія-нибудь извѣстія о нашемъ Горовѣ?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество! отвѣчалъ Нартовъ, вставъ съ своего мѣста.

— Пожалуйста, сиди! Если ты для каждаго отвѣта на мои вопросы будешь вставать, то работа твоя далеко не подвинется. Время, братецъ, дѣло не наживное! Ну что же?

— Искали его сначала въ тѣхъ домахъ, гдѣ онъ иногда бывалъ, но туда онъ не являлся!

— Но я тебѣ вѣдь приказалъ сообщить Генералъ-Полиціймейстеру, чтобы онъ повѣстилъ объ немъ во всемъ городѣ, и, чтобы знающіе, гдѣ Горовъ находится, немедленно объявили о томъ кому слѣдуетъ, и увѣрили бы его, что онъ мною уже прощенъ и не долженъ опасаться моего гнѣва...

— Приказаніе Вашего Величества уже исполнено!

— Ну и что же? не нашелся?

— Никакъ нѣтъ!

— Удивительно! проговорилъ въ-полголоса Царь. Пропадать цѣлую недѣлю безъ вѣсти...

Помолчавъ немного, Царь продолжалъ:

— Ну, а скажи, Нартовъ, доволенъ ты былъ его успѣхами въ послѣднее время?

— Онъ всегда показывалъ способности и отмѣнное прилежаніе.

— Жаль его! Провинился онъ, конечно, предо мною; но вина его не такъ важна, чтобы бояться строгаго за то наказанія... Послушай, Нартовъ!

— Что прикажете, Ваше Величество?

— Скажи, чтобы еще разъ чрезъ Полицію повѣстили объ немъ во всемъ городѣ и, въ случаѣ, если онъ найдется, то увѣрили бы его Царскимъ моимъ словомъ, что я его уже простилъ, и чтобы онъ явился немедленно къ работѣ.

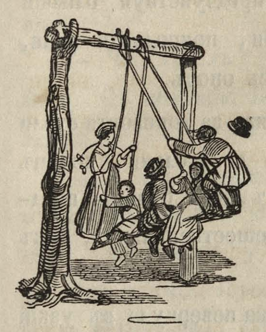
— Слушаю, Ваше Величество.

— Да чтобы повѣстили не медля, непремѣнно завтра! Мнѣ жаль этого мальчика. Со временемъ онъ можетъ быть искуснымъ токаремъ, а теперь, Богъ знаетъ, попадется въ какія руки...

Петръ Великій замолчалъ. По выраженію лица его, видно было, что происшествіе съ Горовымъ произвело на него самое непріятное впечатлѣніе. По

мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ свою работу, лицо его разъяснялось и, наконецъ, черезъ часъ, веселый и довольный, онъ возвратился во внутренніе покои дворца.

III.



рекрасное, морозное утро смѣнило длинную декабрьскую ночь. Яркое солнышко, показавшись на горизонтѣ, освѣтило безжизненную окрестность, покрытую бѣлою снѣжною пеленою, и тысячами радужныхъ блестокъ отразилось на зимнемъ покровѣ сѣверной природы.

Снѣгъ визжалъ и хрустѣлъ подъ полозьями кибитки, ѣхавшей по дорогѣ. Вдали загорѣлся и заблестѣлъ золотой крестъ соборной церкви — словно манилъ онъ усталыхъ путниковъ подъ мирный кровъ, успокоить взволнованную душу.

— Вотъ и Вологда! сказалъ сидѣвшій въ кибиткѣ купецъ, обратившись къ своему спутнику, мальчику лѣтъ пятнадцати, прижавшемуся къ другому углу кибитки.

Мальчикъ поднялъ голову и, завидѣвъ вдали золотой крестъ, не могъ не обнаружить своей радости.

— Ну, братъ, погоняй, продолжалъ купецъ, обратившись къ кучеру: теперь ужъ до дому недалеко...

Усталыя лошади, какъ бы предчувствуя близкій конецъ далекаго странствованія, приподняли уши, пріободрились и понесли во весь опоръ.

Черезъ нѣсколько времени, изъ-за горизонта стали показываться другія церкви и колокольни, потомъ верхушки домовъ, и, наконецъ, вся Вологда представилась глазамъ нашихъ путешественниковъ, какъ на картинѣ.

Въѣхавъ въ городъ, кибитка повернула въ узкій переулокъ и, въ скоромъ времени, остановилась у воротъ одно-этажнаго деревяннаго домика.

— Вотъ мы и дома! сказалъ купецъ, вылѣзая изъ кибитки. Что-то дѣлаетъ моя Анна Васильевна? Давно съ нею не видался...

Онъ едва успѣлъ проговорить эти слова, какъ калитка отворилась, и Анна Васильевна, выбѣжавъ на улицу, бросилась въ объятія своего мужа.

Супруги крѣпко обнялись, изъявили нелицемѣрную радость свиданія и, взявъ изъ кибитки поклажу, вошли въ домикъ.

За ними, не говоря ни слова, послѣдовалъ и мальчикъ, пріѣхавшій съ купцомъ.

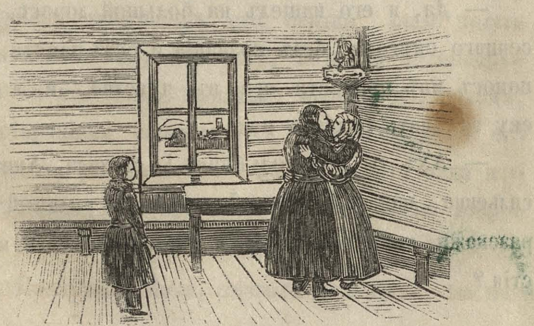
— Ну что, Илья Сергѣичъ? спросила Анна Васильевна, когда мужъ, помолясь иконамъ и снявъ свое дорожное платье, сѣлъ подлѣ нея на лавку. Ну, что ты дѣлалъ въ Питерѣ? Разскажи, родимый мой.

— Что дѣлалъ? дѣлалъ то, для чего туда ѣздилъ. Съ помощію Божіею, устроилъ всѣ свои дѣлишки...

— А я ужъ думала, что вѣкъ не видать мнѣ тебя, голубчикъ. Заѣхалъ, думаю себѣ, въ Питеръ, загостился у добрыхъ людей, а хозяйка и изъ ума вонъ... Право, ждала тебя, ненаглядный, не могла дождаться... Сердечушко изныло!...

— Ахъ ты моя голубушка!

Съ этими словами, купецъ снова обнялъ свою жену.



— А я и позабылъ, — продолжалъ купецъ, показывая на мальчика, который съ нимъ прiѣхалъ — представить тебѣ моего спутника, Ивана Киричева... Прошу его любить и жаловать.

Анна Васильевна встала съ мѣста, подошла къ мальчику, стоявшему съ почтительностiю въ отдаленiи и, по русскому обычаю, поцѣловалась съ нимъ три раза.

— Вотъ видишь ли, Анна Васильевна, у насъ дѣтей нѣтъ, такъ Ваня замѣнитъ намъ сына... Отецъ его умеръ недавно на пути изъ Сибири, и онъ остался сиротой, безъ крова и пристанища...

— Бѣдный мальчикъ, проговорила Анна Васильевна и, подойдя къ Ванѣ, поцѣловала его снова.

— Безъ меня, продолжалъ купецъ, онъ, можетъ быть, простился бы и съ жизнью...

— Что ты говоришь! воскликнула съ удивленiемъ Анна Васильевна.

— Да, я его нашелъ на большой дорогѣ, занесеннаго снѣгомъ, безъ сознанiя и безъ памяти. Богъ помогъ мнѣ привести его въ чувство, и я хочу ему замѣнить роднаго отца.

— Ахъ ты мой голубчикъ! сказала Анна Васильевна, лаская Ваню. Да садись, родимый мой; разскажи, какъ тебя Богъ привелъ до такого несчастiя?

— Нѣтъ, постой, Анна Васильевна, прервалъ купецъ: время не ушло — мы съ Ваней поговоримъ послѣ. А теперь, знаешь ли, съ дороги, не мѣшало бы и перекусить чего-нибудь.

— Изволь, родимый мой!

Съ этими словами, Анна Васильевна поставила на столъ приготовленные ею щи и кашу, и счастливые супруги, вмѣстѣ съ пріемнымъ ихъ сыномъ, помолясь Богу, усѣлись за обѣдъ.

Илья Сергѣевъ ремесломъ былъ стекольщикъ. Занимаясь своимъ дѣломъ уже нѣсколько лѣтъ, онъ успѣлъ накопить себѣ небольшую сумму денегъ, которую употреблялъ на разные обороты.

Съ этою цѣлью онъ ѣздилъ въ Петербургъ, и на возвратномъ пути натолкнулся на Ваню, оцѣпенѣвшаго отъ холода.

Первымъ движеніемъ его сердца, было подать помощь несчастному мальчику, который не обнаруживалъ ни малѣйшаго признака жизни; но, потомъ, когда стараніями своими, онъ успѣлъ привесть его въ чувство, разсказъ мальчика о смерти отца и о безпомощномъ его состояніи, разжалобили доброе сердце Вологодскаго стекольщика.

— Послушай, Ваня, сказалъ онъ ему: ты мо-

лодъ еще и тебѣ нужна подпора! Пріѣхавъ изъ Сибири, ты не имѣешь здѣсь ни родныхъ, ни друзей. Поѣдемъ со мною! Я живу въ Вологдѣ, дѣтей у меня нѣтъ — я тебя буду любить, какъ роднаго сына...

При этомъ предложеніи стекольщика Ваня задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Сердечное участіе незнакомаго ему человѣка растрогало его до глубины души; но голосъ совѣсти, казалось, не позволялъ ему послѣдовать за своимъ избавителемъ.

Нѣсколько времени сидѣлъ онъ въ задумчивости, и наконецъ горько заплакалъ.

— Ты плачешь, Ваня, продолжалъ стекольщикъ: скажи, не опечалилъ ли я тебя чѣмъ-нибудь? Я тебѣ говорю съ-проста, что на душѣ лежитъ. Мнѣ жаль оставить тебя въ сиротствѣ и безпомощномъ состояніи! Богъ привелъ меня спасти тебѣ жизнь, и я хочу, хоть въ нѣкоторой мѣрѣ, замѣнить тебѣ роднаго отца, потерю котораго ты оплакиваешь, конечно, до сихъ поръ...

Слова стекольщика, вылившіяся изъ глубины души, добродушный видъ его, христіанская готовность быть полезнымъ ближнему и, наконецъ, голосъ его, нѣжный и убѣдительный, выражавшій вмѣстѣ и привязанность отца, и заботливость друга — все это не могло не подѣйствовать на мальчика...

Еще нѣсколько минутъ онъ колебался: наконецъ бросился на шею своему благодѣтелю и второму отцу.

Обильныя слезы выразили всю безпредѣльность его благодарности!...

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, путешественники, какъ мы уже видѣли, прибыли въ Вологду.

Ваня, поселившись у стекольщика, нашелъ въ домѣ его пріютъ и спокойствіе. Въ короткое время выучившись ремеслу его, онъ сдѣлался самымъ ревностнѣйшимъ его помощникомъ, и, изъ благодарности, готовъ былъ трудиться для него и день и ночь.

За то стекольщикъ и жена его оказывали ему постоянно самое нѣжное вниманіе и привязанность, и полюбили его, какъ роднаго сына.

Казалось, ничто не прерывало безмятежнаго счастія сироты Вани! Но, на самомъ дѣлѣ, было иначе...

Постоянно тревожное состояніе души отравляло дни его, проводимые въ семьѣ стекольщика. Часто, по цѣлымъ часамъ, сидѣлъ онъ въ задумчивости и хранилъ глубокое молчаніе; часто не спалъ онъ ночи, проливая горькія слезы.

— Что съ тобою, Ваня? говорила Анна Васильевна, когда онъ съ поникшею головою сидѣлъ въ углу комнаты и задумывался.

— Ничего, матушка, отвѣчалъ обыкновенно Ваня: такъ, что-то взгрустнулось!

Въ длинные зимніе вечера, по окончаніи дневныхъ трудовъ, семья стекольщика обыкновенно садилась въ уголъ комнаты, и проводила нѣсколько часовъ въ разговорахъ и въ поучительныхъ христіанскихъ бесѣдахъ.

Часто рѣчь шла и объ Императорѣ и объ его великихъ дѣлахъ и побѣдахъ. Тогда Ваня дѣлался задумчивъ и молчаливъ, и на глазахъ его навертывались слезы.

Однажды, послѣ чтенія Святаго Евангелія, стекольщикъ заговорилъ о разбойникѣ, которому Спаситель, за истинное раскаяніе, простилъ грѣхи и явелъ его въ Царствіе Небесное.

— Такъ и мы, прибавилъ онъ, должны надѣяться на благость небеснаго Судіи и сдѣлаться достойными отпущенія грѣховъ, истиннымъ покаяніемъ. Каждую минуту христіанинъ долженъ быть готовъ предстать на судъ Всевышняго, потому что никто изъ насъ не знаетъ часа своей смерти. Всѣ самыя сокровенныя дѣла наши, совершенныя нами втайнѣ и въ темнотѣ ночной, будутъ предъ Богомъ открыты и ясны, какъ день; ничто не укроется отъ Его всевидящаго ока...

Слова стекольщика глубоко запали въ душу Вани. Не просвѣтленный правилами религіи, онъ въ

первый разъ теперь взглянулъ на прошедшую свою жизнь со стороны долга христіанина; онъ въ первый разъ понялъ всю тягость грѣха, лежавшаго на его душѣ — и содрогнулся.

Нѣсколько времени сидѣлъ онъ, какъ окаменѣлый, не понимая ни словъ, ни поучительныхъ наставленій стекольщика. Прійдя въ себя, онъ едва могъ удержать свои слезы, и съ трудомъ дождался вечера, когда стекольщикъ и жена его ушли спать.

Цѣлую ночь онъ не могъ сомкнуть своихъ глазъ — волненіе, овладѣвшее имъ, не давало ему ни минуты покоя.

Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался еще задумчивѣе и грустнѣе, и въ одной только работѣ находилъ небольшое разсѣяніе.

Оказывая ему родительскія ласки и вниманіе, стекольщикъ и жена его часто справлялись о здоровьѣ его, полагая, что уныніе его происходитъ отъ какого-нибудь недуга и слабости силъ; но Ваня, цѣлуя ихъ, и благодаря за вниманіе, обыкновенно отвѣчалъ:

— Ничего, мои родные, слава Богу, я здоровъ...

Въ минуты сердечнаго и искреннаго разговора, Ваня нѣсколько разъ принимался о чемъ-то разсказывать, желая, какъ казалось, облегчить свое сердце; но или ложный стыдъ, или боязнь потерять распо-

ложеніе и любовь своихъ вторыхъ родителей, всегда останавливали его.

Такъ шли дни за днями, промчались мѣсяцы, годы, канули въ вѣчность цѣлые десять лѣтъ...

IV.



нваря 27-го 1725 года, въ Петербургѣ замѣтно было особое движеніе. Всѣ толпились около Зимняго дворца и ожидали извѣстій объ Императорѣ; всѣ лица выражали глубокую скорбь и уныніе. Прислушавшись къ общему говору собравшагося на набережной Невы народа, всякій, съ поникшею головою, возвращался домой.

Между тѣмъ, во внутреннихъ покояхъ дворца царствовала гробовая тишина. Въ окнахъ не видно было ни какого освѣщенія, и только въ спальнѣ Императора замѣтенъ былъ тусклый свѣтъ горѣвшей лампады.

Тамъ, на смертномъ одрѣ, лежалъ Императоръ Петръ Великій!...

Настала ночь ясная и морозная. Небо заблистало тысячами звѣздъ; луна полнымъ ликомъ своимъ освѣтила землю.

Эта ночь, свѣтлая, какъ душа Императора, прекрасная, какъ весь Божій міръ, была послѣдняя въ жизни Петра!...

Отдаленный колоколъ пробилъ пять часовъ утра! Еще нѣсколько минутъ драгоцѣнная жизнь Императора боролась со смертію; наконецъ глухіе стоны больнаго замолкли, дыханіе пресѣклось и — не стало Великаго...



Извѣстіе о кончинѣ Императора, какъ молнія, пролетѣла по Петербургу. Рыданія и вопли раздались по всѣмъ домамъ! Отъ слабой женщины до закаленнаго въ бояхъ солдата, всѣ плакали и, изъ глубины души, возносили молитву къ Господу, о упокоеніи души преставившагося Императора въ селеніи праведныхъ!

Дней черезъ пять, та же печальная вѣсть достигла и до Вологды. Тамъ, въ знакомомъ намъ домѣ стекольщика, неутѣшно рыдалъ сирота Ваня.

Припавъ на столъ и закрывъ лицо руками, онъ заливался горькими слезами и, по временамъ, какъ будто опомнившись, приподымалъ голову, отиралъ слезы, и потомъ снова начиналъ рыдать и плакать.

Казалось, кончина Императора растравила всѣ душевныя его раны и дала почувствовать всю тягость грѣха, лежавшаго на душѣ его...

Въ другомъ углу комнаты, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Вани, сидѣли стекольщикъ Илья Сергѣевъ и жена его. Пораженные глубокою горестью, они едва удерживали слезы, при видѣ нелицемѣрной скорби пріемнаго ихъ сына.

Нѣсколько времени въ комнатѣ раздавались только вопли и рыданія Вани; наконецъ, стекольщикъ первый прервалъ молчаніе.

— Да, сказалъ онъ, испустивъ глубокій вздохъ: лишились мы Великаго Государя, отца нашего отечества...

При этихъ словахъ Ваня зарыдалъ пуще прежняго.

— Каждый изъ насъ, подданныхъ его, продолжалъ стекольщикъ, въ теченіе жизни своей, испыталъ и не разъ благодѣянія усопшаго Императора!

Угнетенные находили въ немъ защиту, несчастные— утѣшителя, вдовы и сироты были призрѣваемы имъ во всю жизнь...

— Нѣтъ, не могу болѣе скрывать, вскричалъ вдругъ Ваня, вставъ съ мѣста и подходя къ Ильѣ Сергѣеву: нѣтъ, я долженъ передъ вами во всемъ признаться...

— Что съ тобою, Ваня? спросилъ съ удивленіемъ стекольщикъ, обнимая его и сажая подлѣ себя.

— Вы видите во мнѣ неблагодарнаго... Я, обласканный, облагодѣтельствованный Великимъ Государемъ, я пренебрегъ Его вниманіемъ и расположеніемъ, я заплатилъ Ему самою черною неблагодарностію...

— Про какую неблагодарность ты говоришь? спросилъ стекольщикъ въ недоумѣніи.

— Я вамъ разскажу всѳ: я дѣйствительно сирота, но меня зовутъ Горовымъ...

При этихъ словахъ Илья Сергѣевъ и жена его не могли скрыть невольнаго потрясенія.

— Матери я не помню, продолжалъ Ваня, а отецъ мой, служившій сержантомъ въ Семеновскомъ полку, умеръ въ 1713 году, когда мнѣ было всего двѣнадцать лѣтъ. За усердную его службу, я былъ принятъ въ особое вниманіе Императора, который отдалъ меня для изученія токарнаго искусства Андрею Карлови-

чу Нартову... Съ нимъ я вмѣстѣ работалъ въ токарной комнатѣ Императора почти два года. Часто удостоивался я, за успѣхи мои, лестной для меня похвалы и поощренія Государя. Но, однажды... мнѣ случилось навлечь на себя Его гнѣвъ...

Иванъ Горовъ при этомъ горько заплакалъ. Оправившись, онъ продолжалъ:

— Боясь наказанія, я скрылся изъ дворца и бѣжалъ куда глаза глядятъ. Два дня я былъ въ дорогѣ, останавливаясь, для ночлега, во встрѣчавшихся мнѣ крестьянскихъ избахъ. На третій день вечеромъ, меня на дорогѣ застала мятель. Измучившись отъ ходьбы, иззябнувъ отъ стужи, я палъ окоченѣлый на землю, и простился бы, конечно, съ жизнью, если бы вы, Илья Сергѣичъ, не явились моимъ спасителемъ...

Простите меня, продолжалъ Горовъ, вставъ на колѣна: простите меня, что я обманывалъ васъ цѣлые десять лѣтъ! Опасеніе лишиться вашей любви и расположенія, заставило меня до сихъ поръ молчать. Теперь же угрызенія совѣсти дошли до того, что я рѣшился во всемъ передъ вами признаться. Вы видите во мнѣ не прежняго Ваню, котораго вы могли любить какъ роднаго сына, но неблагодарнаго, бѣглеца, преступника...

Слезы и рыданія прервали слова молодаго Горова.

Нѣсколько минутъ стекольщикъ, отъ сильнаго чувства, не могъ произнести ни слова.

— Ваня, сынъ мой! вскричалъ онъ наконецъ, заключая его въ своихъ объятіяхъ. Я чувствую все, что ты для меня сдѣлалъ, и буду всегда любить тебя... Но великъ твой грѣхъ передъ Царемъ и передъ Богомъ! Успокой же прежде всего свою совѣсть! Иди въ Петербургъ, поклонись праху Императора и чистосердечно во всемъ признайся учителю твоему, Нартову. Я увѣренъ, что тебя простятъ — истинное раскаяніе есть залогъ милосердія!...

Слезы умиленія были отвѣтомъ Вани на слова стекольщика...

V.



ри недѣли послѣ того, молодой Горовъ былъ опять въ Петербургѣ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ входилъ онъ въ тотъ городъ, гдѣ, за десять лѣтъ передъ тѣмъ, проводилъ безмятежные дни и былъ счастливъ.

На набережной Невы, собравшаяся толпа народа

привлекла его вниманіе. Люди всякаго званія, возраста и пола тѣснились у дворца и ходили взадъ и впередъ.

Машинально послѣдовалъ за другими и молодой Горовъ и, не зная самъ какимъ образомъ, вошелъ въ траурную залу дворца.

Тамъ, подъ высокимъ бархатнымъ балдахиномъ, на катафалкѣ о шести ступеняхъ, въ гробу, обитомъ золотымъ глазетомъ съ серебряными позументами, покоилось тѣло усопшаго Императора!

Трудно себѣ представить то выраженіе страданія и любви, какое оставилъ на лицѣ Великаго безсмертный духъ, покидая бренное свое облаченіе. Глядя на страдальческое лицо Императора, всѣ, бывшіе въ залѣ, плакали на взрыдъ, и, съ поклономъ до земли, цѣловали холодную руку, которая своимъ пóтомъ освятила всѣ ремесла. Многіе, въ сокрушеніи, били себя въ грудь и восклицали: «отецъ нашъ! оставилъ ты насъ!»

Нѣсколько мгновеній Горовъ стоялъ, какъ окаменѣлый! Глаза его были безъ слезъ, лицо было блѣдно, какъ полотно.

Все окружавшее его — траурная зала, обитая чернымъ сукномъ, которымъ завѣшены были и окна; множество зажженныхъ свѣчъ, проливавшихъ блѣдный свѣтъ на всѣхъ присутствовавшихъ; унылый голосъ

священника, въ полномъ облаченіи читавшаго Евангеліе; плачъ, вопли и рыданія народа, раздававшіеся вокругъ; наконецъ, видъ гроба, въ которомъ покоилось тѣло Императора — все это глубоко и сильно подѣйствовало на душу Горова.

Безсознательно приблизился онъ къ гробу и вошелъ на катафалкъ. Народъ наперерывъ бросался отдать послѣдній долгъ Императору, оглашая воздухъ воплями и рыданіями.

Наконецъ, очередь дошла и до Горова. Приложивъ свои уста къ холодной рукѣ Императора, онъ на минуту остановился...

Дѣйствительность, казавшаяся ему страшнымъ видѣніемъ, представилась вдругъ его сознанію во всей наготѣ своей...

Въ это время въ залѣ раздалось унылое паннихидное пѣніе!

Горовъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ! Изъ груди его вырвался пронзительный крикъ — и онъ, безъ чувствъ, упалъ съ катафалка на руки стоявшаго вокругъ народа...

Черезъ нѣсколько дней, Горовъ явился къ прежнему учителю своему, Андрею Карловичу Нартову, упалъ предъ нимъ на колѣни и голосомъ, прерывае-

мымъ рыданіями, высказалъ ему свое раскаяніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сожалѣніе, что не испросилъ себѣ прощеніе Императора.

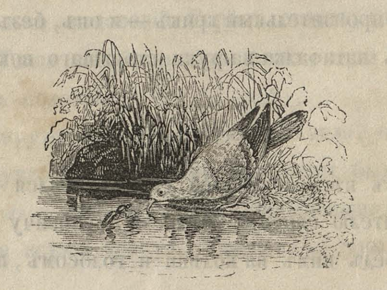
— Утѣшься, Ваня! отвѣчалъ ему Нартовъ. Усопшій Императоръ давно простилъ тебя. Онъ нерѣдко вспоминалъ о тебѣ и съ участіемъ распрашивалъ: не нашелся ли ты?

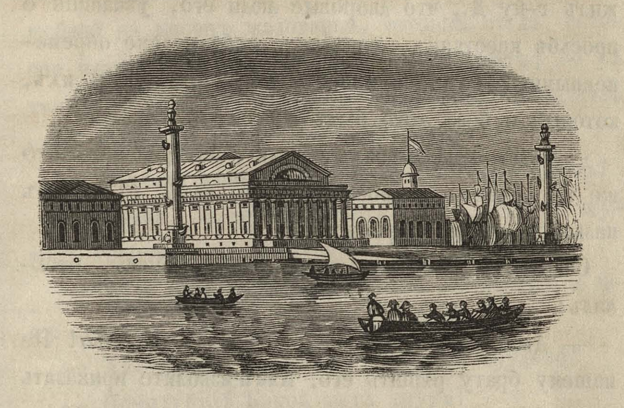
Камень спалъ съ сердца Горова! Онъ залился слезами умиленія, и молча бросился въ объятія добраго Андрея Карловича, не имѣя силъ высказать утѣшительнаго чувства, которое наполнило сердце его.

По представленію Нартова, Горовъ, какъ искусный стекольщикъ, былъ опредѣленъ ко Двору, гдѣ долгое время отправлялъ ремесло свое.

Въ скоромъ времени, по ходатайству его, былъ вызванъ въ Петербургъ и Вологодскій стекольщикъ, Илья Сергѣевъ.

К. Оболенскій.





ПОЛЕЗНЫЙ УРОКЪ.

Одинъ изъ извѣстныхъ богачей вѣка Екатерины II, г-нъ Д., жившій нѣсколько лѣтъ въ Англіи, насмотрѣлся тамъ на причуды богатыхъ Англичанъ, возвратился въ Россію и началъ заморскими причудами лечить лѣнь русскаго мужичка.

Однажды услышалъ онъ отъ своего управителя, что крестьяне одной изъ деревень его, бывшіе на запашкѣ, просятъ облегчить урочную ихъ работу, которая, по совѣсти сказать, была очень легка и справедлива. Крестьяне справлялись съ нею шутя, богатѣли и жили припѣваючи.

Черезъ нѣсколько дней тотъ же управитель доложилъ г–ну Д., что дворовые люди его, узнавшіе о просьбѣ крестьянъ, считаютъ себя крайне обремененными работою и просятъ увеличить штатъ ихъ, который и безъ того былъ черезчуръ огроменъ.

— Вотъ что! сказалъ г–нъ Д., потирая лобъ. Что же ты думаешь, любезный Савельичъ? (Такъ онъ называлъ своего управителя).

Савельичъ, пожавъ плечами и поклонясь, отвѣчалъ:

— Дѣло мудреное, ваше превосходительство! Не нашему брату рѣшить его. Какъ изволите приказать сами, такъ тому и быть.

— Вотъ что! повторилъ г–нъ Д. А послушай-ка, Савельичъ, мнѣ крайне нуженъ работникъ. Пріищи ты мнѣ его завтра.

— Какого прикажете?

— Лежебока.

— Какъ вы изволили сказать?

— Лежебока.

— Признательно объяснить, не слыхивалъ никогда такого мастерства и искусства. По какой онъ части ремесло свое производитъ?

— Лежебокъ обязанъ цѣлый день ничего не дѣлать и лежать то на одномъ боку, то на другомъ, и, пожалуй, на спинѣ, но ни въ ночь, ни въ день не вста-

вать съ постели ни подъ какимъ видомъ. Сыщи ты мнѣ такого художника для моего дома. Я дамъ ему сто рублей въ мѣсяцъ жалованья, готовый столъ, готовое платье, все, что̀ онъ только пожелаетъ; но съ тѣмъ, чтобы онъ точно и старательно исполнялъ свою должность.

— Шутить изволите, ваше превосходительство?

— Какое, братецъ, шутить! Безъ всякихъ шутокъ говорю.

— Да я вамъ за десять рублей въ мѣсяцъ и даже дешевле приведу такого работника.

— Хвастаешь, Савельичъ! Ремесло трудное!

— Помилуйте! Какой тутъ трудъ!

— Не говори, братецъ! Ты этого дѣла не разумѣешь.

— Можетъ-быть, ваше превосходительство, но если уже нуженъ такой работникъ, то завтра же представлю и не за такую цѣну, какую вы назначить изволили.

— Очень тебѣ буду благодаренъ! Однако жъ не торгуйся. Иди до ста рублей въ мѣсяцъ, какъ я сказалъ. Я денегъ не пожалѣю! Главное, чтобы завтра же былъ у меня такой работникъ. Онъ мнѣ необходимъ.

— Слушаю-съ!

Эко, подумаешь! размышлялъ управитель Са-

вельичъ, покачивая лысою головой, когда вышелъ изъ кабинета г-на Д. Приходятъ же въ голову барамъ такія штуки! Лежать и ничего не дѣлать, на всемъ готовомъ содержаніи, да сверхъ того сто рублевъ въ мѣсяцъ жалованья! Да я готовъ и самъ предложить себя въ такую должность. Мало ли у меня хлопотъ-то, а я и самъ не болѣе получаю. Впрочемъ, баринъ, можетъ-быть, шутитъ, такъ оно, тово, чтобы не осрамиться. Нѣтъ, лучше кого-нибудь рекомендую и посмотрю, что̀ будетъ.

У Савельича былъ двоюродный братъ Антонъ Антиповъ, мужчина сильный и здоровый, вершковъ десяти съ двумя аршинами роста. Онъ ремесломъ былъ носильщикъ, таскалъ каждый день на спинѣ мѣшки девятипудоваго вѣса, носилъ на головѣ тяжелую мебель и разныя разности, съ ранняго утра до поздняго вечера, пріобрѣтая въ день не болѣе рубля.

«Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!»

Такъ сказалъ Грибоѣдовъ; въ слѣдствіе этого Савельичъ призвалъ своего двоюроднаго брата къ себѣ. Объяснились, и назавтра Антиповъ былъ представленъ г-ну Д...

— Вотъ, ваше превосходительство, нашелъ! сказалъ, поклонясь, Савельичъ.

— Спасибо! Но способенъ ли онъ исполнять, какъ слѣдуетъ, свою должность?

— А позвольте спросить всенижайше, въ чемъ оная будетъ въ точности состоять? спросилъ робкимъ голосомъ Антиповъ.

— Вотъ видишь, братецъ! Мнѣ нуженъ хорошій лежебокъ. Я былъ за границей и видѣлъ тамъ много такихъ художниковъ. Вздумалось мнѣ завести своего. Должность лежебока состоитъ въ томъ, чтобы цѣлый день и цѣлую ночь лежать на тюфякѣ, или, если хочешь, на перинѣ, не вставать никогда съ постели, ѣсть и пить, что хочешь и сколько хочешь. За это я даю сто рублей въ мѣсяцъ жалованья. Если же увижу твое усердіе, то прибавлю жалованья впослѣдствіи, и буду еще давать особенныя награды.

— Такъ-съ! отвѣчалъ Антиповъ, погладивъ бороду. Но позвольте спросить только на счетъ *теплаго*, то есть чай, или *кофій*, если пожелаю, будутъ подаваться на вашъ, или на мой счетъ?

— Конечно, на мой! Спроси хоть шеколаду, шербету или ананаснаго варенья, такъ тебѣ все подадутъ.

— Такъ-съ! А если понадобится къ чаю малая толика ромцу?

— И ромцу подадутъ.

— Такъ-съ! А какъ цѣна? Вашъ управитель,

Савельичъ, говорилъ, что вы изволите давать сорокъ рублевъ въ мѣсяцъ.

— Вретъ онъ! Я даю сто рублей въ мѣсяцъ! А мало, — такъ прибавлю. Согласенъ ли?

— Да ужъ положите, ваше превосходительство, по четыре рублика въ день.

— То-есть, сто двадцать рублей въ мѣсяцъ? Изволь! По рукамъ! Но только, чуръ, исполнять свою должность со всѣмъ усердіемъ и стараніемъ.

— Останетесь нами довольны, ваше превосходительство! То есть, всѣхъ заграничныхъ Нѣмцевъ и прочихъ разныхъ — другихъ иностранцевъ за поясъ заткнемъ!

— Ну, ладно! Савельичъ! отведи его въ назначенную мною комнату, уложи, и приставь къ нему двухъ дежурныхъ, одного на день, другаго на ночь, да скажи имъ, чтобы строго наблюдали за Антиповымъ, помогали въ случаѣ нужды другъ-другу, и доносили бы мнѣ, черезъ тебя, каждое утро: исполняетъ ли онъ въ точности свою должность.

— Слушаю-съ.

Савельичъ и его двоюродный братъ вышли изъ кабинета, посматривая другъ на друга изъ-подлобья и улыбаясь въ молчаніи.

Наконецъ дюжій и рослый Антиповъ громко и раскатисто захохоталъ.

— Что ты?

— Эку баринъ работу выдумалъ! Лежи себѣ на боку, ничего не дѣлай, ѣшь и пей, что хочешь, катайся, какъ сыръ въ маслѣ, и за все это сто двадцать рублевъ жалованья въ мѣсяцъ, да еще и награды! Эко счастье привалило! Да не шутитъ ли онъ?

— Ни, ни! Я его спрашивалъ! отвѣчалъ глубокомысленно Савельичъ, замотавъ головою.

— Чудное дѣло! И не поймешь всѣхъ барскихъ затѣй.



Антиповъ улегся на приготовленную для него, мягкую постель, въ назначенной ему комнатѣ. Опредѣленные при немъ дежурные явились, для деннаго и ночнаго надзора за нимъ.

Прошло пять дней.

— Ну что, Савельичъ? спросилъ г-нъ Д. своего управителя утромъ, на шестой день послѣ заключенія условія съ Антиповымъ. Что нашъ лежебокъ?

— Лежитъ, ваше превосходительство!

— Право? И ни разу не вставалъ съ постели?

— Нѣтъ-съ, ни разу! Дежурные за нимъ строго наблюдаютъ, по вашему приказу.

— Хорошо, братецъ! Скажи имъ, что я ихъ награжу за ихъ неусыпное стараніе и наблюденіе.

— Слушаю-съ!

Прошли еще три дня. Управитель явился утромъ въ кабинетъ г-на Д. съ весьма озабоченнымъ и разстроеннымъ лицомъ.

— Что съ тобой, Савельичъ? спросилъ Д.

— Бунтуетъ, ваше превосходительство!

— Кто?

— Антонъ Антиповъ!

— Что съ нимъ?

— Вскочилъ, прибилъ дежурныхъ и не хочетъ ни за что лежать!

— Какъ такъ? Кормили ли его и поили ли его, какъ слѣдуетъ?

— Подавали все, что ни спроситъ, кромѣ птичьяго молока, ваше превосходительство! Дурь какая-то на него нашла. Хочетъ непремѣнно вамъ лично

представиться, да я сказалъ, что онъ дуракъ, и велѣлъ дежурнымъ уложить его въ постель силою. Они кликнули, на подмогу себѣ, кучера да дворника, и вчетверомъ кое-какъ справились: уложили.

— Напрасно. Вели его позвать ко мнѣ. Надобно узнать: чего онъ хочетъ?

Вскорѣ явился Антонъ Антиповъ, котораго растрепанные волосы и борода, и вообще вся наружность, показывали, что онъ выдержалъ съ дежурными и ихъ помощниками жаркое и отчаянное сраженіе.

— Что ты, Антиповъ? свросилъ Д.

— Нѣтъ, ваше превосходительство! Увольте, сдѣлайте такую отеческую милость! Чуть съ ума не сошелъ, лежа! Что мнѣ ваши сто двадцать рублевъ въ мѣсяцъ! Богъ съ ними! Не хочу! Отпустите, увольте меня!

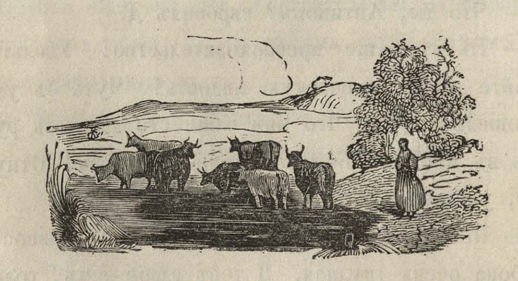
— Послушай, братецъ! Я знаю, что должность лежебока очень трудная. Я тебѣ вдвое дамъ, только служи усердно.

— Ни за что, ваше превосходительство! Вчетверо, впятеро, вдесятеро давайте, такъ не соглашусь! Да это хуже каторги!

— Ну, братецъ, какъ хочешь! сказалъ г-нъ Д. и потомъ прибавилъ, обратясь къ управителю Савельичу: — Заплати ему, что слѣдуетъ по разсчету,

дай десять рублей награды, и отпусти; а потомъ разскажи объ этомъ лежебокѣ моимъ дворовымъ людямъ и крестьянамъ той деревни, которые жаловались мнѣ на обременительность ихъ трудовъ, да разсказывай и всѣмъ, кому только заблагоразсудишь. Это для всѣхъ пригодится.

К. Масальскій.





СВЯТОГОРСКІЙ МОНАСТЫРЬ И МОГИЛА А. С. ПУШКИНА.



ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ А. С. ПУШКИНѢ.

Псковской губерніи, въ Опочецкомъ уѣздѣ, въ 40 верстахъ отъ уѣзднаго города, расположенъ на Синичьихъ горахъ Святогорскій монастырь, основанный въ 1569 году, въ память явленія на этомъ мѣстѣ чудотворной иконы Божіей Матери юродивому юношѣ *Тимоѳею*. По повелѣнію Царя Іоанна Васильевича, устроена была на этой горѣ каменная церковь во имя *Успенія Пресвятыя Богородицы*, и

алтарь занялъ то самое мѣсто, гдѣ стояла сосна съ явленною иконою *Одигитріи*; при подошвѣ же горы, въ долинѣ, окруженной холмами, расположенъ былъ монастырь.

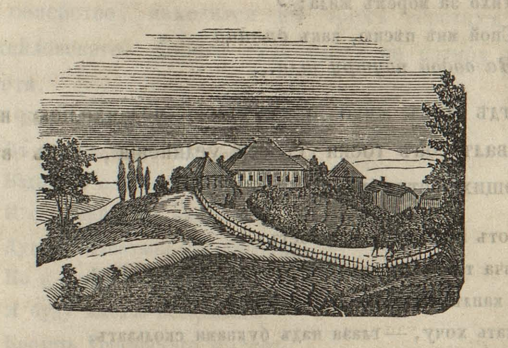
Этотъ монастырь хранится донынѣ въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ построенъ первоначально. Тысячи людей, каждогодно два раза, собираются сюда изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ на поклоненіе иконѣ Божіей Матери, прославленной чудесами и исцѣленіями болящихъ.

Между многими могилами, окружающими церковь, одна въ особенности останавливаетъ вниманіе богомольцевъ: близъ церковнаго алтаря, большой черный крестъ пріосѣняетъ бренные останки незабвеннаго нашего поэта, *Александра Сергѣевича Пушкина*.

Нельзя не вспомнить безъ сердечнаго умиленія, что здѣсь, въ окрестностяхъ монастыря, въ помѣстьѣ своемъ, сельцѣ Михайловскомъ, нѣкогда жилъ и проводилъ лучшіе года свои Александръ Сергѣевичъ. Здѣсь онъ вдохновлялся музою и написалъ лучшія свои произведенія, и здѣсь же ранняя могила разверзла ему нѣдра свои и сокрыла его отъ насъ навѣки.

Село Михайловское было постояннымъ мѣстопребываніемъ Пушкина въ 1825 и 1826 годахъ.

Деревянный одноэтажный домъ его, стоящій одиноко, почти въ двухъ верстахъ отъ деревни Михайловской, расположенъ на небольшомъ пригоркѣ и окруженъ службами. Передъ домомъ, съ одной стороны, есть небольшой скверъ и далѣе тянется, почти на цѣлую версту, чистый паркъ, украшенный по мѣстамъ цвѣтниками. Съ другой стороны извивается по лугу рѣка Сороти, впадающая въ Великую.



Въ этомъ домѣ, столь же драгоцѣнномъ для Русскихъ, какъ для Англичанъ домъ Шекспира, Пушкинъ занималъ послѣднюю комнату съ правой стороны, въ три окна.

Часто вспоминаетъ онъ, въ своихъ мелкихъ стихотвореніяхъ, о своей деревенской, пустыннической

жизни и о единственномъ товарищѣ въ этомъ безлюдствѣ, своей доброй старушкѣ-нянѣ.

‘‘Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена?
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?
Спой мнѣ пѣсню, какъ *синица*
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ *дѣвица*
За водой поутру шла.,,

Нигдѣ такъ живо и съ такою меланхоліею не обрисовалъ онъ тоски своего уединенія, какъ въ слѣдующихъ стихахъ:

‘‘Вотъ вечеръ: вьюга воетъ;
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь сердце ноетъ:
По каплѣ медленно глотаю скуки ядъ.
Читать хочу, — глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко.... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу, насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова:
Ко звуку звукъ нейдетъ.... теряю всѣ права
Надъ риѳмой, надъ моей прислужницею странной,
Стихъ вяло тянется, холодный и туманной.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ.
. . . .

Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданная семья; старушка, двѣ дѣвицы,
Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы:
Какъ оживаетъ вдругъ глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!

Послѣдніе стихи относятся къ доброму семейству О***ыхъ. Ихъ дружба оживляла томительные дни Пушкина. Сельцо Тригорское, гдѣ живетъ это семейство, находится въ трехъ верстахъ отъ Михайловскаго. Дорога туда идетъ по изгибу рѣки Сороти.

„Быть можетъ, ужъ не долго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.
Но и вдали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подъ сѣнью липъ домашней.
Когда померкнетъ ясный день,
Одна изъ глубины могильной
Такъ иногда въ родную сѣнь,
Летитъ тоскующая тѣнь,
На милыхъ бросить вздохъ умильной.„

Въ заключеніе всѣхъ этихъ указаній на Михайловское и его окрестности, нельзя не привесть здѣсь стихотворенія, которое было *послѣднимъ* плодомъ пера Пушкина и въ которомъ, какъ въ общей картинѣ, изображено все, описанное по частямъ въ другихъ.

"Опять на родинѣ! Я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня;
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я. Но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо, —
И кажется вечеръ еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны....
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко;
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой

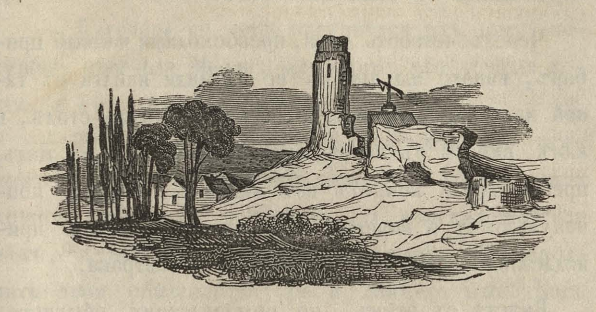
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скрывалась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ....

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, — одна поотдаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко, —здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ вѣтеръ съ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и передъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ-же,
Все тотъ-же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое; Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ

Услышитъ мой привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полный,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ....





ОРЛИНОЕ ГНѢЗДО.

РАЗСКАЗЪ ГРАФИНИ БАССАНВИЛЬ.

Я путешествовала по горной Шотландіи въ обществѣ молодыхъ и веселыхъ художниковъ.

Проѣхавъ между овраговъ, рытвинъ и пропастей по-крайней-мѣрѣ три мили, мы достигли наконецъ до небольшой деревеньки, находящейся при въѣздѣ въ долину *Гленъ-Орчи*, и остановились въ единственной тамъ гостинницѣ.

Это было въ воскресенье утромъ.

Хозяйка гостинницы была прекрасна собой, чрезвычайно жива, проворна и услужлива.

Пока она намъ приготовляла завтракъ, мы при-

поминали наши путевыя впечатлѣнія и происшествія, случившіяся съ нами въ дорогѣ.

Черезъ четверть часа, превосходный чайный приборъ, какого мы никакъ не ожидали найдти въ такой маленькой деревенькѣ, стоялъ уже на столѣ, и намъ, вмѣстѣ съ чаемъ, подали свѣжее масло, медъ, превосходный компотъ изъ мелкихъ плодовъ, копченую рыбу и вареныя яйца — необходимую принадлежность богатаго шотландскаго завтрака.

Вмѣстѣ съ этимъ, по шотландскому обыкновенію, намъ принесли сухихъ лепешекъ изъ овсяной муки, которыя для бѣдныхъ людей въ Шотландіи замѣняютъ хлѣбъ, и вмѣстѣ съ картофелемъ составляютъ единственную ихъ пищу.

Во время нашего завтрака, мы заставляли говорить нашу хозяйку, и забавлялись ея веселыми разсказами. Она была еще очень молода, только два года замужемъ, и имѣла прелестнаго ребенка нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Вдругъ раздался благовѣстъ на сельской часовнѣ; въ скоромъ времени отворилась дверь, и въ комнату къ намъ вошла пожилая женщина.

— Не соберешься ли ты къ обѣдни, Молли? сказала она: ты знаешь, что нашъ добрый пасторъ сердится на тебя за то, что ты не исполняешь сво-

ихъ религiозныхъ обязанностей; я ему обѣщала привести тебя сегодня въ церковь.

— Я теперь не могу отлучиться изъ дому, матушка, отвѣчала Молли: вы видите, что у меня гости, а мужъ еще не возвратился.

— Это только отговорка, возразила, съ важнымъ видомъ, старая крестьянка: эти господа сами хорошiе христiане, прибавила она, слегка поклонясь намъ, и вѣрно не захотятъ помѣшать тебѣ исполнить твои обязанности; да и домъ-то твой, Богъ лучше сбережетъ, чѣмъ ты сама. Берегись, Молли, и бойся разгнѣвать Его: кто уклоняется отъ заповѣдей Божiихъ, тотъ заслуживаетъ весь Его гнѣвъ!...

Молли надула губки, что̀ ей было чрезвычайно къ лицу, и рѣшительно отказалась слѣдовать за матерью.

Когда старая поселянка удалилась, мы узнали отъ нашей хозяйки причину, по которой она такъ рѣшительно отказывалась слѣдовать за матерью.

Мужъ велѣлъ ей въ этотъ день убрать сѣно, и она хотѣла это сдѣлать поутру, чтобъ вечеромъ быть свободной, и имѣть возможность участвовать въ сельскомъ праздникѣ.

— Вы понимаете, прибавила она, что я не могла объ этомъ сказать матушкѣ.

Окончивъ нашъ завтракъ, мы расплатились съ

Молли, и предоставили ей свободу убирать сѣно, а сами пошли въ церковь, куда звонъ колокола не переставалъ сзывать вѣрныхъ.

Вскорѣ представилась глазамъ нашимъ небольшая, но красивой наружности, часовня.

Всѣ крестьяне изъ деревни, и изъ окрестныхъ фермъ, собрались слушать проповѣдь. Стоя передъ дверьми часовни, они дожидались пастора, который появился между ними черезъ нѣсколько минутъ, и, привѣтливо улыбаясь, пожималъ руки прихожанамъ, и говорилъ съ ними ласково и простосердечно.

Вотъ начинается священнодѣйствіе, и набожное пѣніе возносится къ Предвѣчному!...

Но посреди молитвы, раздается вдругъ пронзительный крикъ, и всѣ поселяне, даже самъ пасторъ, оставляютъ церковь, чтобъ спѣшить на этотъ призывъ отчаянія.

Сердца всѣхъ поражены ужасомъ, глаза обращены къ небу!...

Надъ ними медленно парилъ величественный орелъ, широко распустивъ могучія свои крылья, и бросая какъ будто взоръ презрѣнія на толпу людей, собравшихся недалеко отъ его жилища.

Этотъ орелъ, гордость и ужасъ кантона, извѣстенъ былъ каждому горцу. Всѣ съ безпокойствомъ указывали на его неприступное гнѣздо на вершинѣ

скалы, скрытой въ облакахъ, куда онъ переносилъ молодыхъ ягнятъ, похищаемыхъ имъ на пастбищахъ.



Но теперь онъ уносилъ ношу въ тысячу разъ драгоцѣннѣе!

Неосторожная Молли положила своего ребенка на груду сѣна, чтобъ прилежнѣе заняться работой. Орелъ похитилъ невинное твореніе; его когти вцѣпились въ пеленки, которыми былъ обвитъ малютка, и онъ уносилъ его въ свое гнѣздо.

Небольшое пространство отдѣляло церковь отъ подошвы скалы; дорога шла туда между обломками утесовъ и быстрыми потоками, посреди болотъ и густыхъ кустарниковъ.

Всѣ поселяне побѣжали къ скалѣ съ неимовѣрною быстротою, и съ ужасомъ увидѣли то мѣсто, куда орелъ положилъ свою добычу.

Онъ сидѣлъ неподвижно на краю крутаго утеса

подлѣ своей самки, откуда смотрѣлъ на это множество озабоченныхъ людей, которые походили на муравьевъ, встревоженныхъ разрушеніемъ ихъ муравейника.

Есть въ жизни минуты, въ которыя всякій человѣкъ, даже самый могущественный, чувствуетъ ничтожество своей гордости.

— Слабыя мы творенія! воскликнулъ съ чувствомъ старый пасторъ: что̀ значитъ наша сила и нашъ умъ? Что можемъ мы сдѣлать въ подобную минуту?... молиться и ничего болѣе.

Слова эти сильно подѣйствовали на толпу. Всѣ бросились на колѣна, и усердная молитва, молитва полнаго упованія на благость Божію, вознеслась къ небу... Одинъ Богъ могъ спасти несчастнаго младенца.

До этихъ поръ никто не думалъ о несчастной матери. Сидя на обломкѣ скалы, Молли смотрѣла на орловъ машинально, безъ всякой мысли.

Но вдругъ, какъ будто вдохновленная сверхъестественной силою, она бросается къ скалѣ; терновники, за которые она зацѣпляется, кучи камней, преграждающихъ ей путь, не удерживаютъ ея стремленія.

Она прокладываетъ себѣ дорогу, взбирается по скользкимъ крутизнамъ и достигаетъ высоты, на ко-

торую не всходилъ ни одинъ охотникъ, гоняясь за серной.

— Неужели ни отъ кого нельзя ожидать помощи? въ слезахъ воскликнули поселянки: неужели никто не рѣшится послѣдовать за бѣдною Молли, чтобъ спасти ее и помочь сойти со скалы?

Тогда человѣкъ высокаго роста, съ загорѣлымъ отъ солнца лицомъ, и съ черными, густыми волосами, вышелъ изъ толпы: это былъ Яковъ Аддисонъ, извѣстный своею храбростію и неустрашимостію.

Онъ уже нѣсколько разъ, во время сраженія, отличался въ схваткахъ съ непріятельскими караблями, бросаясь первый на абордажъ. На бурномъ морѣ, посреди высокихъ валовъ и завыванія бури, для него было забавой взбираться на самыя высокія мачты и качаться на ихъ вершинахъ.

Поселянки съ восторгомъ приняли его готовность послѣдовать за несчастной матерью, которая продолжала свой трудный путь почти безъ отдыха, помышляя только о спасеніи единственнаго сына.

Никто не могъ разсмотрѣть, на что она упиралась ногами, и за что цѣплялись ея руки.

Но Богъ, въ Своей безконечной благости, послалъ ей Ангела Хранителя младенцевъ, который невидимо парилъ вокругъ нея, удерживалъ зыблющійся подъ ея ногами камень, и давалъ крѣпость сла-

бымъ растеніямъ, за которыя хваталась она трепетными руками.

Между тѣмъ, Яковъ Аддисонъ, съ удивительною быстротою перепрыгивая черезъ кучи каменьевъ, огромные пни, и черезъ широкія разсѣлины, уже совершилъ половину пути; но огромная, почти отвѣсная, и съ гладкой поверхностью, скала остановила его предпріятіе.

Когда онъ пытался вскарабкаться на нее, ноги его поскользнулись, и разверзтая подъ нимъ бездна поглотила бы его, если бъ обломокъ скалы, по счастію, не удержалъ его стремительнаго паденія.

Первый разъ въ жизни Яковъ Аддисонъ вздрогнулъ и съ ужасомъ закрылъ лицо руками.

Въ долинѣ поняли его уныніе; надежда угасла въ сердцахъ поселянъ, и горестные крики снова раздались между горцами.

Они уже болѣе не сомнѣвались въ погибели бѣдной Молли, которую только материнская любовь и твердое упованіе на Бога поддерживали на этомъ ужасномъ пути.

Наконецъ, Молли приблизилась къ цѣли!... Страшный шумъ окружаетъ ее, бѣглыя тѣни парятъ надъ нею. Это орлы, разъяренные тѣмъ, что у нихъ хотятъ отнять ихъ добычу.

Они вьются вокругъ нея и волнуютъ своими

крыльями воздухъ, которымъ дышетъ несчастная. Молли видитъ ихъ сверкающіе глаза, согнутые клевы, окровавленные когти, и считаетъ себя погибшею.



Но... новое чудо! вѣрное доказательство покровительства Бога! — Тайный страхъ овладѣваетъ кровожадными птицами; онѣ, съ пронзительнымъ визгомъ, отлетаютъ въ сторону, и, прижавшись другъ къ другу, садятся на пень сломаннаго дерева, висящаго надъ пропастью, глубиною болѣе пятисотъ футовъ, и устремляютъ изумленные свои взоры на волны потока, который бушуетъ въ глубинѣ.

Трепещущая, волнуемая, въ одно и то же время, радостью и скорбью, отчаяніемъ и надеждою, Молли бросается къ гнѣзду орловъ и находитъ своего сына... несчастнаго малютку, на ложѣ изъ окровавленныхъ костей, посреди остатковъ растерзанныхъ животныхъ.

Пеленки, которыми онъ былъ обвитъ, предохранили его, по счастію, отъ жестокихъ когтей его похитителя, и онъ спалъ сномъ ангела.

Увидѣвъ его, счастливая мать упала на колѣна и вознесла къ небу взоръ, въ которомъ выразилась вся безпредѣльность любви и благодарности Всевышнему...

Сынъ ея живъ... она задыхается отъ радости, и на минуту остается погруженная въ этотъ восторгъ блаженства; потомъ, взявъ сына къ себѣ на руки, прижимаетъ его къ сердцу и проливаетъ обильныя слезы.

Тогда нервическій кризисъ, который придавалъ Молли сверхъ-естественную силу, оставляетъ ее. Бѣдная женщина думаетъ о возвращеніи, и съ отчаяніемъ помышляетъ объ опасностяхъ пути; она трепещетъ не за себя, но за свою драгоцѣнную ношу.

— Боже! восклицаетъ она: Ты, Который поддерживалъ меня до-сихъ-поръ, не оставь меня и

теперь, и не дай погибнуть моему бѣдному малюткѣ. Безъ Твоей помощи, мнѣ никогда не сойти съ этого утеса, безъ Тебя мнѣ никогда не видать ни моей матери, ни моего мужа! Боже, Боже мой! сжалься надъ нами!

Послѣ этой молитвы, которая вылилась прямо изъ души, Молли хочетъ спускаться со скалы, но силы ей измѣняютъ. Духъ ея, утомленный страданіемъ и сильными впечатлѣніями, не можетъ оживиться надеждою.

Она смотритъ вокругъ себя, и съ трепетомъ отступаетъ. Передъ нею скатъ крутаго утеса, скалы и пропасти; внизу, толпа людей едва примѣтныхъ, волнующихся и бѣгающихъ туда и сюда.

Это ея друзья, родные и сосѣди, которые любятъ ее, жалѣютъ объ ней, но, какъ творенія безсильныя, не въ состояніи ей подать руку помощи.

Молли въ отчаяніи, не знаетъ, на что рѣшиться... но Богъ, по неисповѣдимой благости Своей, посылаетъ ей средство къ избавленію.

Посмотрѣвъ внизъ, она замѣчаетъ, что огромное дерево съ корнями вырвалось изъ скалы, увлекло за собой гранитные осколки и кустарники, и, скатившись на довольно большое пространство, остановилось.

При этомъ зрѣлищѣ, которое для себя считаетъ указанiемъ неба, она быстро встаетъ, платкомъ привязываетъ къ себѣ ребенка и, съ полу-закрытыми глазами, спускается по проложенному упавшимъ деревомъ пути.

Проходятъ нѣсколько секундъ, которыя отважной Молли кажутся вѣками, какъ небольшой холмикъ удерживаетъ наконецъ ея паденiе.

Отдохнувъ короткое время, она воодушевляется новымъ мужествомъ и рѣшается спускаться далѣе. Она чувствуетъ, что ужасная быстрота увлекаетъ ее книзу и, въ отчаянiи, хватается за колючiй терновникъ, за мохъ, за каждую травку.

Въ довершенiе ужаса, она замѣчаетъ, что отрывавшiеся отъ скалы камни скатываются внизъ, и паденiемъ своимъ не производятъ ни какого шума.

Она считаетъ себя на дорогѣ въ бездну, и, въ отчаянiи, не замѣчаетъ въ первую минуту, что груда камней, встрѣтившихся на ея пути, остановила ея паденiе.

Опомнившись, она чувствуетъ въ себѣ новую бодрость! Лучъ надежды прокрадывается въ ея сердце, и она мысленно вручаетъ сына подъ покровъ Пресвятой Богородицы, заступницы несчастныхъ и угнетенныхъ.

Въ надеждѣ на скорое избавленiе отъ опасности,

она дѣлаетъ послѣднее усиліе, и достигаетъ наконецъ надежной опоры.

Но и тутъ опасность еще не миновалась!

Со всѣхъ сторонъ она была окружена пропастями, и не знала куда итти.

Случай вывелъ ее и изъ этого затруднительнаго положенія.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, она увидѣла козу, и, руководимая ею, добралась наконецъ до того мѣста горы, которое, хотя было и не безопасно, но все-таки доступно для человѣка.

Въ скоромъ времени, она услышала голоса, и Яковъ Аддисонъ съ другими поселянами предстали предъ нею, и на рукахъ снесли ее въ долину.

Нельзя себѣ представить удивленія и восторга поселянъ, при видѣ счастливой матери и ея сына, избавившихся отъ опасности.

Чудесное избавленіе ея, они приписывали заступничеству Того, Который Одинъ располагаетъ нашею жизнію и проливаетъ въ сердца наши радость, надежду и утѣшеніе.

— Возблагодаримъ Господа Бога! воскликнулъ пасторъ:—и всѣ поспѣшили за нимъ въ церковь, и въ хвалебномъ гимнѣ къ Предвѣчному выразили всю безпредѣльность своей благодарности.

Восемь лѣтъ спустя, случай привелъ меня опять

въ горную Шотландію. Любопытствуя увидѣть Молли, я нарочно поѣхала въ долину Гленъ-Орчи, гдѣ нашла ее окруженною большимъ семействомъ и, по прежнему, счастливою.

Случай, бывшій съ ея старшимъ сыномъ, научилъ ее быть внимательнѣе къ своимъ священнымъ обязанностямъ. Поведеніемъ своимъ она пріобрѣла любовь и уваженіе своихъ сосѣдей, и мѣстный пасторъ приводилъ ее въ примѣръ благочестія и набожности молодымъ женщинамъ.

Старшій сынъ ея надѣленъ отъ природы счастливыми способностями; въ память чудеснаго его избавленія, горцы прозвали его *орломъ*, а въ семействѣ онъ слыветъ подъ именемъ *ангела*.





РОЗА И МАРГАРИТА.

Адріанъ Марбоа и Жоржъ Фельтонъ нѣсколько времени проводили уже на свободѣ. Находившись восемь лѣтъ въ одной и той же школѣ, они почувствовали другъ къ другу расположеніе, и соединились тѣсными узами дружбы, которые сохранили и послѣ, хоть дружба эта не была уже такъ сильна и искренна, какъ въ дѣтскомъ возрастѣ, и казалась болѣе привычкой, чѣмъ дѣйствительною другъ къ другу склонностію.

Адріанъ Марбоа, на двадцат третьемъ году

жизни, былъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ; голубые его глаза показывали его откровенность, а улыбка привлекала къ нему сердца всѣхъ, его окружавшихъ.

Вырвавшись изъ училища, онъ съ жадностію бросился было на удовольствія, которыя ему съ школьной скамейки казались такъ привлекательны, но скоро убѣдился, что счастіе — если оно только есть на землѣ — должно состоять въ другихъ благахъ, болѣе прочныхъ.

Напротивъ того, Жоржъ Фельтонъ, разъ увлекшись удовольствіями жизни, не чувствовалъ въ себѣ ни силы, ни воли, чтобъ оторваться отъ нихъ. Онъ имѣлъ огромный успѣхъ въ тѣхъ же обществахъ, отъ которыхъ бѣжалъ Адріанъ.

Однажды утромъ, молодые люди встрѣтились на улицѣ, не видавъ другъ друга болѣе мѣсяца.

— Я долженъ сознаться, любезный Адріанъ, сказалъ Фельтонъ, что случай мнѣ сегодня поблагопріятствовалъ. Я уже два раза заходилъ къ тебѣ на этой недѣлѣ: — нѣтъ дома! я искалъ тебя въ циркѣ, въ оперѣ: — не являлся! я о тебѣ справлялся у знакомыхъ: — пропалъ!

— Тебѣ, дѣйствительно, трудно было бы меня найти, потому что я оставляю прежній образъ жизни....

— Ты разумѣешь подъ этимъ и своихъ друзей?

— Я не дошелъ еще до того, чтобы исключить тебя изъ числа ихъ... Ну! скажи-ка, что́ ты дѣлаешь? Я держу пари, что ты теперь возвращаешься съ какой-нибудь веселой пирушки.

— Ты это думаешь потому, что я одѣтъ изысканнѣе, чѣмъ бы это слѣдовало утромъ, но ошибаешься! Два слова тебѣ объяснятъ, въ чемъ дѣло: я женюсь!

— На комъ же?

— На хорошенькой и образованной дѣвицѣ, съ приданымъ во сто пятьдесятъ тысячъ франковъ. Я тебя представлю моей будущей тещѣ; она прекрасная женщина, и разбогатѣла отъ своего моднаго магазина, гдѣ продавала чепчики и бѣлье.... Ты увидишь также и ея мужа, прекраснаго и добродушнаго человѣка. Пожалуйста, приходи къ нимъ сегодня вечеромъ — у нихъ будутъ гости.

— Ты вѣдь знаешь, любезный Жоржъ, что я плохой дамскій собесѣдникъ.

— Это ничего не значитъ! Тамъ будутъ и мужчины, съ которыми ты можешь разсуждать о чемъ тебѣ заблагоразсудится. И такъ, до сегоднишняго вечера. Адресъ: г-жа Стенвиль, въ улицѣ Ришелье... ты знаешь этотъ прекрасный домъ, который...

— Да, я его помню!

Простившись съ Адріаномъ, Фельтонъ удалился скорыми шагами.

Адріанъ, оставшись одинъ, поворотилъ на бульваръ, оттуда въ улицу Монмартръ, и дошелъ до улицы Кадрапъ.

Тамъ онъ вошелъ въ одинъ домъ, представлявшійся, по наружности, обветшалымъ и мрачнымъ. Привратникъ, поклонившись ему, поспѣшилъ сказать, не дождавшись его вопроса:

— Въ четвертый этажъ, на самый конецъ корридора, какъ я это уже вамъ говорилъ вчера.

Черезъ нѣсколько минутъ, молодой человѣкъ входилъ въ небольшую комнату на чердакѣ, въ которой истлѣвшіе отъ сырости обои покрывали стѣны, а окна, отъ малѣйшаго вѣтра, дребезжали, и пропускали въ скважины струи холоднаго воздуха, котораго свистъ походилъ на продолжительный болѣзненный вздохъ.

Въ темномъ углу комнаты стояла кровать, на которой лежала больная женщина, покрытая поношеннымъ но чистенькимъ шерстянымъ одѣяломъ. Она была завѣшена простыней, которой бѣлизна свидѣтельствовала о заботливости и попечительности чьей-то руки.

Больная посмотрѣла съ удивленіемъ на вошедшаго, который, съ свойственною ему деликатностію,

поспѣшилъ передать, что онъ присланъ благотворительною дамой, которая, узнавъ о ея стѣснительномъ положенiи, рѣшилась предложить ей, до лучшихъ временъ, незначительное пособiе.



Предложенiе это вызвало на впалыя и изсохшiя щеки больной легкiй румянецъ.

— Благодарю васъ, сказала она съ замѣшательствомъ: наша бѣдность еще не такъ велика, чтобы принять пособiе, на которое болѣе права имѣютъ люди, несчастнѣе насъ. Изъ всѣхъ богатствъ, которыми я нѣкогда владѣла, Богъ оставилъ мнѣ драгоцѣннѣйшее благо, мою нѣжно-любимую дочь, мою Маргариту!

Адрiанъ сдѣлалъ при этомъ невольное движенiе, какъ-будто онъ хотѣлъ сказать: я это знаю!

— Благодаря ея трудамъ, мы въ состоянiи еще удовлетворять нашимъ необходимымъ потребностямъ

безъ посторонней помощи. Каждый день, который мнѣ кажется цѣлой вѣчностію, потому что я лишена ея нѣжныхъ заботъ съ восьми часовъ утра до десяти вечера, а иногда и позже, — каждый день, говорю я, приноситъ намъ средства, хоть и ограниченныя, но все-таки достаточныя. Я чувствую, притомъ, что мнѣ не долго придется нести бремя этой нищеты, вся тяжесть которой падаетъ на мою дочь; но она успокоится, когда меня не будетъ! Господь Богъ! это мое утѣшеніе, моя награда; жизнію своей, я заслужила, чтобъ Онъ меня принялъ къ Себѣ, и тогда я Ему буду молиться до тѣхъ поръ, пока Онъ не заплатитъ ей моего долга.

Марбоа удалился съ прискорбіемъ и съ сожалѣніемъ; встрѣтивъ на лѣстницѣ привратника, онъ передалъ ему два луидора и взялъ съ него слово употребить эти деньги для больной.

Въ тотъ же вечеръ, Адріанъ вспомнилъ о приглашеніи Жоржа, и, нанявъ экипажъ, поѣхалъ къ г-жѣ Стенвиль.

Модный магазинъ занималъ первый этажъ дома, въ которомъ жила теща Фельтона. Проходя мимо полу-растворенной двери, молодой человѣкъ замѣтилъ нѣсколькихъ дѣвушекъ, которыя, не смотря на то, что день уже прошелъ, занимались все еще своимъ шитьемъ.

Во второмъ этажѣ, возгласъ лакея, извѣстившаго о пріѣздѣ его, вызвалъ къ нему на встрѣчу Жоржа, который и представилъ его своей будущей тещѣ.

Посмотрѣвъ на нее и замѣтивъ ея надменный видъ, Марбоа догадался, что достоинство ея состояло исключительно въ ея дорогомъ нарядѣ.

На ней было платье прекрасной, дорогой матеріи, обшитое тройнымъ рядомъ широкихъ кружевъ, а на рукахъ брилліантовые браслеты, стоющіе, по-крайней-мѣрѣ, тысячъ десять франковъ.

Мужъ ея былъ человѣкъ не молодыхъ уже лѣтъ. Адріанъ, безъ всякаго желанія, заслужилъ его довѣренность, спросивъ только: сколько могли заработывать, въ ихъ магазинѣ, эти дѣвушки, которыхъ они держатъ девять или десять часовъ въ сутки?

— Два франка, а иногда два франка и пятьдесятъ сантимовъ, отвѣчалъ Стенвиль, съ достоинствомъ; но имъ платятъ также за воскресенье, когда работы много, и это обыкновенно случается два раза въ году и продолжается каждый разъ мѣсяца по три.

Узнавъ это, Адріанъ почувствовалъ сожалѣніе къ однимъ и отвращеніе къ другимъ; за самую ничтожную плату, дѣвушки работали въ магазинѣ по цѣлымъ днямъ, и безпрерывнымъ трудомъ и

жертвуя своимъ здоровьемъ, доставляли хозяевамъ цѣлыя пачьки банковыхъ билетовъ, не получая для себя ни какого облегченія.

Эти печальныя мысли Адріана были прерваны г-жею Стенвиль, которая представляла гостямъ, что дочь ея не въ состояніи исполнить ихъ просьбу и пѣть, потому-что она уже танцовала столько, что должна была устать; но Роза, въ противность желанія матери, уступила желанію гостей, понимая, сколько она имъ сдѣлаетъ этимъ удовольствія.

Голосъ ея, хоть и не обширный, но былъ пріятенъ и производилъ эффектъ; притомъ, во время пѣнія, она показывала прекрасный рядъ бѣлыхъ зубовъ, глаза ея выражали нѣгу и тихую меланхолію, а руки, прозрачной бѣлизны, принимали такія живописныя формы, что гости, каждую минуту, находили предметъ, достойный рукоплесканія.

Адріанъ не раздѣлялъ всеобщаго восторга, и вскорѣ удалился, незамѣченный никѣмъ.

Сошедъ съ лѣстницы, онъ остановился у дверей магазина, и узналъ рѣзкій и сердитый голосъ г-жи Стенвиль, которая бранила одну работницу.

— Какъ! одиннадцать часовъ едва пробило, а вы уже хотѣли уйти, говорила г-жа Стенвиль. Такая лѣность рѣшительно непростительна, и дѣлаетъ вамъ стыдъ!

— Матушка моя очень больна, и съ самого утра....

— Отговорки!... если слушать васъ всѣхъ, то у всякой изъ васъ найдется кто-нибудь боленъ.... Мнѣ нужно больше прилѣжанія, а вы подаете здѣсь худой примѣръ.... Г-жа Маржоленъ, вы сдѣлаете разсчетъ съ этой лѣнивой дѣвочкою.

— Ради Бога! вотъ уже два года, какъ я работаю у васъ, и развѣ заслужила такое несправедливое....

— Не думаете ли вы, что я стану разсуждать съ вами? Извольте итти! васъ ждутъ для разсчета, и терять время съ вами не будутъ....

Сказавъ это, г-жа Стенвиль ушла изъ рабочей комнаты.

Въ скоромъ времени, вышла изъ дому и молодая работница; заглушая слезы и вопли, въ которыхъ прорывалось, по временамъ, имя ея матери, она думала только о томъ, что мать ея лишилась насущнаго хлѣба.

Недѣлю спустя, Адріанъ Марбоа получилъ приглашеніе на свадьбу Фельтона и Розы; вѣнчаніе назначено было въ полдень.

Въ одиннадцать часовъ Адріанъ вышелъ изъ дому, и у квартиры г-жи Стенвиль замѣтилъ множество съѣзжавшихся экипажей; но онъ не рѣшил-

ся войти въ домъ, а пошелъ опять въ улицу Кадранъ.

Тамъ, въ мрачномъ и обветшаломъ домѣ, въ бѣдной комнатѣ, былъ поставленъ на двухъ стульяхъ простой гробъ, покрытый въ половину черным, изношеннымъ сукномъ. На сыромъ полу, стояла на колѣнахъ дѣвушка и, склонивъ голову къ одному краю гроба, обѣими руками обхватывала лежавшаго въ немъ человѣка, желая, какъ бы, защитить его отъ смертнаго холода. По временамъ, приходили туда бѣдныя женщины и, окропивъ гробъ святою водой, бросали взоръ сожалѣнія на дѣвушку, говоря: «Бѣдная Маргарита! это ея мать!

Когда носильщики вынесли изъ комнаты печальную ношу, сиротка послѣдовала за ними машинально; покраснѣвшіе ея глаза были безъ слезъ, а голосъ не издавалъ болѣе воплей и рыданія.

Блѣдное и неподвижное лицо ея было осѣнено черными, густыми локонами, которые вились, въ безпорядкѣ и по произволу, вокругъ ея шеи.

Въ скоромъ времени, носильщики пришли на кладбище — границу, которая раздѣляетъ сына и отца, брата и сестру, жениха и невѣсту! Спустивъ гробъ въ приготовленную яму, каждый изъ нихъ бросилъ туда кусокъ земли, и помолился объ упокоеніи души усопшей въ царствіи небесномъ.

Могильщикъ явился съ лопатой, заравнялъ свѣжую могилу — и все опять пришло въ прежній порядокъ.

Взошла луна и блѣднымъ свѣтомъ своимъ озарила гробницы кладбища; подъ тѣнію дерева, надъ взрытою землей, все еще сидѣла Маргарита, бросая блуждающіе взоры свои по сторонамъ. Цѣлые уже сутки она не принимала ни какой пищи, и казалась въ крайнемъ изнеможеніи.

Въ это время подошелъ къ ней сторожъ, почтенный старикъ, и сталъ уговаривать ее удалиться.

— Оставьте меня здѣсь, отвѣчала она:—завтра меня уже не будетъ, и тогда похороните меня на этомъ мѣстѣ, подлѣ нея... О! я васъ прошу, оставьте меня здѣсь... Тамъ, на небесахъ, мы обѣ будемъ молиться Господу, чтобы Онъ послалъ на васъ Свое благословеніе.

Утѣшительныя слова сторожа, которыя онъ передавалъ прямо отъ души, и совѣты опытности его, убѣдили, наконецъ, Маргариту покинуть, на нѣсколько часовъ, это печальное жилище.

У воротъ кладбища ожидала карета; старикъ усадилъ ее туда, сѣлъ рядомъ съ нею, и повезъ ее въ тотъ домъ, куда она никогда не думала возвратиться.

Нѣкоторыя страданія такъ сильны, что остана-

вливаютъ совершенно дѣятельность разсудка. При великихъ и неожиданныхъ несчастіяхъ, душа человѣка поражается скорбію и изумленіемъ, и отъ этого двойнаго впечатлѣнія раждается въ немъ какая-то непонятливость, которая бываетъ причиной того, что происшествія, не относящіяся къ его несчастію, не производятъ уже на него ни какого вліянія и впечатлѣнія.

То же самое было и съ Маргаритою, которая ни сколько и не удивилась появленію кареты и вниманію ея спутника.

Взойдя въ свою комнату, теперь одинокую, она стала на колѣна передъ кроватью, гдѣ ея мать запечатлѣла на ея устахъ послѣдній поцѣлуй.

На маленькомъ столѣ стояла чашка теплаго бульону, а подлѣ нея клочокъ бумаги, на которомъ были написаны только эти слова: «именемъ вашей матери!»

Она поняла, и выпила.

Рано утромъ, еще до зари, Маргарита была уже у воротъ кладбища; сторожъ, отворивъ ей калитку, просилъ ее послѣдовать за нимъ.

Пройдя мимо многихъ гробницъ, они пришли, наконецъ, къ новой могилѣ, покрытой свѣжею зеленью, и на которой поставленъ былъ небольшой

крестъ, украшенный вѣнками. На немъ она прочитала имя той, тоторой уже не было, упала на колѣна, и обняла его обѣими руками....



Одинъ крикъ, одно слово вырвалось у нея изъ груди: «Мать моя!» но этотъ крикъ былъ крикъ пробужденія, послѣ котораго она залилась горькими слезами.... Она была спасена!

Нѣсколько времени спустя, когда обильныя слезы облегчили ея грусть, она оглянулась, чтобы распросить старика, но его уже не было. Недалеко отъ нея стоялъ молодой человѣкъ, скромной и прекрасной наружности, и смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, проливая слезы.

Молодая дѣвушка не колебалась ни минуты.... тотъ, который поставилъ крестъ на могилу несчастной; который разсыпалъ цвѣты... былъ онъ, ея

ангелъ-хранитель! И въ ту же минуту, не смотря на сопротивленіе Адріана, она бросилась цѣловать его руки, и дала обѣтъ посвятить ему свою жизнь и сердце, еще непорочное.

Цѣлый годъ уже прошелъ со времени свадьбы Фельтона, и онъ, въ свою очередь, получилъ пригласительный билетъ на свадьбу Адріана и Маргариты.

Отправившись къ своему старому товарищу, онъ сказалъ ему:

— Прими, любезный Адріанъ, искреннѣйшее мое поздравленіе!... Скажи, на комъ ты женишься?

— На дѣвушкѣ, отличающейся любовью къ родителямъ, благоразуміемъ, и достойной всякаго уваженія и любви....

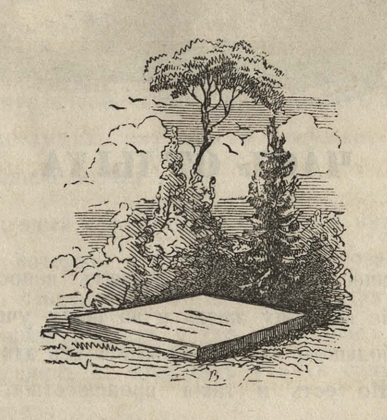
— Только-то?

— Мнѣ кажется, что этого достаточно?

— Въ какомъ же климатѣ росла твоя возлюбленная, и гдѣ ты успѣлъ сорвать такой рѣдкій цвѣтокъ?

— Онъ распустился въ небольшой и бѣдной комнатѣ на чердакѣ, которую наполнялъ своимъ благоуханіемъ; онъ цвѣлъ у изголовья бѣдной больной, которую, своимъ прекраснымъ запахомъ, поддержи-

валъ десять лѣтъ; онъ благоухалъ на могилѣ, гдѣ чуть не увялъ отъ любви къ матери.... и этотъ цвѣтокъ есть та дѣвушка, мать которой была убита жадностію твоей тещи. Будущность намъ, конечно, покажетъ, кто изъ насъ двухъ сорвалъ лучшій цвѣтокъ: у тебя блистательная роза, у меня же скромная маргаритка.





ЧАСЪ ОТДЫХА.

Происшествія, которыя имѣютъ непосредственное вліяніе на нашу жизнь и на нашу участь, проходятъ, большею частію, незамѣтнымъ для насъ образомъ. Но есть и такія происшествія, которыя происходятъ вокругъ насъ, но бываютъ для насъ безъ всякихъ послѣдствій, не оставляя въ насъ даже и сознанія объ ихъ существованіи.

Мысль эту внушилъ намъ разсказъ о приключеніяхъ Давида Свантона.

Давидъ родился въ республикѣ Нью-Гампширъ, отъ честныхъ родителей, и получилъ хорошее образованіе въ академіи города Гильмантора. Двадцати лѣтъ отъ роду, отецъ отправилъ его въ Бостонъ къ дядѣ, у котораго молодой Давидъ долженъ былъ поступить въ контору.

Онъ уже цѣлое утро провелъ въ дорогѣ; но, наконецъ, въ полдень, усталость и несносная жара заставили его подумать объ отдохновеніи.

Въ сторонѣ отъ дороги, онъ замѣтилъ прекрасное мѣстечко, осѣненное густымъ кустарникомъ, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, журчалъ ручеекъ, и рѣшился, во ожиданіи публичной кареты, прилечь тамъ на травѣ. Узелокъ послужилъ ему вмѣсто подушки, а густая трава замѣнила перину.

Защищенный отъ солнечныхъ лучей вѣтвями кустарника, которыя, переплетаясь, образовали надъ нимъ родъ свода, и прохлаждаемый свѣжимъ ручейкомъ, который журчалъ у его ногъ, нашъ молодой путешественникъ не замедлилъ уснуть самымъ глубокимъ сномъ.

Но пока онъ такъ сладко спалъ, другіе путешественники безпрестанно проходили и проѣзжали мимо него: одни изъ нихъ проходили, не обративъ на него вниманія, другіе, посмотрѣвъ на него, поза-

бывали объ немъ чрезъ нѣсколько шаговъ; нѣкоторые улыбались, увидѣвъ, что онъ спитъ такъ крѣпко, а нѣкоторые бросали на него взоръ, выражавшій полное презрѣніе.



Въ это же время проѣзжала по дорогѣ карета, запряженная парою гнѣдыхъ лошадей, и остановилась почти у того же мѣста, гдѣ спалъ молодой человѣкъ.

Изъ нея вышелъ старый негоціантъ съ женой, который, возвращаясь въ Бостонъ, принужденъ былъ остановиться, по причинѣ порчи колеса.

Пока лакей и кучеръ заботились о починкѣ экипажа, негоціантъ и жена его углубились въ рощу, и замѣтили Давида, котораго сонъ поддерживался безпрестаннымъ журчаніемъ ручейка.

Увлекаясь впечатлѣніемъ, которое производитъ

всегда человѣкъ спящій, какого бы онъ ни былъ званія или состоянія, негоціантъ приблизился къ нему такъ тихо, какъ ему это позволяла подагра, а жена его приняла и съ своей стороны всѣ мѣры предосторожности, чтобы не разбудить Давида.



— Какъ онъ крѣпко спитъ, говорилъ въ полголоса негоціантъ, и какъ свободно дышетъ! Я отдалъ бы половину моего дохода, чтобы вкусить наслажденіе подобнаго сна. Такой сонъ есть признакъ здоровья и спокойствія.

— И молодости также, прибавила дама, потому что здоровье и спокойствіе души уже недостаточны въ наши лѣта, чтобы пользоваться такимъ сномъ. Бдѣніе и сонъ старыхъ людей не походятъ вовсе на бдѣніе и сонъ людей молодыхъ.

Чѣмъ болѣе они смотрѣли на Давида, тѣмъ болѣе начинали чувствовать къ нему расположеніе.

Замѣтивъ, что одинъ лучъ солнца пробирается между чащею вѣтвей его бесѣдки и падаетъ ему прямо въ лицо, дама поспѣшила сорвать, по близости, густую вѣтку, и, съ материнскою заботливостію, расположила ее такъ, чтобы солнце не безпокоило спящаго.

Потомъ, обратившись къ мужу, она стала говорить въ полголоса:

— Мнѣ кажется, что судьба посылаетъ намъ этого молодаго человѣка, чтобы принять его въ наше семейство, особенно теперь, когда нашъ отдаленный родственникъ, котораго мы хотѣли усыновить, поведеніемъ своимъ оказался недостойнымъ нашего вниманія. Этотъ молодой человѣкъ имѣетъ даже нѣкоторое сходство съ нашимъ покойнымъ сыномъ. Не разбудить ли его, какъ ты думаешь?

— За чѣмъ же? отвѣчалъ негоціантъ нерѣшительно: мы не можемъ знать происхожденія его...

— Но это открытое лицо, перебила его жена, этотъ невинный сонъ показываютъ уже достаточно...

Пока происходилъ этотъ разговоръ, и фортуна, повидимому, улыбалась Давиду, сердце его оставалось спокойно, дыханіе его нисколько не измѣнялось, и лицо его не выражало ни какого смущенія.

Супруги, находясь въ какомъ-то обаяніи, не знали еще, на что рѣшиться, какъ вдругъ слуга имъ объявилъ, что карета готова.

Они вздрогнули, покраснѣли и удалились наскоро, удивляясь тому, что хотѣли сдѣлать.

Карета едва скрылась изъ виду, какъ молодая дѣвица, проходя въ этомъ же мѣстѣ, сошла съ дороги, чтобы завязать себѣ башмакъ.

Замѣтивъ вдругъ Давида, она покраснѣла до ушей, подумавъ о томъ, что, своими прыжками, она могла разбудить его...

Она уже хотѣла тихонько удалиться, но опасность, въ которой находился молодой человѣкъ, удержала ее на мѣстѣ.

Вокругъ спящаго летала огромная оса и уже располагалась впустить въ него свое жало. Увлекаемая порывомъ своего добраго сердца, она тотчасъ-же напала на крылатаго непріятеля, и платкомъ своимъ успѣла прогнать его далеко отъ бесѣдки.

Послѣ того, запыхаясь и краснѣя, она возвратилась опять подъ тѣнь рощи.

Но Давидъ спалъ спокойно, и ни какое сновидѣніе, имѣвшее хоть нѣкоторое сходство съ дѣйствительностію, не оживляло его сна.

Посмотрѣвъ еще разъ на него, молодая дѣвица удалилась.

Въ скоромъ времени, зашли въ чащу рощи два человѣка съ мрачнымъ видомъ, съ надвинутыми до бровей фуражками, въ худомъ и изорванномъ платьѣ.

Они принадлежали къ числу тѣхъ, которые обыкновенно находятся въ засадѣ на большихъ дорогахъ, выжидая запоздалыхъ путешественниковъ, и въ эту самую минуту располагали начать игру въ карты, раздѣливъ прежде выгоды послѣдняго своего предпріятія, какъ вдругъ увидѣли спящаго Давида, который беззаботно лежалъ на берегу ручья.

Осмотрѣвъ его внимательно, одинъ изъ нихъ сказалъ другому:

— Ты видишь этотъ узелокъ, который ему служитъ вмѣсто подушки? Я бьюсь объ закладъ, что въ немъ запрятанъ портфель и кошелекъ, если они у него только не въ карманѣ.

— Но если онъ проснется? спросилъ другой.

На это первый, не говоря ни слова, разстегнулъ свой плащъ, показалъ рукоятку кинжала и кивнулъ значительно головой.

— Пожалуй, отвѣчалъ второй: — и въ то же время приблизился къ Давиду.

Одинъ изъ нихъ принимался уже обыскивать

узелокъ, а другой вынулъ кинжалъ съ намѣреніемъ, при малѣйшемъ движеніи, вонзить его въ сердце Давида, какъ вдругъ они увидѣли собаку, которая неожиданно выбѣжала изъ-за кустовъ.

— Надобно уйти! сказалъ одинъ изъ нихъ: хозяинъ этой собаки, вѣроятно, здѣсь въ окрестностяхъ, и намъ приступать теперь къ дѣлу опасно.

Проклиная случай, который имъ помѣшалъ исполнить ихъ намѣреніе, они удалились скорымъ шагомъ.

Черезъ нѣсколько часовъ они уже не помнили ничего, позабывъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и то, что новое покушеніе ихъ къ преступленію внесено на небесахъ къ книгу жизни и смерти, по которой имъ придется отдать отчетъ на страшномъ судѣ.

Пока все это происходило, Давидъ спалъ глубокимъ сномъ, не думая, конечно, о томъ, что образъ смерти такъ близко носился вокругъ него.

Спустя нѣсколько времени, сонъ его сдѣлался безпокоенъ; онъ сталъ поворачиваться, произносилъ невнятныя слова, и наконецъ пробудился совершенно. Часъ отдыха придалъ ему новую бодрость и новыя силы.

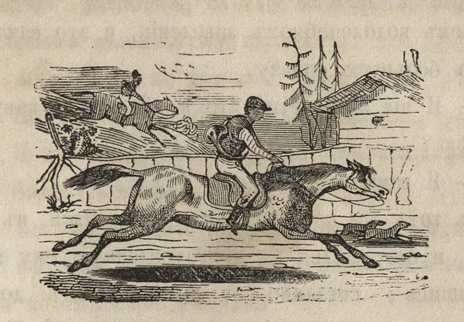
Въ это время, онъ услышалъ стукъ колесъ, раздававшійся на дорогѣ. Это былъ дилижансъ.

Остановивъ его, онъ узналъ, что есть одно мѣ-

сто, поспѣшилъ его занять, и отправился, въ веселомъ расположенiи духа, въ Бостонъ, не бросивъ даже и прощальнаго взгляда на ручеекъ, у котораго готовилось для него столько перемѣнъ.

Онъ не зналъ, — что фортуна отразилась для него въ зеркалѣ водъ ручейка — что любовь сливала нѣжные вздохи съ его журчанiемъ, — что смерть угрожала кровью обагрить свѣтлыя его воды, и все это — въ теченiи одного часа его отдыха.





НЕУДАЧНОЕ ЛЕЧЕНІЕ.

Перле, актеръ парижской сцены, человѣкъ до невѣроятности худощавый, рѣшился однажды посовѣтоваться о здоровьѣ своемъ съ врачемъ.

— Вы меня видите, сказалъ онъ врачу, или, лучше сказать, вы меня не видите, потому что я похожъ на привидѣніе, на мечту, на балетную фею. На мнѣ однѣ кости да кожа. Скажите, что́ мнѣ дѣлать?

— Вы страдаете? спросилъ докторъ.

— Нисколько, я пользуюсь вожделѣннымъ здравіемъ, но только видимо худѣю.

— Такъ вы желаете потолстѣть?

— Какъ можно болѣе.

— Это очень легко; вамъ надобно брать ванны въ моемъ водолечебномъ заведенiи, и это вамъ принесетъ большую пользу.

— И вы полагаете, что я отъ этихъ ваннъ потолстѣю?

— Я вамъ даю слово.

Въ тотъ же вечеръ Перле отправился въ заведенiе, и погрузился въ приготовленную ему ванну, рѣшившись, согласно съ предписанiемъ доктора, продолжать это леченiе до тѣхъ поръ, пока вопросъ: человѣкъ ли онъ или мечта? не будетъ окончательно рѣшенъ въ пользу человѣка.



Но какъ ни старался онъ потолстѣть, по про-

шествіи цѣлой недѣли не замѣтилъ однако же въ себѣ ни какой перемѣны.

Увидѣвъ, наконецъ, своего Иппократа, онъ, съ недовольнымъ видомъ, ему сказалъ:

— Докторъ, я не толстѣю нисколько.

— Вы полагаете? спросилъ врачъ.

— Я въ этомъ увѣренъ; мнѣ кажется даже, что я еще болѣе похудѣлъ.

— Вы очень нетерпѣливы! нельзя же поправиться въ одну недѣлю. Дайте немного времени произвести водамъ свое дѣйствіе.

— Но скоро ли это дѣйствіе окажется?

— Черезъ двѣ или три недѣли... Вы видите, тамъ въ саду, гуляетъ человѣкъ?

— Вижу превосходно, и надобно правду сказать, что трудно его не замѣтить.



— Онъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ несравненной пользы здѣшнихъ водъ. Это Англичанинъ. Два мѣсяца тому назадъ, когда сюда пріѣхалъ, онъ былъ хуже васъ.

— Неужели?

— Я васъ увѣряю.

— Такъ вы полагаете, что я могу пріобрѣсть такую же дородность?

— Два мѣсяца будетъ достаточно для такого превращенія.

— Въ такомъ случаѣ я буду купаться не болѣе мѣсяца.

— Какъ вамъ угодно.

— Я буду доволенъ и половиною объема этого Англичанина.

Мѣсяцъ былъ уже на исходѣ, а Перле еще не начиналъ толстѣть.

Сидя однажды въ ваннѣ, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія своей полноты, онъ услышалъ въ сосѣдней комнатѣ довольно крупный разговоръ.

— Рѣшительно, я не худѣю нисколько, докторъ, сказалъ какой-то голосъ.

— Имѣйте терпѣніе, милордъ. Лондонъ, конечно, нельзя было выстроить въ одинъ день.

— Скажите откровенно, надѣетесь ли вы, чтобы я сколько нибудь похудѣлъ ?

— Вы увидите сами чрезъ нѣсколько времени.

— Вы мнѣ это повторяете каждый разъ.

— Васъ очень трудно убѣдить.. Вы замѣтили этого худощаваго человѣка, который очень часто прогуливается въ саду моего заведенія ?

— Это просто какая-то мумія.

— Нѣтъ, это актеръ Перле, который, по причинѣ ужасной своей дородности, принужденъ былъ оставить парижскую сцену. Онъ пріѣхалъ сюда, сталъ пользоваться ваннами, и вы видите, произвели ли онѣ надъ нимъ свое дѣйствіе.

— И я буду такъ же худощавъ, какъ и онъ? вскрикнулъ Англичанинъ съ ужасомъ.

— Нѣтъ, успокойтесь, милордъ. Перле чрезъ чуръ уже много купался, и это произошло отъ его упрямства. Леченіе его впрочемъ уже окончено, и онъ уѣдетъ, вѣроятно, чрезъ два или три дня.

Перле, которому весь этотъ разговоръ былъ слышенъ, привсталъ въ своей ваннѣ, ударилъ кулакомъ въ перегородку, отдѣлявшую его отъ доктора, и закричалъ во все горло :

— Ты ошибаешься, я ѣду сегодня же... черезъ часъ... сію же минуту!

И одѣвшись на-скоро, онъ отправился домой, и черезъ часъ скакалъ на почтовыхъ, досадуя на неудачное свое леченіе.





Литог. К. Края.

ШВЕДСКАЯ МОГИЛА.



ШВЕДСКАЯ МОГИЛА

НА ПОЛТАВСКОМЪ ПОЛѢ.

Полтава, со стороны Константинограда, представляется въ самомъ картинномъ видѣ. Городъ расположенъ на огромной горѣ, у подножія которой разстилается обширная долина, богатая разнообразными группами деревъ. Скаты косогора, обнажая свои красноватые обрывы, мѣстами разцвѣчены яркою зеленью и опушены лѣсомъ. Среди луговъ, из-

вивается рѣки Ворскла, чистая, свѣтлая, знаменитая историческими событiями.

Верстахъ въ шести отъ города возвышается курганъ, вышиною въ 4 сажени. На немъ стоитъ крестъ, обитый жестью и выкрашенный бѣлою краскою.

При наступленiи ночи, когда длинныя тѣни, стелющiяся по полю, сливаются въ одинъ безконечный покровъ, мысль путника теряется во множествѣ историческихъ воспоминанiй.

Съ благоговѣнiемъ приближаешься къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ Великiй Петръ, побѣдою надъ Шведскими полчищами, стяжалъ безсмертную славу; невольно преклоняешь колѣна предъ вѣковѣчною могилою воиновъ Петра и проливаешь обильныя слезы, какъ должную дань павшимъ на полѣ брани.

Здѣсь, въ виду Полтавы, провели нѣкогда ночь враждебныя воинства Карла XII-го и Петра I-го; здѣсь, на другой день, раздались побѣдные клики Русской армiи; здѣсь занялась заря славы и величiя Россiи; здѣсь *положенъ былъ краеугольный камень въ основанiе Петербурга**.

Подробности Полтавской битвы и предшествовавшихъ событiй, будутъ, конечно, прiятны для каждаго Русскаго...

---

* Слова Петра Великаго.



поенный славою прежнихъ своихъ побѣдъ, Шведскій Король Карлъ XII-й, по низложеніи Польскаго Короля, Августа, пошелъ на Россію. Отвергнувъ всѣ предложенія о мирѣ, онъ повторялъ одно, что будетъ мириться съ Русскимъ Царемъ въ Москвѣ.

Едва услышалъ Царь о походѣ Короля Шведскаго — все привелъ онъ въ движеніе!

Громада Русскихъ силъ восколебалась отъ Ингерманландіи до Волыни, отъ Варшавы до Москвы и Кіева. Всюду загремѣлъ Русскій барабанъ, и отвсюду стали стекаться Русскіе полки на защиту Царя и Отечества!

По всей западной границѣ Россіи, обнаружилась величайшая дѣятельность!

Въ лѣсахъ рубили засѣки, въ степяхъ копали колодцы, въ рѣкахъ, на переправахъ, вбивали сваи. Тысячи рукъ находились въ движеніи, проводя линію для обороны отъ непріятеля.

Жители прятали свои пожитки и вооружались. Въ города, ближайшіе къ границѣ, отвсюду стекались толпы рекрутъ, свозили орудія, запасы, снаряды.

— Отецъ нашъ! говорили воины, привѣтствуя своего мудраго вождя и Государя: веди насъ на враговъ нашихъ! Мы всѣ готовы за Тебя положить наши головы; мы покажемъ, что мы Русскіе!

— Благодарю васъ, дѣти! отвѣчалъ имъ Царь. Будемте надѣяться на милость Божію—Онъ насъ не оставитъ!.. Онъ услышитъ наши теплыя молитвы и дастъ побѣду надъ врагами нашими!

Не смотря на огромныя силы Русскихъ, превосходившія непріятельскія силы почти вдвое, Царь отдалъ строжайшій приказъ, уклоняться отъ рѣшительной битвы съ непріятелемъ; но стараться всѣми мѣрами удерживать его на переправахъ черезъ рѣки и въ крѣпкихъ мѣстахъ; безпрерывно тревожить его частными стычками; опустошать и разорять всю страну, по которой онъ пойдетъ, чтобы, такимъ образомъ, лишить его всѣхъ средствъ продовольствія и, изнуривъ его силы, истребить ихъ по частямъ, не подвергая себя опасности рѣшительнаго пораженія.

Въ Іюнѣ 1708 года, Карлъ XII-й переправился черезъ Березину, и стремительно напалъ на Русскихъ, занявшихъ позицію при мѣстечкѣ *Головчинѣ*.

Прикрываясь туманомъ, Король Шведскій и воины его бросились въ рѣку Бабичу, отдѣлявшую ихъ отъ Русскаго войска, брели по грудь въ водѣ,

увязали въ болотахъ и, достигнувъ наконецъ, противоположнаго берега, овладѣли полемъ битвы и 12-ю орудіями.

— Побѣждены лѣса, топи, валы и непріятели! — такъ выразился Карлъ XII-ый, приказавъ выбить медаль въ память этого дня.

Но Царь не испугался этой великой побѣды Шведовъ!

— Радуюсь, говорилъ онъ, что мои Русскіе, до большой битвы, обожглись на Шведскомъ огнѣ!

Тщетно старался Карлъ XII-ый принудить Русскихъ къ рѣшительному сраженію: они повсюду отступали, но нигдѣ не упускали случая, наносить непріятелю всевозможный вредъ мелкими стычками, особенно въ лѣсистыхъ мѣстахъ и на переправахъ черезъ рѣки и болота.

Постоянно оставаясь въ виду непріятеля, Русскіе передовые отряды уничтожали за собою мосты, портили дороги, жгли и истребляли все, чего не могли забрать; и Шведы только медленно и съ величайшими затрудненіями могли подвигаться впередъ, въ сторонѣ совершенно опустошенной, освѣщаемые заревомъ пылавшихъ селъ и деревень, и безпрестанно тревожимые отвсюду летучими отрядами Русской кавалеріи и казаковъ.

Карлъ XII-й съ нетерпѣніемъ ожидалъ къ себѣ

Левенгаупта, шедшаго изъ Риги съ 15,000 войска и съ огромными запасами хлѣба.

Наконецъ, потерявъ терпѣніе и угрожаемый оскудѣніемъ съѣстныхъ припасовъ, онъ перешелъ Днѣпръ и неожиданно повернулъ къ рѣкѣ Сожѣ.

При невыгодномъ положеніи Шведовъ, растянувшихся, при селѣ *Добромъ*, въ болотистыхъ мѣстахъ, на значительное разстояніе, Царь немедленно двинулъ на нихъ свое войско, подъ начальствомъ князя Голицына.

Положивъ на мѣстѣ до 2,000 Шведовъ и овладѣвъ шестью знаменами и тремя пушками, Голицынъ въ совершенномъ порядкѣ отступилъ къ главной Русской арміи, въ то время, когда самъ король, со всѣми силами, прискакалъ къ своимъ на помощь.

Пылая местію за пораженіе лучшихъ своихъ полковъ, Карлъ XII-ый, казалось, забылъ всякое благоразуміе и осторожность.

Онъ устремился вслѣдъ за Русскими и, увлеченный запальчивостью, врѣзался съ одною ротою Шведовъ въ средину многочисленнаго Русскаго отряда.

Лошадь была уже подъ нимъ убита, люди падали другомъ; но онъ дрался пѣшій съ нѣсколькими солдатами, подвергаясь очевидной опасности лишиться

жизни или свободы. Немногіе изъ вѣрныхъ драбантовъ подоспѣли, наконецъ, на его выручку и защитили своего короля.

Удача подъ Добрымъ заплатила за неудачу Головчинскую!

Царь радовался и писалъ Апраксину, что «какъ началъ онъ служить, то такого порядочнаго огня и дѣйствія отъ своихъ солдатъ не видалъ, и король Шведскій могъ убѣдиться, что мы, Русскіе, уже не прежніе.»

Такимъ образомъ, среди битвъ, покупая каждый шагъ кровью храбрыхъ воиновъ и не находя нигдѣ ни фуража, ни съѣстныхъ припасовъ, ни мѣста для отдыха, Карлъ XII-ый двигался впередъ, и Сентября 10-го, достигъ, наконецъ, до Русской границы, не въ дальнемъ разстояніи отъ Смоленска.

Но положеніе его было тогда уже гибельно!

Непріятель не показывался; кругомъ лежали опустошенныя поля; отъ сообщеній съ Левенгауптомъ Шведы удалились; запасовъ уже не было никакихъ,—и голодъ страшно угрожалъ всему Шведскому войску. Притомъ, армія значительно уже уменьшилась, была изнурена походами, обременена больными и ранеными.

Въ такомъ затруднительномъ положеніи, Карлъ XII-ый, прождавъ Левенгаупта еще пять дней, и не

получая о немъ ни какого извѣстія, рѣшился двинуться въ Сѣверскую область, гдѣ надѣялся найдти припасы, оставивъ Левенгаупта на произволъ судьбы.

Переправясь черезъ рѣку Сожу, Шведы вошли въ лѣсъ, простиравшійся на 80 верстъ, потеряли въ немъ дорогу, и достигли наконецъ до границы Сѣверской области въ самомъ ужасномъ состояніи.

На походѣ отъ Сожи, Шведское войско питалось лошадинымъ мясомъ, не имѣя ни хлѣба, ни соли; солдаты умирали отъ жажды, потому что вода на пути ихъ была негодная для питья.

Но все это было только началомъ бѣдствій Шведовъ! Ударъ страшный и неожиданный готовился дли Карла XII-го, и этотъ ударъ нанесъ ему лично самъ Царь.

Получивъ извѣстіе, что Левенгауптъ спѣшитъ на соединеніе съ королемъ, и уже приближается къ Днѣпру, съ огромнымъ обозомъ съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ для всей Шведской арміи, Царь самъ принялъ начальство надъ 12,000-мъ корпусомъ, и настигъ Левенгаупта на рѣкѣ Пронѣ, у деревни Долгихъ Мховъ.

Здѣсь онъ узналъ, что силы Левенгаупта состояли не изъ 10-ти, какъ дотолѣ предполагали, но изъ 16,000 человѣкъ, и потому тотчасъ же отправилъ къ генералу Бауру приказъ итти къ нему

на соединеніе, положивъ, не смотря на превосходное число непріятеля, дать битву, если Bаypъ не придетъ въ теченіе двухъ дней.

Между-тѣмъ, Левенгауптъ, всячески избѣгая сраженія, успѣлъ, подъ прикрытіемъ 5,000 человѣкъ, придвинуть свой обозъ къ селу Пропойску, а самъ, съ остальнымъ войскомъ, расположился при деревнѣ *Лѣсной*, заслоняясь болотистымъ лѣсомъ.

Упускать далѣе Шведскаго полководца, было опасно, потому что Карлъ XII-ый, находившійся въ нѣскольких переходахъ отъ него, могъ воротиться и подать ему помощь. Но Бауръ не шелъ, и Царь рѣшился сражаться безъ него...

Въ полдень, 28-го Сентября, онъ самъ повелъ черезъ лѣсъ свое войско, вывелъ его на поле, и стремительнымъ нападеніемъ принудилъ Левенгаупта принять генеральную битву.

Сраженіе началось въ одно время по всей линіи, и Царь отважно скакалъ по рядамъ своихъ воиновъ и располагалъ всѣми дѣйствіями.

— Государь! — сказалъ ему князь Рѣпнинъ: прикажи, сзади полковъ, поставить казаковъ и калмыковъ, и вели имъ колоть всякаго, кто побѣжитъ. Мы умремъ, но не отступимъ; если же кто и вздумалъ бы отступить, то, поневолѣ, предпочтетъ славную смерть безславной!

— Спасибо, Рѣпнинъ, я не забуду тебя! отвѣчалъ ему Царь, исполнилъ совѣтъ его и велѣлъ не щадить никого. — Колите каждаго бѣглеца, говорилъ онъ, не щадите даже и меня, если бы побѣжалъ я самъ!



Никогда Шведы не дрались съ такимъ остервененіемъ, никогда Русскіе не бились такъ мужественно. Три часа продолжалось сраженіе, но никто не уступалъ ни шагу. Солдаты съ обѣихъ сторонъ устали, наконецъ, до того, что не могли болѣе биться, и потому сраженіе было пріостановлено.

Къ пяти часамъ вечера прибылъ генералъ Бауръ съ 4,000-ми свѣжаго войска, и битва отчаянная возобновилась, не смотря на темноту вечера и

поднявшуюся вьюгу съ снѣгомъ и жестокимъ холодомъ.

Левенгауптъ поставилъ въ ряды послѣдній резервъ свой, подошедшій отъ Пропойска; но Русскіе превозмогли всѣ его усилія, вторглись въ Шведскій лагерь на штыкахъ, и только ночь, густой снѣгъ, усталость солдатъ и бѣгство непріятеля прекратили битву.

Русскіе остались на полѣ сраженія, и Царь, вмѣстѣ съ своими солдатами, провелъ нѣсколько часовъ, лежа на землѣ, завернувшись въ плащъ свой, безъ пищи и безъ огня, покрытый снѣгомъ, заледенѣвшимъ на его одеждѣ.

Съ разсвѣтомъ Русское войско пустилось за непріятелемъ; но Левенгауптъ уже не думалъ сражаться, бросалъ раненыхъ, бросилъ весь свой обозъ и, переправясь черезъ рѣку Сожу вплавь, едва могъ привести къ королю 5,000 изнуренныхъ, полубезоружныхъ Шведовъ — бѣдный остатокъ лучшаго, свѣжаго войска, на которомъ основывались надежды Карла XII-го.

Побѣда была дотолѣ неслыханная и совершенная! Вся Шведская артиллерія, 44 знаменъ и штандартовъ и до 7,000 повозокъ съ хлѣбомъ и съ аммуниціею — достались побѣдителямъ.

Можно вообразить, но не описать печаль и

гнѣвъ Карла XII-го, когда къ его голодной арміи, явился Левенгауптъ бѣглецомъ, съ остатками войскъ, и присутствіемъ своимъ только умножилъ затрудненія, въ какихъ находились Шведы. Трудно было рѣшить однако же, чтó болѣе тревожило короля: усиленіе недостатковъ и бѣдствій, или стыдъ пораженія?

Онъ не слушалъ ни какихъ оправданій, долго не хотѣлъ даже видѣть Левенгаупта и, позабывъ всѣ правила благоразумія, двинулся впередъ въ Сѣверскую область, гдѣ средства пропитанія и возможность отдыха Шведамъ нисколько не умножились.

Система опустошенія и здѣсь была распространена всюду. Селенія являлись опустѣлыя; жители сами разбѣгались, или были изгоняемы Русскими; хлѣбъ, скотъ, имущество — все было вывозимо и истребляемо; дороги повсюду испорчены, мосты и гати разломаны.

Русскіе шли впереди, шли рядомъ съ непріятелемъ, преслѣдовали его, не сражались, но губили Шведовъ. Посланный куда либо отрядъ, отставшій солдатъ, пушка, телѣга, замедлившія въ походѣ — все дѣлалось неминуемою жертвою или добычею ихъ.

Одна надежда оставалась еще Карлу XII-му — положиться на обѣщанія Малороссійскаго Гетмана,

Мазепу, увѣрявшаго въ преданности своей, готовности Малороссіи передаться Шведамъ и заготовленныхъ для нихъ огромныхъ запасахъ. Но Мазепа медлилъ, не открывалъ явно своей измѣны; а между тѣмъ, въ плодоносныхъ областяхъ Малороссіи, Шведы встрѣтили тѣ же бѣдствія, какія грозили имъ въ лѣсахъ и болотахъ Литвы.

Мазепа и измѣна его остались однимъ изъ народныхъ преданій въ Россіи и Малороссіи.

Осыпанный милостями великаго Русскаго Царя, надѣленный несмѣтными богатствами, достигшій всѣхъ возможныхъ почестей и отличій, пользовавшійся неограниченною довѣренностію своего Государя, Мазепа, на старости лѣтъ, не постыдился оклеймить себя поступкомъ чернымъ, неблагодарнымъ, возстать противъ своего благодѣтеля, и измѣнить Царю и Отечеству.

Богатства, почестей, отличій, довѣренности Государя — всего этого было мало ненасытному честолюбцу. Свергнуть съ себя подданство Россіи, воспользоваться неизбѣжнымъ, повидимому, паденіемъ Русскаго царства, и достигнуть сана независимаго властителя — вотъ чего хотѣлъ измѣнникъ, отдаваясь подъ покровительство Карла XII-го.

Но Богъ обрушилъ козни злодѣя на его же голову!

Получивъ извѣстіе, что Карлъ XII-ый приближается уже къ Деснѣ, Мазепа, съ своими полками, двинулся въ походъ, какъ бы для битвы съ непріятелемъ, и не прежде, какъ въ виду Шведскаго лагеря, открылъ намѣреніе свое.

— Братцы! говорилъ измѣнникъ: вы видите передъ собой не непріятелей, но друзей!... Поможемъ королю Шведскому и купимъ дружбу его безусловною нашею покорностію!...

Эти слова возбудили въ войскѣ всеобщій ужасъ! Кто только могъ, спасался бѣгствомъ; и не болѣе тысячи человѣкъ послѣдовали за предателемъ въ Шведскій лагерь.

Извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы оскорбило Царя до глубины души. Съ прискорбіемъ писалъ онъ Апраксину, о вѣроломствѣ новаго Іуды, «который былъ вѣрнымъ двадцать одинъ годъ и, приближаясь ко гробу, сдѣлался измѣнникомъ и предателемъ отечества!»

Но Царь не унывалъ! Мгновенно принялъ онъ всѣ мѣры, чтобы предупредить слѣдствія неожиданной измѣны.

Онъ обнародовалъ манифесты, въ которыхъ изобразилъ гнусность поступка Мазепы, и призывалъ всѣхъ Малороссіянъ къ избранію новаго гетмана — и въ скоромъ времени, по его желанію, возведенъ

былъ въ гетманское достоинство добродушный Стародубскій полковникъ, Скоропадскій, которому, изъ своихъ рукъ, Царь вручилъ знаки его новаго достоинства.



Умножая омерзѣніе народа къ Мазепѣ, Царь повелѣлъ совершить надъ нимъ заочную казнь.

Чучела, изображающая измѣнника, выставлена была на площади въ Глуховѣ. Въ соборномъ храмѣ, Мазепа преданъ былъ анаѳемѣ отъ собравшагося Духовенства. Палачъ сорвалъ потомъ съ чучелы ордена, изорвалъ граматы, билъ ее, волочилъ по улицамъ при народныхъ проклятіяхъ и повѣсилъ за городомъ.

Анаѳема Мазепѣ повторена была въ Москвѣ и во всѣхъ Малороссійскихъ городахъ.

Всѣмъ послѣдовавшимъ за Мазепою, всѣмъ соумышленникамъ его, Царь обѣщалъ прощеніе, если они явятся къ нему съ раскаяніемъ; и это такъ сильно подѣйствовало, что вся Малороссія торжественно отреклась отъ предателя и отъ Шведовъ.

Ненависть Малороссіянъ къ Шведамъ усилилась еще болѣе, когда Карлъ XII-й, обманутый въ надеждѣ продовольствія, началъ производить насильственные поборы, отнимать имѣнія и, раздраженный враждою жителей, дерзнулъ наложить святотатственную руку на храмы Божіи.

Всѣ съ омерзѣніемъ бѣжали отъ непріятеля и истребляли его, какъ и чѣмъ только могли.

Голодъ, нужды, страданія Шведовъ умножились съ того времени еще болѣе!

Карлъ XII-й не могъ уже удерживать въ войскахъ прежней строгой дисциплины. Онъ терялъ даже иногда свою всегдашнюю бодрость, и являлся передъ войскомъ мрачный, но грозный и неукротимый.

— Посмотрите, Ваше Величество, какой мы ѣдимъ хлѣбъ! сказали однажды солдаты, подавъ ему кусокъ черстваго, гнилаго хлѣба.

Король хладнокровно взялъ хлѣбъ, отломилъ немного, разжевалъ, съѣлъ и отвѣчалъ:

— Да, друзья, хлѣбъ точно не хорошъ, но ѣсть его еще можно. Подите и посмотрите — у меня теперь такой же хлѣбъ, какъ у васъ. Но скоро мы побѣдимъ нашихъ враговъ, и въ ихъ станѣ найдемъ хлѣба въ изобиліи.

Такимъ образомъ, Карлъ XII-й, ожидавшій сильныя подкрѣпленія со стороны Мазепы, увидѣлъ передъ собою бѣглеца съ горстью приверженцевъ и, вмѣсто возстанія всей Малороссіи, единодушное ея ополченіе за Русскаго Царя.

Столь жестоко обманутый, онъ поспѣшилъ въ Украйну, чтобы, по крайней мѣрѣ, воспользоваться тамъ спокойными зимними квартирами, и захватить съѣстные припасы, заготовленные Мазепою въ Батуринѣ, Гадячѣ, Ромнахъ и другихъ городахъ; но быстрота и рѣшительность Царя разрушили и эти надежды!

Пока Карлъ XII-й переправлялся черезъ Десну, Меншиковъ, съ 20,000-ми войска, поспѣшилъ захватить, увезти и истребить всѣ запасы, сдѣланные Мазепою.

Встрѣтивъ сопротивленіе въ одномъ только Батуринѣ, Меншиковъ взялъ городъ приступомъ и предалъ его на разграбленіе воинамъ; и Карлъ XII-й,

прибывшій къ Батурину черезъ нѣсколько дней, съ досадою увидѣлъ, вмѣсто обильныхъ запасовъ и теплыхъ зимнихъ квартиръ, однѣ только дымящіяся развалины.

Положеніе Шведовъ съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе!

Напрасно генералы и министры Карла XII-го умоляли его не думать болѣе о побѣдахъ, обратиться назадъ за Днѣпръ и, дождавшись тамъ новыхъ подкрѣпленій изъ Швеціи, возобновить походъ только съ наступленіемъ лѣта: упорство и гордость Шведскаго короля отвергли всѣ ихъ предложенія.

Мысль признать себя побѣжденнымъ безъ рѣшительнаго, послѣдняго боя, была невыносима Шведскому герою — *побѣдить* или *погибнуть* рѣшился онъ.

Доставъ нѣсколько припасовъ, Карлъ XII-й поспѣшилъ занять зимнія квартиры въ Гадячѣ и Ромнѣ; но здѣсь сама природа вооружилась какъ будто противъ него.

Настала зима неслыханно суровая и жестокая! Шведы гибли отъ стужи, лишенные теплой одежды, продовольствія дровами и стоя на тѣсныхъ квартирахъ.

И въ это-то время, въ самую жестокую стужу, когда птицы мерзли на лету, Карлъ XII-й, обманутый ложнымъ движеніемъ Русскихъ на Гадячъ, дол-

женъ былъ оставить Ромны и спѣшить къ своимъ на помощь. Въ его отсутствіе Ромны были заняты Русскими войсками, и Шведы, оставшись безъ зимнихъ квартиръ, потому что въ Гадячѣ не было мѣста для всей Шведской арміи, должны были простоять нѣсколько дней на бивуакахъ, терпя отъ жестокихъ морозовъ въ ихъ легкой, обветшавшей аммуниціи.

Наконецъ, Карлъ XII-й осадилъ слабо укрѣпленный городокъ Веприкъ; но осажденные облили земляные валы крѣпости водою и, покрывъ ихъ, такимъ образомъ, скользкою ледяною корою, удачно отбили два приступа, и сдались только черезъ нѣсколько дней, растративъ всѣ снаряды.

Зимніе набѣги Русскихъ стоили Карлу XII-му нѣскольких тысячъ храбрыхъ воиновъ, погибшихъ отъ стужи и убитыхъ на приступахъ.

Страданія Шведовъ дошли наконецъ до того, что Карлъ XII-й долженъ былъ положиться на великодушіе своего великаго соперника, и предложилъ ему перемиріе на время зимнихъ холодовъ, говоря, что недостойно просвѣщенныхъ государей губить себя взаимно столь безчеловѣчнымъ образомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предложилъ размѣнять плѣнныхъ, и просилъ Царя отпустить ему лекарствъ, въ которыхъ терпѣли недостатокъ Шведы.

Царь обрадовался присылкѣ, и велѣлъ отпустить лекарства въ изобиліи.

Ему говорили, что онъ спасаетъ тѣмъ отъ гибели своего непріятеля.

— Да, отвѣчалъ Царь: я воюю со Шведами и изыскиваю всѣ средства къ ихъ гибели, но никогда не забуду чувствъ человѣколюбія!

Въ перемиріи же и прекращеніи военныхъ дѣйствій, Царь отказалъ рѣшительно, и отвѣчалъ, что готовъ заключить прочный миръ, если Король согласится уступить ему Ингрію съ Петербургомъ и Нарвою.

Но принявъ такія условія, Карлъ XII-й долженъ бы былъ признать себя побѣжденнымъ, а это было для него труднѣе, нежели погибнуть; и потому, зимняя война возобновилась послѣ того съ прежнею свирѣпостью съ обѣихъ сторонъ.

Не смотря на бѣдственное свое положеніе, Карлъ XII-й не сомнѣвался еще въ успѣхѣ своего оружія.

Онъ ожидалъ подкрѣпленія отъ Поляковъ, надѣялся, что безпокойные Запорожцы, по примѣру Мазепы, присоединятся къ нему со всѣми своими силами, и что, наконецъ, Турція, съ которою онъ велъ дѣятельные переговоры, расторгнетъ миръ съ Россіею и двинетъ на нее свои и Татарскія силы.

Но и эти надежды въ скоромъ времени ему измѣнили!...

Польша, изнуренная осьмилѣтними бѣдствіями войны, страдала отъ жестокаго голода и мора; а король Станиславъ, будучи разбитъ Русскими войсками, защищавшими права короля Августа, не только не могъ подать помощи Карлу XII-му, но и самъ едва держался въ Польшѣ.

Запорожцы, возмущенные Мазепой, были разбиты и разсѣяны Русскими войсками, и главное гнѣздо мятежниковъ, Сѣчь ихъ, было разорено и уничтожено; и только немногіе, спасшіеся отъ мечей Русскихъ, успѣли достигнуть Шведской арміи и пристали къ непріятелямъ.

Наконецъ, Турція была удержана отъ разрыва съ Россіею одною угрозою Царя. Узнавъ, что Турки собираютъ войско, Царь самъ двинулся изъ Воронежа, съ своимъ сильнымъ и стройнымъ флотомъ, въ Азовское море и, совершивъ нѣсколько маневровъ въ виду Крымскихъ береговъ, такъ перепугалъ Порту, что Султанъ немедленно подтвердилъ всѣ прежніе договоры съ Россіею и прервалъ всѣ сношенія съ ея непріятелями.

Такъ дальновидная предусмотрительность Русскаго Царя пресѣкла Шведскому Королю всѣ источни-

ки его силы, и приготовила для Россіи великій день Полтавскій !...

Наступившая въ Мартѣ мѣсяцѣ оттепель позволила Шведамъ выступить, наконецъ, изъ опустошенныхъ зимою мѣстъ ; но при этомъ они подверглись новымъ бѣдствіямъ.

Съ наступленіемъ весны разлились рѣки, распустились болота , и дороги стали непроходимы. Тревожимый безпрестанно конными отрядами Русскихъ и казаковъ, Карлъ XII-ый только медленно могъ подвигаться въ глубину Малороссіи, и, послѣ ужасныхъ бѣдствій, достигъ, наконецъ, въ Апрѣлѣ, рѣки Ворсклы, и сталъ сосредоточивать свои войска въ окрестностяхъ Полтавы.

Полтава, лежащая на правомъ берегу рѣки Ворсклы, была въ то время незначительнымъ городомъ съ 4.000 жителей. По причинѣ близости къ предѣламъ Черноморскихъ степей, она защищена была укрѣпленіями, состоявшими изъ землянаго вала и рва.

Эти укрѣпленія, по распоряженію предусмотрительнаго Царя, были, незадолго передъ тѣмъ, исправлены, и крѣпость занята 4-тысячнымъ гарнизономъ, подъ начальствомъ, извѣстнаго храбростью, полковника Келлина.

Карлъ XII-ый, считая овладѣніе Полтавою дѣ-

ломъ мимоходнымъ, рѣшился взять ее; но осажденные оказали ему упорное сопротивленіе.

Раздраженный этимъ упорствомъ, онъ началъ осадныя работы: но Келлинъ храбро ходилъ на вылазки, вооруживъ еще до 3,000 жителей.

Въ то же время, Меншиковъ, стоявшій противъ Полтавы, на лѣвомъ берегу Ворсклы, безпрестанно тревожилъ непріятеля отрядами легкой конницы, и поддерживалъ мужество гарнизона.

Отвлекая вниманіе Шведовъ отъ Полтавы, онъ успѣлъ даже ввести въ крѣпость новыя подкрѣпленія.

— Видите ли, что мы научили Москвитянъ воевать? — сказалъ Карлъ XII-й, горько улыбнувшись, когда узналъ о случившемся.

Прошло два мѣсяца драгоцѣннаго времени!

Царь, находившійся въ Таганрогѣ, спѣшилъ прибыть въ армію, чтобы окончательно рѣшить распрю съ Шведскимъ Королемъ.

Дальнѣйшее промедленіе вступить съ непріятелемъ въ генеральную битву, было бы непростительною робостью, а ей чуждъ былъ великій Русскій Царь, предусмотрительный и осторожный.

Но еще до прибытія Царя въ армію, Карлъ XII-й, окруживъ Полтаву со всѣхъ сторонъ и прервавъ ея сообщенія съ Русскимъ лагеремъ, рѣшился овладѣть ею, во что бы то ни стало.

Іюня 1-го, Шведы бросили 32 бомбы и, пользуясь происшедшимъ въ городѣ пожаромъ, устремились на приступъ; но храбрый Келлинъ, поручивъ утушеніе пожара женщинамъ и старикамъ, самъ, съ гарнизономъ своимъ, бросился на отпоръ и, послѣ двухъ часовъ убійственной схватки, опрокинулъ осаждавшихъ, и въ ту же ночь отплатилъ имъ еще отчаянною вылазкою, захвативъ у непріятеля шесть пушекъ.

Мужество защитниковъ Полтавы не ослабѣвало, но ихъ ряды замѣтно ужъ рѣдѣли, а на полученіе новыхъ подкрѣпленій не было ни какой надежды.

Мысль о необходимости скоро положить оружіе, поселяла уныніе въ сердцѣ храбрыхъ!

Вдругъ, одинокая бомба, пущенная изъ Русскаго лагеря, черезъ Шведскіе шанцы, принесла имъ извѣстіе о прибытіи въ армію Царя!...

Укрѣпленные надеждою, Полтавцы поспѣшили въ соборную городскую церковь, поклялись защищаться до послѣдней капли крови, и опредѣлили казнить, какъ измѣнника, каждаго, кто осмѣлится предложить о сдачѣ города.

Тогда же, пущенною обратно бомбою, они увѣдомили Царя о своемъ крайнемъ положеніи, и отвѣчали, что имъ, «угнетаемымъ силою непріятеля, не

вѣрится пришествіе спасителя, какъ апостолу Ѳомѣ не вѣрилось воскресеніе Христа!»

Прибытіе въ армію Царя скоро узнали и въ Шведскомъ лагерѣ, и съ того времени Русскіе еще болѣе стали тревожить непріятелей неожиданными наѣздами и сшибками.

Прошло еще десять дней, и осажденные увѣдомили наконецъ Царя, что у нихъ всѣ припасы артиллерійскіе истощились, и что городъ, чрезъ нѣсколько времени, долженъ будетъ сдаться.

Тогда Царь рѣшился дать генеральную битву, и 20-го числа сталъ переводить свою армію на правый берегъ Ворсклы.

Карлъ XII-ый понялъ намѣреніе Царя, но неожиданное и несчастное событіе отняло у него средства распорядиться дѣйствіями своей арміи.

Ночью, осматривая положеніе мѣста, Король неожиданно наѣхалъ на казацкій пикетъ и, при завязавшейся перестрѣлкѣ, получилъ жестокую рану въ ногу. Ослабѣвъ отъ сильнаго истеченія крови и отъ сдѣланной ему мучительной операціи, онъ два дня не выходилъ изъ палатки своей, и послѣ того не могъ уже сѣсть на лошадь.

Въ это время, переправясь черезъ Ворсклу, Русскіе успѣли уже занять укрѣпленный постъ, и оградили себя сильными окопами.

Карлъ XII-ый видѣлъ превосходство положенія Русскихъ, но надежда на храбрость своего войска увлекала его, и онъ, по прежнему, не сомнѣвался еще въ побѣдѣ!

Приготовляясь и съ своей стороны къ битвѣ рѣшительной, онъ положилъ однако же прежде взять Полтаву, опасаясь оставить во флангѣ или съ тыла не взятую крѣпость.

Іюня 21-го, вечеромъ, Шведы съ воплемъ устремились на валы. Завязалась битва свирѣпая, остервенѣлая; но осажденные устояли и Шведы были отбиты.

На другой день, на разсвѣтѣ, думая, что утомленные защитники не въ силахъ болѣе противиться, непріятель снова бросился на приступъ. Бомбы полетѣли въ городъ, и, подъ защитой сильной канонады, Шведы взлетѣли на стѣны и, провозгласивъ побѣду, распустили свои знамена.

Но отчаяніе еще разъ одушевило осажденныхъ! Женщины, дѣти, отроки, всѣ пошли въ бой, дрались, бросались въ огонь, тушили пожары, спасали раненыхъ, уносили убитыхъ, и — непріятель долженъ былъ опять отступить.

Келлинъ видѣлъ, что далѣе держаться у него уже не было средствъ — онъ истощилъ послѣдния

усилія; но ничто не сокрушало мужественныхъ Полтавцевъ!...

Опять въ соборномъ храмѣ Полтавскомъ собрались всѣ жители и подтвердили клятву — *умереть*. Простившись потомъ другъ съ другомъ, они пошли на валъ, и стали ожидать новаго приступа...

Но великодушныхъ защитниковъ Полтавы пощадило провидѣніе: приступъ 22-го Іюня былъ самый ужасный и — послѣдній!

Карлъ XII-ый готовился къ битвѣ и оставилъ Полтаву, приказавъ только осажденныхъ держать въ страхѣ.

Потомки мужественныхъ и вѣрныхъ Полтавцевъ могутъ гордиться своими предками: отцы ихъ были достойны Петра Великаго!

Когда, съ обѣихъ сторонъ, готовились на бой послѣдній, Царь неожиданно двинулъ свое войско, въ ночи на 25-е Іюня, ближе къ берегамъ Ворсклы, и сталъ на разстояніи одной версты отъ непріятеля.

Здѣсь, примыкаясь тыломъ къ Ворсклѣ, Русскіе укрѣпились сильными окопами, имѣя передъ собою обширную долину, почти на три версты въ ширину, кончавшуюся густымъ лѣсомъ, а съ лѣвой стороны — другой лѣсъ, который простирался до самой Полтавы и Шведскаго лагеря.

Оставшійся между двумя этими лѣсами проходъ, черезъ который Шведская армія, идя отъ Полтавы, только и могла вступить на равнину, была заграждена, по приказанію Царя, шестью сильными редутами, за которыми стали 17 полковъ регулярной конницы. Вся же пѣхота расположилась въ укрѣпленномъ лагерѣ.

Принявъ такія мѣры предосторожности, Царь предполагалъ дать битву въ день именинъ своихъ, 29-го Іюня, готовя ее, какъ будто пиръ торжественный; но Карлъ XII-й предупредилъ его.

Крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и полученное извѣстіе, что 40-тысячное Калмыцкое войско спѣшитъ на соединеніе къ Русскимъ, не дозволили Карлу XII-му откладывать далѣе рѣшенія своей участи.

Утромъ 26-го Іюня, перебѣжалъ къ Русскимъ Полякъ, и извѣстилъ о наступательномъ приготовленіи Шведовъ.

«На зачинающаго Богъ!» сказалъ Царь: и велѣлъ выходить полкамъ изъ укрѣпленій и строиться на полѣ.

— Товарищи! — говорилъ онъ, объѣзжая полки: завтра кончимъ мы войну битвою съ непріятелемъ, уже въ половину побѣжденнымъ. Съ нами Богъ и побѣда! Съ нами Богъ, крѣпкій во бранѣхъ,

и во имя Его, укротится зѣвъ львиный, притупится оружіе, угаснетъ сила огненная — вѣрующему все возможно!

— Государь! отвѣчалъ ему князь Голицынъ, старшій полковникъ гвардіи: мы тѣ же, которыхъ ты видѣлъ подъ Лѣснымъ — уповаемъ на Бога и не измѣнимъ тебѣ!

— И я уповаю! воскликнулъ Царь. Порадѣйте, товарищи! Церковь и Отечество ждутъ нашего подвига!

Радостными кликами отозвалось войско, воодушевленное великимъ Царемъ своимъ. Восклицанія: «Съ нами Богъ! Ура!» долго переходили изъ ряда въ рядъ, и, наконецъ, умолкли въ отдаленіи.

Шведская армія выступила изъ лагеря въ полночь на 27-е Іюня.

Не замедлилъ явиться и Карлъ XII-ый, везомый въ качалкѣ. Казалось, видъ добрыхъ, храбрыхъ воиновъ снова оживилъ его. Блѣдный и слабый, онъ казался однако же веселымъ, и ободрялъ своихъ унылыхъ солдатъ.

— Мы будемъ сегодня обѣдать у Царя Московскаго! говорилъ Король, улыбаясь. Онъ много приготовилъ намъ кушанья!

Солдаты молчали! Видъ больнаго, раненаго Короля возбуждалъ въ нихъ только одну скорбь и

уныніе; но, терпя ужасные недостатки и лишенія, они сами чувствовали необходимость побѣдить или умереть. *Хлѣба* или *смерти*! — было ихъ единодушнымъ желаніемъ.

Въ два часа по полуночи, съ приближеніемъ Шведовъ, загремѣли Русскія пушки въ редутахъ; но ядра и картечи не остановили непріятелей.

Поражая штыками, они бросились на пушки, и два редута были уже въ ихъ рукахъ, когда конница Шведская успѣла прорваться въ промежутки редутовъ и сразилась съ Русскою конницею.

Видя неукротимое стремленіе Шведовъ, Царь велѣлъ своей кавалеріи отступать черезъ равнину, къ правой сторонѣ лагеря.

Радостно рванулись Шведы за отступавшими, но внезапно были встрѣчены страшнымъ огнемъ всѣхъ батарей Русскаго лагеря.

Гранаты, картечи, ядра — градомъ посыпались на Шведовъ, привели въ разстройство и заставили ихъ поспѣшно удалиться на другой конецъ равнины, къ опушкѣ лѣса, гдѣ они снова стали строиться.

Въ это время, замѣтивъ, что отдѣльный отрядъ Шведовъ, подъ начальствомъ Рооса, остался за редутами, Царь приказалъ Меншикову разбить его.

Воля Царя была исполнена съ быстротою и искусствомъ!

Роосъ, потерявъ большую часть своего отряда, съ остатками бѣжалъ черезъ лѣсъ въ свой лагерь подъ Полтавою; но тамъ, настигнутый генераломъ Ренцелемъ, принужденъ былъ положить оружіе.

Непріятельскій лагерь, со всѣмъ обозомъ и артиллеріею, впалъ въ руки побѣдителей, и участь Шведской арміи была рѣшена еще до окончанія настоящей битвы.

Ободренный первыми успѣхами битвы, Царь немедленно отрядилъ войско, чтобы открыть сообщеніе съ Полтавою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распорядился объ охраненіи лагеря.

Полки, оставленные въ укрѣпленіяхъ, умоляли Царя позволить имъ итти въ битву.

— Гусударь! говорили они со слезами: чѣмъ провинились мы предъ тобою? Мы несли такіе же труды и опасности, какъ и другіе полки, и ожидали съ нетерпѣніемъ этого дня: за что же мы отлучаемся отъ нихъ?

— Дѣти! здѣсь также нужна защита, отвѣчалъ имъ Царь: молитесь Богу, а я не забуду васъ!

Между-тѣмъ, полки, выведенные изъ лагеря, становились уже въ боевой порядокъ, впереди сво-

ихъ укрѣпленій. Священники кропили ихъ св. водою, при пѣніи: *Спаси, Господи, люди твоя!*

Самъ Царь, на своемъ любимомъ конѣ, окруженный генералами, быстро леталъ по рядамъ своихъ воиновъ. Свѣтлая надежда сіяла въ его взорахъ, твердая вѣра въ заступленіе Всевышняго одушевляла его рѣчи.

— Воины! говорилъ онъ громогласно: пришелъ часъ, который всего отечества судьбу положилъ на рукахъ вашихъ; и вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за нашу православную Вѣру и Церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго; вы сами, побѣдами своими надъ нимъ, неоднократно доказывали, что это ложно. Имѣйте въ сраженіи предъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ; на Того единаго, яко Всесильнаго во бранѣхъ, уповайте; а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога — была бы только счастлива и славна Россія!

Поставленная въ боевой порядокъ, главная Русская армія составляла плотную громаду изъ 42 батальоновъ пѣхоты и 17 полковъ конницы, съ 72-мя пушками.

Шереметевъ замѣтилъ, что отдѣленіе сильныхъ

отрядовъ въ разныя мѣста значительно ослабило войско.

— Неужели мы не побѣдимъ, отвѣчалъ Царь, если бы насъ было и равное съ непріятелемъ число?

— Но превосходство въ числѣ надежнѣе, замѣтилъ Рѣпнинъ.

— Нѣтъ! возразилъ Царь: надобно надѣяться не на число, но на разумъ и мужество!

Было уже восемь часовъ утра, когда Русскіе двинулись на непріятеля; и Царь, мечемъ осѣнивъ крестообразно свое воинство, благословилъ его на великій подвигъ!

Раздались пушечные выстрѣлы и слились въ страшную канонаду — начался Полтавскій бой!



Ужасенъ и смертоносенъ былъ этотъ великій бой, эта страшная борьба между искусствомъ и силою, между отчаяніемъ и геройскимъ одушевленіемъ.

Пушки смолкли, когда ряды сошлись и пошла рукопашная битва на штыкахъ и сабляхъ.

Самъ Царь не щадилъ своей жизни: пуля пробила ему шляпу; другая ударила въ сѣдло его лошади; третья попала ему прямо въ грудь.

Но Богъ хранилъ Петра! Святый крестъ, бывшій у него на груди, спасъ драгоцѣнную жизнь великаго Царя Россіи!

Около получаса длилась нерѣшительность и была кровава и убійственна! Одушевляемые не мыслію о побѣдѣ, но отчаяніемъ, Шведы дрались упорно, но наконецъ дрогнули!

Все пало передъ силою и мужествомъ Русскихъ! Настала минута гибели, — часъ расплаты за Нарву...

Обойденные съ фланговъ, тѣснимые съ фронта, сбитые къ лѣсу, теряя артиллерію, уже не видя короля своего, не предводимые никѣмъ, черезъ часъ послѣ начала битвы, Шведы представляли нестройную толпу бѣгущихъ, побиваемыхъ Русскими, бросавшихся по всѣмъ направленіямъ.

Пѣхота, конница, артиллерія, обозъ — все смѣшалось наконецъ въ нестройную громаду и потомъ

разсыпалось и побѣжало по берегу Ворсклы, мимо Полтавы.

Казаки и Калмыки пустились за непріятелемъ, и вскорѣ клики побѣжденныхъ и побѣдителей, преслѣдовавшихъ разбитое и разсѣянное войско Шведское, затихли въ отдаленіи.

Побѣда была совершенная, и Шведская армія погибла, въ полномъ значеніи этого слова.

На мѣстѣ сраженія найдено было болѣе 9,000 убитыхъ непріятелей; взяты въ плѣнъ фельдмаршалъ Рейншильдъ, первый министръ графъ Пиперъ, многіе генералы, до 200 офицеровъ и около 3,000 простыхъ воиновъ.

Кромѣ того, множество оружія, знаменъ, штандартовъ, вся королевская канцелярія, военная казна—достались побѣдителямъ.

Царь самъ скакалъ повсюду, прекращая убійство и возстановляя порядокъ. Безъ шляпы объѣхалъ онъ ряды своихъ воиновъ, и, привѣтствуя каждаго изъ нихъ, благодарилъ за храбрость и усердіе.

— Здравствуйте, дѣти! говорилъ онъ: благодарю за побѣду! Богъ видѣлъ трудъ вашъ, и потомство не забудетъ васъ!

— Государь! тебѣ одолжены мы побѣдою! отвѣчалъ Меншиковъ. Ты одушевилъ, ты укрѣпилъ

сердца наши; ты явился спасителемъ, на щадя своей жизни, когда Шведы прорвали ряды наши!

Въ то же время, Царь приказалъ передъ рядами войскъ поставить походную церковь, и въ ней, при громѣ орудій, отправлено было благодарственное молебствіе за дарованнную побѣду.

Потомъ, велѣлъ онъ угощать своихъ солдатъ, которые почти цѣлые сутки ничего не ѣли, и приказалъ пригласить къ столу своему Пипера, Рейншильда и другихъ генераловъ, штабъ-офицеровъ и чиновниковъ Шведскихъ. Встрѣтивъ ихъ привѣтливо, онъ возвратилъ имъ шпаги и говорилъ съ ними дружески.

Когда спросилъ онъ у Рейншильда о королѣ, слезы потекли изъ глазъ Шведскаго фельдмаршала.

— Не знаю, Ваше Величество, не знаю, гдѣ онъ! отвѣчалъ Рейншильдъ.

Царь пожалъ ему руку, и утѣшалъ его.

— Пью здоровье нашихъ учителей! возгласилъ, черезъ нѣсколько времени, Царь, поднимая бокалъ.

— Кого называете вы такимъ лестнымъ именемъ? спросилъ Рейншильдъ.

— Васъ, господа, васъ Шведовъ; вы научили насъ военному искусству!

— Плохо же заплатили вы за науку учителямъ вашимъ! замѣтилъ Рейншильдъ, улыбаясь.

Съ честью отпустивъ плѣнныхъ и своихъ собесѣдниковъ, Царь не отдыхалъ!

Онъ посѣтилъ лазареты, утѣшалъ раненыхъ, оказывалъ имъ пособіе; возвратясь въ палатку свою, принималъ донесенія и отправилъ преслѣдовать Шведовъ, сперва князя Голицына съ гвардіею и двумя полками, потомъ генерала Баура съ десятью эскадронами конницы, и, наконецъ, Меншикова съ 9,000 войска.

Въ тотъ же вечеръ, собственноручными письмами, онъ увѣдомилъ многихъ о побѣдѣ.

«Объявляю вамъ о зѣло превеликой, нечаянной и малою кровію купленной, викторіи», писалъ онъ Апраксину, и, изложивъ кратко ходъ сраженія, заключилъ: «Могу сказать, что вся непріятельская армія Фаэтоновъ конецъ воспріяла. О королѣ не знаю, съ нами ли, или съ отцами нашими онъ обрѣтается. Поздравьте всѣхъ! Нынѣ положенъ, кажется, съ Божіею помощію, камень въ основаніе Петербурга.»

На другой день, Царь приказалъ рыть двѣ огромныя могилы для погребенія убитыхъ.

Самъ онъ пѣлъ съ священниками при отданіи послѣдняго долга усопшимъ воинамъ, и слезы прерывали его пѣніе.

— Храбрые воины, за Вѣру и Отечество животъ

положившіе! сказалъ онъ громко по совершеніи обряда, стоя на краю могилы: молите за насъ Бога, будьте и за гробомъ поборниками нашими предъ престоломъ Всевышняго!

Высокій холмъ былъ насыпанъ надъ могилою, и, своими руками, Царь водрузилъ на его вершинѣ крестъ, съ надписью:

«*Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова* 1709-*го, Іюня въ* 27-*й день.*»

Донынѣ сохраняется неприкосновеннымъ этотъ священный холмъ на Полтавскомъ полѣ, и народное преданіе называетъ его *Шведскою могилою*.

Въ тотъ же день, въ другую могилу собраны были тѣла Шведовъ, и священники, сопровождавшіе Шведское войско, предали нѣдрамъ чуждой земли, останки храбрыхъ воиновъ Карла XII-го, погибшихъ далеко отъ родныхъ скалъ Скандинавіи.

Вечеромъ Царь посѣтилъ Полтаву. Торжественно встрѣтили его у городскихъ воротъ комендантъ и защитники Полтавы, повергаясь передъ нимъ, со слезами, на колѣна.

Отъ избытка чувствъ, Келлинъ не зналъ что сказать, и привѣтствовалъ Царя коротко, но краснорѣчиво.

— Почтенная глава! отвѣчалъ Царь, цѣлуя

Келлина въ голову: надежда моя на тебя не обманула меня!

На другой день, Царь праздновалъ свои именины. Войско было угощаемо на полѣ битвы, и Царь ходилъ между рядами веселившихся воиновъ, и раздѣлялъ съ ними трапезу, говоря:

— Хлѣбъ-соль, товарищи!

Между тѣмъ, въ царской палаткѣ пировали генералы, штабъ-офицеры, чиновники и знатнѣйшіе изъ плѣнныхъ Шведовъ.

Но пока великій Царь Россіи торжествовалъ побѣду свою, противникъ его мчался по направленію къ Турціи.

Судьба еще разъ спасла короля Шведскаго отъ смерти и плѣна, хоть и тяжкою цѣною.

Мы видѣли, что, во время битвы, Карлъ XII-й не щадилъ себя — онъ искалъ смерти. На что была ему жизнь безъ славы и безъ побѣды?

Не смотря на жестокую тѣлесную боль, онъ распоряжалъ всѣмъ, ободрялъ и вводилъ въ огонь своихъ воиновъ. Ядра и пули осыпали его качалку, и изъ 24 драбантовъ, окружавшихъ его, уцѣлѣли только трое.

Когда въ рядахъ Шведовъ произошло смятеніе

и разстройство, Карлъ XII-й двинулся впередъ, въ самый жаркій пылъ боя.

Ядромъ убило обѣихъ лошадей въ его качалкѣ, и пока впрягали другихъ, ядро разбило самую качалку — и Карлъ XII-й упалъ безъ чувствъ и безъ памяти.

Два драбанта посадили его на лошадь, и нѣсколько сотъ человѣкъ гвардейцевъ, офицеровъ и солдатъ окружили его и, отбивая нападенія Русскихъ, падая, но не уступая драгоцѣннаго залога своего, двинулись съ нимъ къ обозу.

Тамъ короля посадили въ карету, и помчали по теченію Ворсклы, въ сопровожденіи отряда Шведской конницы.

Карлъ XII-й опомнился.

— Шведы! Шведы! закричалъ онъ. Гдѣ вы?... Гдѣ Пиперъ?

— Въ плѣну! отвѣчали ему окружающіе.

— А Рейншильдъ гдѣ?

— Въ плѣну! былъ опять отвѣтъ.

— Куда мы ѣдемъ?

— Въ Турцію.

— Въ плѣну у Русскихъ! промолвилъ король:

въ Турцію, въ Турцію! — и онъ опять умолкъ и обезпамятѣлъ.

Карета изломалась на скаку, и принуждены были посадить короля опять на лошадь.

Ночью въ лѣсу потеряли дорогу, и короля, безчувственнаго, положили подъ дерево. И здѣсь, окруженнный немногими, трепетавшими ежеминутно, что ихъ захватятъ Русскіе, нѣсколько часовъ лежалъ на плащѣ своемъ побѣдитель Россіи, Польши, Даніи и Саксоніи, за два года передъ тѣмъ страшившій Европу.

Къ разсвѣту отыскали наконецъ дорогу. Карлъ XII-ый собралъ всѣ свои силы, сѣлъ на лошадь, и ночью 29-го Іюня, достигъ до береговъ Днѣпра, при Переволочнѣ.

Тамъ встрѣтили его Мазепа, Левенгауптъ и нѣсколько тысячъ Шведовъ и Поляковъ, собравшихся на берегу Днѣпра шумною и безпорядочною толпою.

Левенгауптъ ожидалъ приказаній, но Карлъ XII-й былъ почти безъ чувствъ, истощивъ послѣднія усилія въ бѣгствѣ отъ Полтавы.

Рана его горѣла, лихорадка била его, лицо выражало ужасныя страданія!

Всѣ умоляли его спасаться, потому что Русскіе

были уже близко, и почти насильно посадили его въ лодку, куда, вмѣстѣ съ нимъ, сѣли Мазепа и нѣсколько Шведскихъ генераловъ.

Въ другую лодку поставили ветхую коляску, случайно уцѣлѣвшую, и, не смотря на бурную погоду, страшно волновавшую Днѣпръ, успѣли переправиться.



На другомъ берегу Днѣпра перенесли Карла XII-го въ коляску, и безъ отдыха помчали по безконечнымъ, тогда еще безлюднымъ, степямъ, которыя простираются до береговъ Буга, составлявшаго границу Турціи.

Въ слѣдъ за королемъ, бросились вплавь нѣсколько тысячъ конницы и Запорожцевъ; но большая часть изъ нихъ погибла въ волнахъ, а другіе, спасшіеся отъ волнъ, гибли въ бѣгствѣ по степямъ.

Левенгауптъ и Крейцъ приняли начальство надъ оставшимися на берегахъ Днѣпра Шведскими войсками; но, настигнутые Русскими, и не имѣя ни пороху, ни съѣстныхъ припасовъ, должны были отдаться въ безусловный плѣнъ.

Между-тѣмъ, Іюля 1-го, Царь самъ прибылъ къ Переволочнѣ.

Вся дорога отъ Полтавы до Днѣпра, по которой онъ ѣхалъ, на разстояніи 70 верстъ, была покрыта убитыми, умирающими, ранеными, мертвыми людьми и лошадьми, оружіемъ, телѣгами, фурами; а спасшіеся отъ смерти, 5,000 пѣхоты и 9,000 конницы, были обезоружены и находились уже во власти Русскихъ.

Ласково привѣтствовавъ своего стараго знакомца по битвѣ подъ Лѣснымъ, Левенгаупта, и всѣхъ офицеровъ и солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ, Царь отправилъ отрядъ конницы въ погоню за Карломъ XII-ымъ, Мазепою и ушедшими при нихъ Шведами, строжайше подтвердивъ, хранить жизнь королю и воздавать ему всѣ почести.

Но случай сохранилъ короля и Мазепу отъ неминуемаго плѣна!

Русскіе потеряли дорогу въ степи, и когда при-

скакали къ Бугу, король и большая часть его спутниковъ были уже на Турецкомъ берегу.

Карлъ XII-ый благополучно достигъ до Бендеръ, гдѣ и расположился небольшимъ лагеремъ.

Долго опредѣлено было королю Шведскому прожить въ этомъ городѣ, сдѣлавшемся достопамятнымъ по его пребыванію.

Мазепа, спасшійся съ Карломъ XII-мъ, не пережилъ своего бѣдствія. Онъ умеръ черезъ два мѣсяца по прибытіи въ Бендеры, и на простыхъ дровняхъ былъ перевезенъ въ селеніе Варницы, близъ Бендеръ, гдѣ его и похоронили.

Могила измѣнника осталась неизвѣстною — время и жизнь людская сгладили ее съ лица земли!

Осталась вѣчною только *анаѳема*, ежегодно, въ недѣлю православія, возглашаемая православною церковью, соединяя проклятіе съ именемъ *Ивана Мазепы и подобныхъ ему* предателей отечества.

Изъ Переволочни Царь прибылъ опять въ Полтаву, гдѣ уже только высокая могила напоминала о совершившейся битвѣ.

Тысячи народа стеклись отвсюду; наѣхали маркитанты и купцы; солдаты торговали съ ними, продавая имъ добычу, доставшуюся отъ Шведовъ.

Веселье и шумъ оживляли Полтавскія окрестности и городъ, гдѣ еще такъ недавно гремѣла брань и свирѣпѣла смерть.

Навѣки Царь установилъ праздновать Полтавскую побѣду и битву подъ Лѣснымъ, которую онъ всегда называлъ матерью Полтавскаго дѣла, — и наша Церковь славитъ донынѣ достопамятные дни, Сентября 28-ое и Іюня 27-ое.

К. Оболенскій.





ДОМИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

═

Петербургъ поражаетъ своимъ великолѣпіемъ всякаго путешественника. Широкія, чистыя улицы правильно разсѣкаютъ его по всѣмъ направленіямъ. Храмы, дворцы и монументы, невольно останавливаютъ вниманіе каждаго. Но лучшимъ украшеніемъ Петербурга составляетъ, конечно, Нева, на берегахъ

которой онъ расположенъ. Кто не любовался этой прекрасною рѣкою въ ясную, лунную ночь?.. Освѣщенная мѣсяцемъ, какъ горделиво омываетъ она гранитный берегъ, занятый рядомъ прекрасныхъ строеній.

Если бы мы не имѣли достовѣрныхъ свѣдѣній, свидѣтельствующихъ о времени построенія Петербурга, то трудно было бы повѣрить, что, за полтораста лѣтъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ красуется теперь столица наша, были одни лишь обширные лѣса и болота.

Правый берегъ Невы не богатъ зданіями; но между ними есть одинъ домикъ простой, незатѣйливой архитектуры, который неоцѣнимъ для каждаго, любящаго свое отечество.

Въ этомъ домикѣ жилъ, при первоначальномъ устроеніи Петербурга, блаженной и вѣчной славы достойной памяти Императоръ Петръ 1-й. Домикъ этотъ или дворецъ очень не великъ. По продольному фасаду онъ имѣетъ 5 саженъ и $1\frac{3}{4}$ аршина; по поперечному — 2 сажени и $1\frac{1}{2}$ аршина; вышина подъ крышу — 1 сажень и 8 вершковъ. Въ немъ только три комнаты и сѣни. Наружныя стѣны окрашены масляною краскою, подъ видъ кирпича.

Какимъ неизъяснимымъ чувствомъ наполняется

душа, при посѣщеніи этого скромнаго жилища Великаго Императора. Благоговѣйный трепетъ невольно овладѣваетъ сердцемъ, и какъ высоко и свято это чувство!...



Впрочемъ, иначе и быть не можетъ! Каждый Русскій съ умиленіемъ обращаетъ вниманіе на все, что сохранилось отъ Великаго.

Первая комната, налѣво изъ сѣней, обращена нынѣ въ часовню. Въ переднемъ углу находится рѣзная кіота, сдѣланная изъ липъ Лѣтняго сада, временъ Императора Петра 1-го. Въ этой кіотѣ хранится нерукотворенный образъ Спасителя, сопутствовавшій всюду незабвенному Императору. Бо-

гатый вѣнецъ, усыпанный сорока осмью драгоцѣнными камнями, украшаетъ его.

Направо изъ сѣней, находится довольно обширная комната, служившая кабинетомъ Императору. Въ ней два широкія окна. Одно изъ нихъ—къ сторонѣ Лѣтняго сада, а другое обращено къ крѣпости. Каждое окно состоитъ изъ нѣсколькихъ рамъ, въ которыя вставлены небольшія стекла въ жестяныхъ оправахъ.

Въ этой комнатѣ находятся два стола, крытые стекломъ, въ которыхъ хранятся разныя приношенія; но изъ числа всѣхъ этихъ вещей, обращаютъ на себя особенное вниманіе два костяныя ожерелья, выточенныя превосходнымъ образомъ самимъ Императоромъ. Далѣе, вдоль стѣнъ, разставлены кресла и стулья, сдѣланные изъ липъ Лѣтняго сада. У окна, обращеннаго къ крѣпости, помѣщается простое кресло и подножная скамейка, работы Петра Великаго.

Весь домикъ окруженъ галлереею, на которой хранится четырехъ-весельная верейка съ веслами и рулемъ. Изъ описанія отечественныхъ достопамятностей, можно полагать, что эта верейка работы самого Императора, на которой онъ объѣзжалъ берега Невы и осматривалъ производившіяся тогда работы въ Петербургѣ.

Длина этой верейки, по борту, тридцать пять

четвертей; каждое весло въ двадцать четвертей. Ветхій парусъ, принадлежащій къ этой верейкѣ, хранится въ кабинетѣ Императора Петра Великаго.

Какъ всѣ эти вещи должны быть драгоцѣнны для каждаго изъ насъ!

Прошло почти полтораста лѣтъ, какъ существуетъ этотъ домикъ! Широко раскинулся съ тѣхъ поръ Петербургъ и со всѣхъ сторонъ окружилъ своими обширными зданіями маленькій дворецъ Императора; но этотъ дворецъ, сохраняя скромное названіе *домика Петра Великаго*, переживетъ еще много столѣтій, и внушитъ внукамъ нашимъ то же святое чувство благоговѣнія, съ какимъ каждый изъ насъ посѣщаетъ его нынѣ.

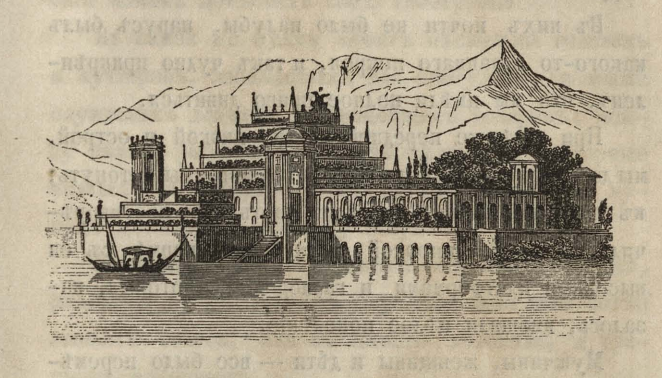
И. Черниковъ.





Литог. Крайя.

МАКАО.



ОЧЕРКЪ МАКАО.

(ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ДЮПРЕ).

Въ декабрѣ 1844 года, мы приблизились къ островамъ, наполняющимъ заливъ Кантонъ, въ который изливается Чу-Кіангъ или Жемчужная рѣка.

Утро было прекрасное, воздухъ чистый и живительный; яркое солнце золотило нагіе и безплодные острова; зубчатыя вершины горъ рѣзко обозначались на горизонтѣ, кой-гдѣ подернутомъ легкими облаками.

Множество странныхъ и различнаго вида ботовъ, окружавшихъ насъ, возбудили наше любопытство.

Въ нихъ почти не было палубы, парусъ былъ какого-то страннаго покроя, и такъ чудно прикрѣпленъ, что мы имѣли полное право дивиться.

При видѣ же передней части, низкой и острой, мы даже испугались: эти боты легко моглибы потонуть; къ тому же, низкая передняя часть явно противорѣчила большой, широкой и массивной кормѣ съ ея высокими платформами и галлереями, которыя, казалось, вмѣщали цѣлое поколѣніе.

Мужчины, женщины и дѣти — все было перемѣшано безъ разбора; женщины мыли, чинили платья, стряпали, кормили дѣтей и гребли, въ случаѣ надобности, ловко и твердо длинными веслами, посредствомъ которыхъ подвигались эти неуклюжія суда.

Макао лежитъ въ срединѣ небольшой бухты, каменистый берегъ которой образуетъ родъ набережной, гдѣ стоятъ лучшіе дома.

За ними возвышаются другіе дома уступами, по холмамъ и волнообразнымъ склонамъ гранитныхъ горъ, увѣнчанныхъ нѣсколькими крѣпостями.

По обѣимъ оконечностямъ бухты, вдоль которой расположенъ городъ, возвышаются двѣ довольно высокія горы: на одной изъ нихъ, лежащей къ сѣверу, стоитъ крѣпость Гія, а на южной — древній оставлен-

ный монастырь, въ которомъ теперь одинъ итальянскій монахъ помѣстилъ свою типографію.

Въ самой же бухтѣ стоятъ нѣсколько голетовъ и куттеровъ, нанимаемыхъ для прогулокъ, а также служащихъ для ввоза запрещенныхъ товаровъ; между ними—рыбачьи лодки и тѣ маленькіе, проворные челны, на которыхъ смышленый европейскій купецъ доставляетъ Китайцу опіумъ.

На этихъ судахъ толпится множество народа, раздается крикъ и шумъ, усиливаемый еще болѣе звономъ гонгса, или китайскаго колокола, и трескомъ фейерверка.

Около фарватера стоятъ небольшіе суда съ крышами, плетеными изъ бамбука. Эти лодки служатъ жилищемъ бѣдному классу людей, которые не въ состояніи заплатить за позволеніе жить на твердой землѣ. Тутъ заключается вся ихъ дѣятельность, тутъ они родятся и умираютъ.

Макао раздѣляется на двѣ части, на европейскую и китайскую.

Въ китайской части пестрѣетъ плотная масса домовъ, безъ улицъ, безъ площадей; всё тамъ сжато, стѣснено. Дома едва выдаются изъ воды, а гдѣ вода довольно глубока, такъ что нельзя вколачивать сваи, тамъ, вмѣсто домовъ, служатъ лодки, и пловучій городъ разстилается возлѣ стоящаго на твердой землѣ.

На противоположной сторонѣ, въ европейскомъ или португальскомъ кварталѣ, возвышаются великолѣпныя церкви; отдѣльно стоящіе дома окружены садами; обширныя площади, широкія улицы свидѣтельствуютъ о благоустройствѣ и образованности.

Корабли всѣхъ націй какъ бы опоясываютъ полуостровъ. Одни стоятъ въ маленькой португальской гавани, противъ острова Лапа, выказывающаго свои голыя, мрачныя вершины; другіе — въ Таипѣ, прекрасномъ, хорошо защищенномъ, рейдѣ, который, къ сожалѣнію, довольно мелководенъ; и наконецъ, остальные разбросаны въ виду самаго города.

Первою моею мыслію, когда я прибылъ на твердую землю, было воспоминаніе о Камоэнсѣ, который, будучи здѣсь въ изгнаніи, окончилъ свою Лузіаду, вдохновляемый роскошною тропическою природою.

Долго я бродилъ по скаламъ около берега, думая отыскать знаменитый гротъ, посвященный его памяти; наконецъ, рѣшился взять проводника.

Хотя это мѣсто не отвѣчало моимъ ожиданіямъ, но все-таки пріятнѣе его, я не находилъ на всемъ полуостровѣ.

Теперь это мѣсто не похоже на дикую пустыню, какъ прежде; ко входу грота ведутъ правильныя аллеи тамариндовыхъ и апельсинныхъ деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ несчастный творецъ Лузіады, можетъ

быть, мечталъ, молился и грустилъ. Рука человѣка все сгладила, выштукатурила, такъ, что кажется, будто находишься въ какой-нибудь крытой галлереѣ.

Подъ сводомъ стоитъ большой гранитный кубъ, служащій пьедесталомъ довольно плохому бюсту поэта; на гранитѣ вырѣзаны шесть строчекъ изъ Лузіады; двѣ деревянныя рѣшетки огораживаютъ входъ къ памятнику.

На скалѣ, которая служитъ сводомъ пещеры, выстроена, безъ всякаго вкуса, маленькая бесѣдка, закрытая почти со всѣхъ сторонъ зеленью окружающихъ ее деревьевъ.



Время нашего пріѣзда въ Макао было самое благопріятное; все было оживлено, все было въ движеніи.

На улицахъ толпились матросы съ прибывшихъ кораблей: Европейцы, Индусы въ своемъ странномъ нарядѣ, Малайцы съ курчавыми волосами; далѣе, тру-

долюбивые и дѣятельные Парсы, которые, большею частію, занимали мѣста маклеровъ, и бѣгали изъ одной конторы въ другую, чтобъ устроивать и заключать коммерческія сдѣлки; Негры въ португальскомъ мундирѣ. Купцы, трактирщики, странствующіе повара, разнощики, цирульники, лавочники, ветошники — громко расхваливали свои товары, или продавали ихъ; шумъ и толкотня были невыносимы.

Размѣнъ товаровъ былъ еще болѣе оживленъ вблизи рынка, состоящаго изъ длинныхъ, узкихъ, грязныхъ улицъ, вдоль которыхъ тянулись безчисленные ряды лавокъ и сараевъ съ навѣсами, вывѣсками въ видѣ флаговъ, раскрашенныхъ самыми яркими красками.

Здѣсь все было въ движеніи на невѣроятно маломъ пространствѣ; улицы были плотно набиты народомъ, и вездѣ слышенъ былъ оглушительный шумъ.

Китайцы — природные крикуны, а шумъ, раздающійся вокругъ, принуждалъ каждаго кричать какъ можно громче.

Къ этому гаму человѣческихъ голосовъ и лаю собакъ, присоединялись трескъ фейерверковъ, которые въ Китаѣ спускаются при всякомъ удобномъ случаѣ, и звонъ гонгса и музыкальныхъ инструментовъ, сопровождающихъ каждую публичную сходку или процессію.

Въ подобныхъ церемоніяхъ нѣтъ недостатка въ Макао.

Иногда бываетъ у нихъ великолѣпное шествіе по улицамъ, по случаю отправленія подарковъ жениха къ невѣстѣ. Дѣти открываютъ шествіе по четыре въ рядъ; каждый членъ процессіи одѣтъ въ разноцвѣтное платье, иной въ бѣлое, другой въ красное, голубое, или зеленое. На всѣхъ надѣты самые странные головные уборы; оркестръ состоитъ изъ барабана, цимбалъ и духовыхъ инструментовъ. За дѣтьми несутъ красиво расписанный, съ позолотою и рѣзными украшеніями, паланкинъ, изъ дверецъ котораго висятъ концы богатыхъ матерій, назначенныхъ для невѣсты. За ними слѣдуютъ носилки съ пирожнымъ, вареньями, мебелью, чайными ящиками и разными рѣдкими кушаньями. Друзья обрученнаго заключаютъ шествіе; разумѣется, за ними слѣдуетъ еще несмѣтная толпа любопытныхъ.

Въ другой разъ, похоронная процессія покрываетъ улицы, провожая покойника на кладбище. Пронзительная музыка издали возвѣщаетъ объ этомъ; за музыкантами несутъ простой деревянный гробъ, вокругъ котораго идутъ родственники покойника въ траурныхъ платьяхъ. Рыдая и плача, они бросаются, время отъ времени, на землю, и катаются по ней при пискливомъ похоронномъ пѣніи и раздирающихъ

стонахъ. Наемныя плакальщицы увеличиваютъ своимъ воемъ ужасъ этого шествія; стоны усиливаются еще болѣе, когда гробъ опускается въ землю.

За исключеніемъ самаго бѣднѣйшаго класса народа, всѣ женщины въ Китаѣ сдавливаютъ свои ноги, съ малолѣтства; во многихъ же странахъ, не только достаточные люди, но и простой народъ слѣдуетъ этому обыкновенію. Величина стиснутой ноги, у взрослыхъ, соотвѣтствуетъ тому возрасту, въ которомъ начали ее вправлять въ тиски.

Если женщина недовольна величиною своей ноги, то она старается скрыть этотъ недостатокъ, выгибая внутрь подошву своей обуви, и отъ этого нога кажется гораздо меньше.

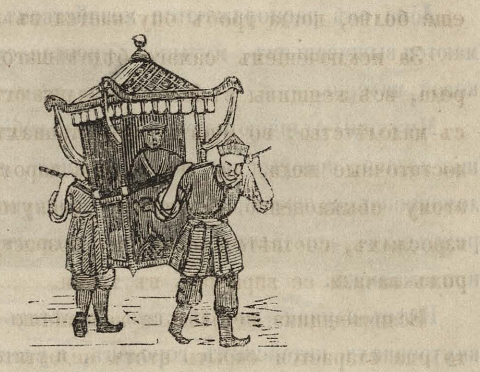
Впрочемъ, ихъ походка не такъ принужденна, какъ можно предполагать по ихъ изуродованнымъ и сдавленнымъ ногамъ.

У Китайцевъ вообще совершенно особое понятіе о женской красотѣ. Имъ нравятся сжатыя ноги, стройный, гибкій станъ, блѣдное лицо, томные глаза.

Достаточные люди очень рѣдко употребляютъ свои ноги въ дѣло, и заставляютъ, во время прогулокъ, носить себя на носилкахъ или въ паланкинахъ.

Одежда женщинъ обыкновенно очень проста, большею частію голубаго или темнаго цвѣта; го-

ловной уборъ доказываетъ много вкуса, изобрѣтательности и кокетства.



Красивыя физіономіи встрѣчаются рѣдко; но молодыя Китаянки, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, живыми, темными глазами, прекрасными, черными волосами, очень миловидны.

Китайскія женщины ведутъ жизнь болѣе уединенную, чѣмъ женщины въ Европѣ, но ихъ положеніе не сходствуетъ съ образомъ жизни магометанскихъ женщинъ въ Азіи.

Онѣ ходятъ безъ покрывала, располагаютъ своими занятіями по произволу, и гуляютъ вездѣ и когда имъ вздумается; часто посѣщаютъ также пáгоды, гдѣ дѣлаютъ приношенія своимъ идоламъ, и гадаютъ о будущей своей судьбѣ, или отправляются на

кладбище, чтобы воздать покойникамъ предписанную честь.

До́ма онѣ распоряжаются хозяйствомъ или занимаются вышиваньемъ, музыкой, рисованьемъ по шелковой матеріи.

Мужчины отличаются своимъ трудолюбіемъ. Большія подати, которыя налагаютъ на нихъ, дороговизна домашняго содержанія, большое соперничество въ ремеслахъ, заставляютъ ихъ работать съ большимъ прилежаніемъ.

Имѣвъ случай, впослѣдствіи, посѣтить нѣсколько внутреннихъ китайскихъ городовъ, я удостовѣрился, что жизнь и нравы въ Макао точно такіе, какъ и въ другихъ городахъ Имперіи, такъ, что сношенія съ Португальцами, которые поселились въ Макао назадъ тому слишкомъ 300 лѣтъ, нисколько не измѣнили національности китайскаго быта въ этомъ городѣ.





ЗИМА ВЪ КВЕБЕКѢ.

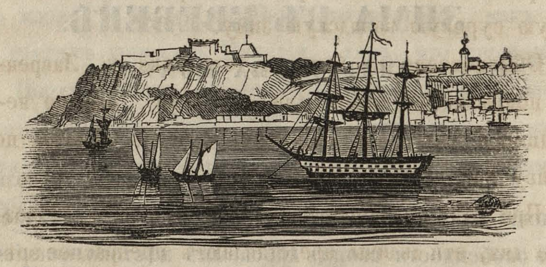
(ВИЛЬГЕЛЬМА ШВАБА).

Городъ Квебекъ лежитъ на значительномъ возвышеніи надъ поверхностью моря, и потому отличается въ особенности своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ; съ одной стороны, въ нѣкоторомъ отдаленіи, виднѣются снѣжныя возвышенности сосѣднихъ горъ, между тѣмъ какъ съ другой, простираются равнины, по которымъ протекаетъ величественная рѣка св. Лаврентія.

Къ сѣверу, по дорогѣ къ Монморанси, тянется почти безпрерывный рядъ деревень съ красиво вы-

строенными домиками; на югѣ же течетъ рѣка св. Карла, которая, въ недальнемъ разстояніи отъ города, соединяется съ рѣкою св. Лаврентія.

Съ самыхъ возвышенныхъ частей Квебека виднѣются всѣ окрестности болѣе, нежели на 50 англійскихъ миль, и посреди этихъ-то прекрасныхъ равнинъ, горъ, долинъ и лѣсовъ, съ давняго уже времени, развѣвается англійскій флагъ, оживляющій какъ-будто присутствіемъ своимъ всю окрестную природу.



Но эти живописныя окрестности дѣлаются, во время зимы, пустынными и нисколько не привлекательными.

По своему географическому положенію, Квебекъ подверженъ столь же сильнымъ жарамъ, какъ и морозамъ: иногда, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, термометръ показываетъ лѣтомъ до 30° въ

тѣни, по Реомюру, между тѣмъ какъ зимою ртуть опускается на 30° ниже точки замерзанія.

Въ началѣ зимы, Квебекъ находится какъ бы въ осадномъ положеніи, потому что на рѣкѣ св. Лаврентія, съ наступленіемъ морозовъ, появляется множество пловучихъ льдинъ, затрудняющихъ сообщеніе города съ окрестностями, отчего цѣны на первыя жизненныя потребности возвышаются тамъ до невѣроятности.

Въ такомъ положеніи городъ остается иногда довольно долго, потому что поверхность рѣки, отъ быстраго теченія воды, рѣдко замерзаетъ, даже въ самую суровую канадскую зиму.

Обыкновенно же бываетъ, что рѣка св. Лаврентія покрывается огромными льдинами, быстро несущимися внизъ или вверхъ по теченію, смотря по отливу или приливу морскому.

При свѣтломъ солнечномъ сіяніи яснаго, морознаго дня, эти льдины представляютъ прекрасное зрѣлище: то отражаютъ въ себѣ радужные цвѣта, то принимаютъ матовый, бѣловатый блескъ, или дѣлаются темнозелеными, подобно смарагду.

Въ продолженіе зимы, сообщеніе между обоими берегами рѣки св. Лаврентія весьма опасно, и производится только, въ случаяхъ крайней необходимости, на небольшихъ челнахъ.

При этомъ случается, что пассажиры, вмѣстѣ съ гребцами, принуждены бываютъ высаживаться на ледяныя массы, и перетаскивать черезъ нихъ и челнъ свой.

Переправа такая продолжается иногда до четырехъ съ половиною часовъ, а челнъ уносится въ это время иногда на 8 англійскихъ миль, внизъ по теченію.

Случается также, что скопленіе ледяныхъ массъ образуетъ на рѣкѣ родъ временнаго моста, по которому тотчасъ и устанавливается сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ; но это бываетъ рѣдко, и происходитъ только тамъ, гдѣ рѣка значительно суживается, и такимъ образомъ задерживаетъ ледъ.

Скопленіе такихъ льдинъ происходитъ иногда у самаго города, и это обстоятельство необыкновенно радуетъ жителей Квебека, не только потому, что даетъ поводъ къ разнообразнымъ удовольствіямъ и развлеченіямъ, представляя возможность дѣлать загородныя поѣздки, но преимущественно потому, что, съ открытіемъ сообщенія, быстро понижаются въ городѣ цѣны на необходимыя жизненныя потребности.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, образовавшійся такимъ образомъ мостъ былъ въ особенности замѣчателенъ тѣмъ, что весьма часто переходилъ съ од-

ного мѣста на другое. Такъ какъ онъ не совершенно соединился со льдомъ, образовавшимся у самыхъ береговъ рѣки, то, съ каждымъ приливомъ, тихо и величественно уплывалъ на нѣсколько миль вверхъ по рѣкѣ, съ отливомъ же возвращался опять на прежнее свое мѣсто.

Велика бываетъ радость жителей Квебека, когда, вмѣсто этого пловучаго моста, стужа образуетъ по всей поверхности рѣки толстый и гладкій, какъ зеркало, слой льду. Это случается не болѣе одного разу въ 5 лѣтъ, и при такомъ только случаѣ, когда сильный морозъ наступаетъ во время отлива, и когда поверхность рѣки покрыта множествомъ пловучихъ льдинъ.

Этотъ случай былъ и во время моего пребыванія въ Квебекѣ. Ледъ началъ образовываться въ 5 часовъ утра, а въ 10 часовъ нѣсколько отважныхъ Канадійцевъ разъѣзжали уже по немъ въ саняхъ.

Послѣ обѣда, гладкая поверхность рѣки оживилась веселыми толпами гуляющихъ. Двадцат одинъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ городу и всѣмъ окрестнымъ жителямъ о радостномъ для нихъ событіи, и тѣмъ привлекъ любопытныхъ со всѣхъ сторонъ.

Тысячи людей всѣхъ возрастовъ и половъ прогуливались по немъ пѣшкомъ, катались на конькахъ,

или разъѣзжали взадъ и впередъ по рѣкѣ въ великолѣпно убранныхъ саняхъ; громкіе разговоры гуляющихъ, лошадиный топотъ и веселый звукъ колокольчиковъ, раздававшихся на далекое пространство — все это придавало картинѣ нѣчто оживленное и радостное.

Но всего болѣе поражаетъ на такомъ гуляніи всякаго иностранца, такъ называемая, зимняя лодка, имѣющая видъ огромной птицы съ распущенными крыльями. Ѣзда въ подобной лодкѣ, быстро несущейся по направленію вѣтра, по зеркальной поверхности рѣки, составляетъ, во всѣхъ частяхъ Канады, самое любимое зимнее удовольствіе.



Подъ такую лодку, имѣющую мачту, паруса и множество снастей, придѣлывается обыкновенно три полоза, два спереди, а третій сзади, подъ рулемъ, для удобнѣйшаго направленія лодки. При попутномъ

вѣтрѣ, такая лодка несется съ изумительною быстротою, и на проѣздъ 10 англ. миль нужно не болѣе 20 минутъ, а иногда и менѣе.

Жители Квебека особенно любятъ зимнія поѣздки, и совершаютъ ихъ почти всегда большими обществами.

Лоретта, гдѣ поселенъ правительствомъ остатокъ индѣйскаго поколѣнія Гуроновъ, бываетъ почти всегда цѣлью этихъ путешествій. Иногда ѣздятъ также осматривать водопады Монморанси, отстоящіе на 10 миль отъ города. Сильная стужа придаетъ имъ особенно величественный видъ, потому что изъ брызговъ пѣны, образуется огромный ледяный конусъ, который возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія морозовъ, такъ что, наконецъ, закрываетъ собою весь водопадъ.

Если же замерзаетъ вся рѣка, то поѣздки и увеселенія дѣлаются разнообразнѣе; тогда городъ оживляется посѣщеніемъ окрестныхъ жителей, пріѣзжающихъ преимущественно съ противоположнаго берега рѣки, изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ.

Зима въ Канадѣ, и въ особенности въ Квебекѣ, есть самое веселое время года. Лѣтомъ всѣ слишкомъ заняты, чтобы думать объ удовольствіяхъ; зимою же, напротивъ того, не только народонаселеніе деревень, занимающееся хлѣбопашествомъ, но и значительная часть городскихъ жителей не имѣетъ

ни какого занятія, а потому и можетъ предаваться удовольствіямъ.

Какъ ни холодна зима въ Квебекѣ, но о суровости ея имѣютъ въ другихъ странахъ слишкомъ преувеличенное понятіе.

Хотя правда, что говядина здѣсь замерзаетъ до того, что для разрѣзыванія ея, нужно иногда прибѣгать къ пилѣ; что молоко, дѣлающееся отъ холода твердою массою, продается фунтами, и что, нерѣдко, встрѣчаешь мужчинъ, имѣющихъ на бородахъ и волосахъ нѣчто въ родѣ дамскихъ папильотокъ, но за всѣмъ тѣмъ, зима въ Квебекѣ не можетъ считаться непріятнымъ и невыносимымъ временемъ года. Въ рѣдкихъ только случаяхъ, морозъ дѣлается такъ великъ, что необходимо прибѣгать къ необыкновеннымъ предохранительнымъ отъ стужи средствамъ.

Самое непріятное въ Канадской зимѣ есть то, что она слишкомъ продолжительна. Еще за-долго до окончанія ея, глазъ уже утомляется видомъ блестящаго снѣга и отраженіемъ солнца на этомъ зимнемъ покровѣ природы, такъ, что съ нетерпѣніемъ начинаешь желать возвращенія весны съ ея роскошною зеленью.

При первыхъ весеннихъ лучахъ солнца, всѣ жители, наскучивъ праздною зимнею жизнію, толпами

стремятся за городъ, и велика бываетъ ихъ радость, когда пушечные выстрѣлы и громкое: ура! на берегу рѣки, возвѣстятъ имъ прибытіе перваго корабля изъ Евроны.





ПОѢЗДКА

НА МЫСЪ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ.

После скучнаго и однообразнаго морскаго путешествія, въ продолженіи 88 дней, — пишетъ одинъ германскій путешественникъ, — после цѣлой ночи, проведенной въ нетерпѣливомъ ожиданіи въ открытомъ морѣ, въ виду Капа, первое появленіе горъ Мыса Доброй Надежды, при наступленіи утра, произвело на насъ, какъ это очень понятно, самое радостное и пріятное впечатлѣніе.

Но и при другихъ обстоятельствахъ, зрѣлище, представившееся намъ съ палубы корабля, всегда поразило бы насъ своей величественной красотою.

Длинная цѣпь высокихъ, крутыхъ горъ, образующая Мысъ Доброй Надежды, скрывала вершины свои въ туманѣ и круто спускалась въ море. Туманъ постепенно разсѣевался, и зубчатыя вершины горъ обрисовывались на чудесномъ, ясномъ небѣ, въ самыхъ живописныхъ формахъ.

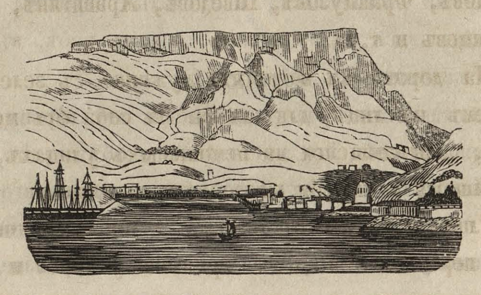
Съ жадностію смотрѣли мы на эту картину, и считали для себя это мѣсто землею обѣтованія.

Нѣсколько миль отъ Капа, гдѣ мы съ самаго начала приблизились къ берегу, рука человѣческая, повидимому, не дотрогивалась еще до произведеній природы.

Скалы горъ покрыты низкимъ и мрачнымъ кустарникомъ, который, достигая въ немногихъ мѣстахъ высоты деревъ, представляется только въ разсѣлинахъ болѣе оживленной яркой зелени.

Напутствуемые свѣжимъ утреннимъ вѣтромъ, мы пронеслись мимо этихъ горъ и, въ скоромъ времени, увидѣли Капъ съ его садами и домами. Но вѣтеръ затихъ, и мы принуждены были остановиться до вечера, и тогда только, при полномъ лунномъ сіяніи, вошли въ Столовый заливъ, гдѣ и бросили якорь.

Намъ не случалось видѣть зрѣлища очаровательнѣе того, какое представляли въ эту минуту заливъ, окружающія его горы, корабли на якоряхъ, и чуждыя для насъ, лучезарныя свѣтила, сіявшія надъ нами на темно-голубомъ, безоблачномъ небѣ, при магическомъ свѣтѣ луны.



Послѣдующія поѣздки въ Капштадтъ никогда не могли изгладить во мнѣ этого перваго впечатлѣнія.

Приставъ къ берегу на слѣдующее утро, мы были поражены огромнымъ числомъ цвѣтныхъ, встрѣчавшихся намъ на каждомъ шагу.

Дѣйствительно, едва ли найдется въ мірѣ другой городъ, который, подобно Капштадту, могъ бы представить въ своихъ жителяхъ такое разнообразіе въ оттѣнкахъ кожи.

Здѣсь вы увидите негровъ всѣхъ возможныхъ племенъ; Малайцевъ съ крашеными бородами, въ сѣрыхъ курткахъ, въ оригинальныхъ конусообраз-

ныхъ шляпахъ, напоминающихъ соломенныя крыши домовъ; Индусовъ, Китайцевъ и другихъ обитателей Востока; Мулатовъ всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ, Готтентотовъ, и другихъ.

Кромѣ того, вы найдете здѣсь и бѣлыхъ изъ всѣхъ почти странъ свѣта: Англичанъ, Голландцевъ, Нѣмцевъ, Французовъ, Шведовъ, Аравитянъ, Американцевъ и т. д.

На дорогѣ вы встрѣтите мужчинъ съ зеленымъ вуалемъ на лицѣ, для защищенія себя о́тъ мелкой пыли, подымающейся на немощеныхъ улицахъ, при малѣйшемъ дуновеніи юговосточнаго вѣтра.

Главныя улицы въ Капштадтѣ широки и чисты, онѣ пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, и тѣмъ самымъ придаютъ городу нѣкоторую геометрическую правильность. Дома лишены всякаго архитектурнаго украшенія, и, большею частію, окрашены бѣлою краскою, при солнечномъ свѣтѣ не совсѣмъ пріятною для глазъ.

Въ настоящее время строятся цѣлые дома изъ камня; но есть еще много строеній изъ сушеной глины, напоминающихъ собою владычество Голландцевъ.

Большая часть здѣшнихъ домовъ построена въ одинъ этажъ, съ мезониномъ наверху. По наружности нельзя и предполагать объ удобствѣ вну-

тренняго расположенія комнатъ. Онѣ высоки, просторны, и омеблированы не только со вкусомъ, но и съ нѣкоторою щеголеватостію.

Немногія комнаты имѣютъ потолки оштукатуренные: большею же частію, полы и потолки сдѣланы изъ желтаго дерева, туземнаго произведенія, которому придаютъ цвѣтъ краснаго дерева.

Къ главному фасаду домовъ придѣланы высокія платформы, къ которымъ ведутъ съ улицы каменныя ступени. На этихъ платформахъ собираются по вечерамъ всѣ члены семейства, что̀ въ это время придаетъ улицамъ Капштадта чрезвычайно оживленный характеръ.

Въ предмѣстіяхъ при каждомъ домѣ есть садъ, но въ самомъ городѣ они очень рѣдки.

Общественныхъ увеселеній въ Капштадтѣ нѣтъ никакихъ. Существовавшій здѣсь театръ, въ которомъ впрочемъ играла только труппа любителей, не удержался, и былъ превращенъ въ квакерскій домъ. Львы, страусы и слоны, содержавшіеся нѣкогда въ резиденціи губернатора, и привлекавшіе толпу любопытныхъ, теперь проданы. Для прогулокъ, осталась только Столовая гора.

По этой причинѣ, прибытіе корабля возбуждаетъ въ жителяхъ Капштадта участіе и любопытство въ

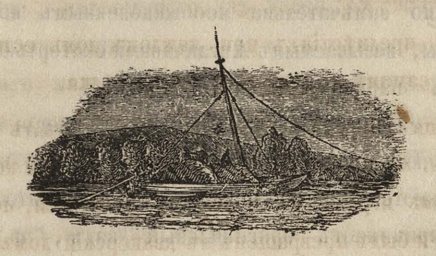
высшей степени; пріѣзжимъ они оказываютъ участіе и гостепріимство.

Всѣ улицы въ Капштадтѣ освѣщены газомъ, хотя, по причинѣ необыкновеннаго луннаго сіянія, освѣщеніе это почти лишнее.

Гавань и рейдъ окружены береговыми баттареями и крѣпостію.

Отъ берега до самаго рейда устроены двѣ деревянныя набережныя, гдѣ пристаютъ корабли, и выгружаютъ товары.

Гавань не безопасна, и при сильномъ вѣтрѣ сообщеніе между городомъ и кораблями прекращается совершенно.



Фарватеръ въ заливѣ представляетъ также не больше удобствъ. Иногда при совершенномъ отсутствіи вѣтра или слишкомъ сильныхъ его порывахъ, карабли принуждены бываютъ ждать въ открытомъ морѣ нѣсколько дней и даже недѣль, прежде, чѣмъ войдутъ въ рейдъ.

Около здѣшнихъ горъ безпрестанно свирѣпствуютъ бури, и заливъ усѣянъ печальными памятниками ярости волнъ.

Столовая гора, упоминаемая такъ часто путешественниками, получила названіе свое отъ широкой площади, находящейся на самой ея вершинѣ. Лпцевая сторона этой горы, обращенная къ Капштадту, образуетъ крутой обрывъ, и имѣетъ по сторонамъ два возвышенія, отдѣляющіяся глубокими долинами отъ главной вершины.

Вышина Столовой горы простирается до 3,500 футовъ; вышина же горъ, ее окружающихъ, гораздо менѣе. Кромѣ своей оригинальной формы, она особенно замѣчательна необыкновеннымъ явленіемъ природы, называемымъ Англичанами скатертью, Французами—парикомъ Столовой горы.

На ея поверхность спускаются иногда облака, покрываютъ всю площадь, и маленькими клочками разстилаются по ея покатостямъ. Въ это время, гора принимаетъ оригинальный видъ, и явленіе вполнѣ заслуживаетъ названіе, ему данное.

Появленіе скатерти предзнаменуетъ юговосточный вѣтеръ, который послѣ того и начинаетъ бушевать въ долинахъ и разсѣлинахъ горъ съ ужаснѣйшею силой.

Явленіе это изъясняютъ различнымъ образомъ;

но надобно, кажется, приписать это юговосточному вѣтру, безпрестанно наносящему маленькія облака, которыя задерживаются вершиною горы и ея ущеліями.

Восхожденіе на Столовую гору можетъ быть совершено двоякимъ образомъ: или дѣлая обходъ чрезъ Винбергъ, находящійся за Столовой горой, или чрезъ ближайшую, хотя и самую крутую, и почти отвѣсно лежащую, тропинку со стороны Капштадта.

Сопровождаемый нѣсколькими друзьями, я вознамѣрился также взойти на гору, и эта попытка намъ совершенно удалась.

Мы шли по направленію маленькаго прозрачнаго ручейка, истекающаго изъ утеса, и снабжающаго Капштадтъ водою.

Надъ маленькимъ водопадомъ, почти у самаго истока ручья, восхожденіе дѣлается особенно затруднительнымъ, потому-что тамъ приходится перелѣзать черезъ утесы и гранитные обломки, отдѣлившіеся отъ вершины горы.

Безпрерывно существующая здѣсь сырость отъ тумановъ, росы и дождей, производитъ необыкновенную дѣятельность растительной природы. Путешественникъ удивляется, встрѣчая здѣсь, среди многихъ, совершенно новыхъ и незнакомыхъ ему, растеній, кактусъ и герань рѣдкой величины, равно

какъ и другія дикія растенія, видимыя въ средней Европѣ только въ оранжереяхъ.

Послѣ двухъ-часоваго путешествія, мы достигли наконецъ до площади Столовой горы, которую и нашли совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ она намъ представлялась снизу.

Покрывающій ее грубый песчаный камень, отъ ударовъ молніи, вездѣ былъ изрытъ и разбитъ самымъ оригинальнымъ образомъ.

Во многихъ мѣстахъ, образовавшіяся маленькія углубленія наполнены были драгоцѣнною, освѣжительною дождевою водою, которою мы и утолили жажду.

Видъ, представившійся намъ съ вершины горы, былъ очарователенъ. Съ одной стороны, мы увидѣли весь Капштадтъ, съ его обширными садами и предмѣстіями, заливъ съ кораблями, островъ Разбойниковъ, и эту утесистую, обильную горами, береговую линію, круто спускающуюся въ синія волны Атлантическаго океана. Съ другой стороны, взоръ нашъ терялся въ необозримыхъ песчаныхъ степяхъ, коегдѣ покрытыхъ тощимъ кустарникомъ, и останавливался въ отдаленіи на живописныхъ очертаніяхъ горъ Готтентотской земли.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ пребыванія на вершинѣ горы, мы были внезапно окружены густымъ ту-



АКЪ-ГИСАРЪ, ДРЕВНЯЯ ѲІАТИРА, ВЪ МАЛОЙ АЗІИ.

маномъ, почти сокрывшимъ отъ насъ дневный свѣтъ, и распространившимъ ледяной холодъ въ атмосферѣ.

Это и былъ одинъ изъ тумановъ, называемыхъ скатертью Столовой горы.

Хотя въ эту минуту спускаться съ горы было не совсѣмъ безопасно, тѣмъ болѣе, что солнце ужъ совершенно закатилось, и послѣ короткихъ сумерекъ, не замедлила бы наступить и ночь, однако же мы пустились въ обратный путь, потому-что бивуакъ на горѣ безъ шинелей, безъ дровъ для разведенія огня, и при совершенномъ недостаткѣ въ съѣстныхъ припасахъ, былъ не слишкомъ привлекателенъ.

Когда мы вышли изъ облаковъ, мѣсяцъ въ полномъ сіяніи уже освѣщалъ землю. Руководимые его кроткимъ свѣтомъ, мы стали спускаться по другой тропинкѣ, которая, хоть и не представляла болѣе удобствъ, но все-таки была безопаснѣе, и, не смотря на лишній обходъ, черезъ часъ были уже въ Капштадтѣ.



ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Чесминъ, *Адмиралъ.*

Графъ Знатовъ, *отставной Полковникъ.*

Валентинъ } *сыновья его.*
Викторъ }

Добровъ, *ихъ наставникъ.*

Владиміръ Безродновъ, *сирота.*

Дѣйствіе происходитъ въ селѣ Графа Знатова, въ Смоленской губерніи.



СИРОТА.

ДРАМА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

═

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ садъ, отдѣленный рѣшеткою отъ проѣзжей дороги. Вдали за рѣкою видна деревня:

ЯВЛЕНІЕ I.

ВИКТОРЪ И ВАЛЕНТИНЪ.

(*Первый читаетъ книгу, сидя на скамьѣ подъ деревомъ. Другой играетъ мячемъ*).

НВАЛЕТИНЪ. — Да брось ты эту дрянь. Успѣешь

начитаться вечеромъ. Поиграй лучше въ мячъ со мною.

викторъ. — Не мѣшай мнѣ, пожалуйста. Осталось дочитат нѣсколько страницъ.

валентинъ. — Вѣрно ты хочешь, чтобъ учитель похвалилъ тебя, а меня побранилъ, увидя, что ты за книгою, когда я играю.

викторъ. — Какъ не стыдно тебѣ, братецъ, такъ думать. Хоть мнѣ и пріятнѣе было бы дочитать книгу, но изволь, давай играть. У меня и въ мысляхъ не было вводить тебя подъ выговоръ.

валентинъ. — Ну, ну, хорошо. Полно оправдываться: я пошутилъ. Лови мячъ; я кину изъ всей силы. Ты стань тамъ, у рѣшетки. (*Кидаетъ мячъ и перебрасываетъ чрезъ рѣшетку*).

викторъ. — Вотъ тебѣ разъ! Поди же ищи.

валентинъ. — Самъ потрудись. Зачѣмъ же ты не ловилъ?

викторъ. — Могъ ли я ловить, когда ты кинулъ такъ высоко и такъ сильно. Впрочемъ, трудъ не великъ сбѣгать на дорогу. Я спорить съ тобою не стану. (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ВАЛЕНТИНЪ. — Посмотримъ, что онъ такое читаетъ. Учебная книга Россійской Словесности, или избранныя мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ Риторики и Піитики, и Исторіи Русской Литературы, изданныя Николаемъ Гречемъ. Ха! ха! ха! Я и заглавія-то не понимаю! Что ему за охота ломать голову надъ такою философіею. Мнѣ и тѣ книжонки, изъ которыхъ задаетъ намъ учитель уроки, надоѣли, какъ горькая рѣдька. Притомъ, мосье Санкеръ, бывшій гувернеръ нашъ, говорилъ, что нѣтъ ни одной Русской путной книги, и что по-русски прилично говорить однимъ мужикамъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАЛЕНТИНЪ, ВИКТОРЪ И ВЛАДИМІРЪ.

ВИКТОРЪ. — Я сдѣлалъ два дѣла. Нашелъ мячъ и притащилъ сюда нашего новаго знакомца и друга.

ВЛАДИМІРЪ. — Здоровы ли вы, Валентинъ Григорьичъ?

ВАЛЕНТИНЪ *(сухо)*. — Что мнѣ дѣлается! *(Въ*

сторону). Охота брату знакомиться съ этимъ мальчишкою.

викторъ. — Читалъ ли ты эту книгу, Владимiръ? *(Подаетъ ему книгу Греча).*

владимiръ. — Читалъ и перечитывалъ. Мнѣ дали ее въ награду на экзаменѣ. Я привезъ ее съ собою сюда на каникулы, вмѣстѣ съ другими любимыми моими книгами.

валентинъ. — На Русскомъ языкѣ нѣтъ ни одной путной книги.

владимiръ. — Мнѣ кажется, что нельзя этого сказать. Есть, конечно, много худыхъ. Скажите, какая вамъ особенно не понравилась?

валентинъ *(смутясь).* — Исторiя... Географiя... Грамматика... Я, право, такъ много читалъ, что не могу вспомнить хорошенько ни одного заглавiя книги.

викторъ. — Я помню, что мосье Санкеръ говорилъ намъ то, что братецъ сказалъ. Еще говорилъ онъ, что Русскiе варвары и невѣжды. Но батюшка, узнавъ объ этомъ, отправился съ господиномъ Санкеромъ въ Москву, и прiѣхалъ оттуда уже не съ нимъ, а съ нынѣшнимъ нашимъ учителемъ, господиномъ Добровымъ.

владимiръ. — Онъ училъ у насъ въ Универси-

тетскомъ пансіонѣ Исторіи. Какъ мы всѣ любили его!

викторъ. — Такъ ты его знаешь, Владиміръ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе и Добровъ. (*Владиміръ кланяется ему*).

Добровъ. — Кого я вижу? Какими судьбами вы здѣсь, г. Безродновъ?

владиміръ. — Я пріѣхалъ сюда на каникулы, повидаться съ моимъ батюшкою.

Добровъ. — Кто вашъ батюшка?

Владиміръ. — Безстрашинъ, Унтеръ-офицеръ.

Добровъ. — Унтеръ-офицеръ?

владиміръ. — Вамъ странно кажется, какъ могъ унтеръ-офицерскій сынъ попасть въ Университетскій пансіонъ. Если угодно, я объясню вамъ это. Позвольте прежде мнѣ прочесть въ слухъ письмо русскаго офицера отъ 8-го августа 1812 года. (*Беретъ книгу Греча*).

добровъ (*съ удивленіемъ*). — Для чего это?

владиміръ. — Вы тотчасъ узнаете. Я не могу безъ слезъ читать этого письма. (*читаетъ*).

«Я видѣлъ ужаснѣйшую картину — я былъ свидѣтелемъ

гибели Смоленска. Погубленіе Лиссабона не могло быть ужаснѣе. 4 числа непріятель устремился къ Смоленску и встрѣченъ, подъ стѣнами его, горстью неустрашимыхъ Россіянъ. 5 числа, съ ранней зари до поздняго вечера, 12 часовъ продолжалось сраженіе предъ стѣнами, на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска. Русскіе не уступали ни на шагъ мѣста; дрались, какъ львы. Французы, или лучше сказать Поляки, въ бѣшеномъ изступленіи лѣзли на стѣны, бросались на валы, и въ безчисленныхъ рядахъ тѣснились около города, по ту сторону Днѣпра. Наконецъ, утомленный противоборствіемъ нашихъ, Наполеонъ приказалъ жечь городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью. Злодѣи тотчасъ исполнили приказъ изверга. Тучи бомбъ, гранатъ и чиненыхъ ядеръ полетѣли на домы, башни, магазейны, церкви. И домы, и церкви, и башни обнялись пламенемъ — и все, что можетъ горѣть, запылало!.. Опламененныя окрестности, густой, разноцвѣтный дымъ, багровыя зори, трескъ лопающихся бомбъ, кипящая ружейная пальба, стукъ барабановъ, вопль старцевъ, стоны женъ и дѣтей; цѣлый народъ, упадающій на колѣна съ воздѣтыми къ небу руками: вотъ что представлялось нашимъ глазамъ, что поражало слухъ, что раздирало сердце!... Толпы жителей бѣжали изъ огня, полки Русскіе шли въ огонь, одни спасали жизнь, другіе несли ее на жертву. Длинный рядъ подводъ тянулся съ раненными...

«Въ глубокія сумерки вынесли изъ города икону Смоленской Божіей Матери. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ трескомъ распадающихся зданій и громомъ сраженія, сопровождалъ печальное шествіе сіе.— Блескъ пожаровъ освѣщалъ оное. — Между тѣмъ чернобагровое облако дыма засѣло надъ городомъ, и ночь присоединила темноту ко мраку, и ужасъ къ ужасу. Смятеніе людей было столь велико, что многіе вы-

бѣгали полунагими, и матери теряли дѣтей своихъ. Казаки вывозили на сѣдлахъ младенцевъ изъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовалъ адъ...»

Я былъ въ числѣ этихъ младенцевъ. Безстрашинъ взялъ меня изъ рукъ казака, тяжело раненаго. Ранили и Безстрашина; но онъ, забывъ о себѣ, думалъ только о моемъ спасенiи. Никто не знаетъ, что сдѣлалось съ моими родителями. Вѣроятно, они погибли въ развалинахъ Смоленска. — Безстрашина повезли въ лазаретъ. Онъ взялъ и меня съ собою. Въ проѣздъ чрезъ село, гдѣ жила его сестра, былъ я имъ порученъ ея попеченiю. Выздоровѣвъ, онъ снова полетѣлъ на защиту отечества. Когда уже честолюбивый завоеватель, лишенный короны, осужденъ былъ провести остатокъ жизни на пустынномъ островѣ Св. Елены, Безстрашинъ возвратился изъ похода и съ тѣхъ поръ жизнь свою посвятилъ моему воспитанiю. Скажите: не долженъ ли я называть его отцомъ?

ДОБРОВЪ (*отирая платкомъ слезы*). — Ты плачешь, Викторъ? Это похвально, мой другъ. Это дѣлаетъ честь твоему доброму сердцу.

ВАЛЕНТИНЪ. — Я также очень тронутъ. Но у меня слезу, какъ пословица говоритъ, дубиной не вышибешь. Впрочемъ, мнѣ и не пристало быть плак-

сою потому, что я пойду въ военную службу. Викторъ можетъ плакать: онъ будетъ человѣкъ гражданскій.

добровъ. — Стыдись, Валентинъ! Мнимое остроуміе не прикрываетъ твоей нечувствительности. Изъ этого я вижу, что у тебя сердце не слишкомъ доброе. Не оскорбляйся, мой другъ, моими словами. Меня заставляетъ говорить одно лишь искреннее желаніе, чтобы ты исправился.

— валентинъ *(въ слезахъ)*. — У меня сердце не злѣе, чѣмъ у другихъ. Мосье Санкеръ говорилъ, что военный никогда не долженъ плакать, и что плакса никогда не прославится на полѣ чести.

— добровъ. — Однако ты плачешь отъ досады и оскорбленнаго самолюбія. Замѣть, мой другъ, что эти слезы не принесутъ тебѣ чести ни на какомъ полѣ, и что знаменитѣйшіе полководцы имѣли доброе и чувствительное сердце. Жестокостію отличались одни завоеватели, подобные Аттилѣ, котораго называли бичемъ Божіимъ. Всѣ проливавшіе кровь не для необходимой защиты государства, а для одного личнаго честолюбія или для присвоенія чужихъ владѣній, заслужили справедливое порицаніе современниковъ и потомства. Великій Князь Димитрій, предъ сраженіемъ съ Татарами на Куликовомъ

полѣ, съ умиленіемъ молился предъ Образомъ Спасителя, сіявшимъ на знамени Великокняжескомъ. Сердце его пылало не честолюбіемъ, не жадностію завоеваній, а возвышенною любовію къ отечеству и пламеннымъ желаніемъ освободить Россію отъ ига враговъ Христіанства. И Богъ ниспослалъ ему побѣду! — Еще и нынѣ, кто изъ Русскихъ, любящихъ отечество, произнесетъ имя Димитрія Донскаго безъ сердечнаго умиленія? Прочитай въ твоихъ историческихъ тетрадяхъ сказанное объ Аттилѣ и Димитріи. Ты удостовѣришься, что имя кровожаднаго Аттилы возбуждаетъ одно омерзеніе, а имя чувствительнаго, добродѣтельнаго героя Димитрія, благословляется до сихъ поръ благодарною Россіею.

валентинъ. — Я вижу, что думалъ несправедливо. Простите меня, Андрей Васильичъ. Я постараюсь исправиться.

добровъ. — Раскаяніе есть заря добродѣтели. — Кто изъ васъ знаетъ, чьи эти слова?

викторъ. — Кажется, Державина.

владиміръ. — Ты ошибся, любезный другъ: Карамзина. Какъ жаль, что умеръ такой писатель! Незадолго до его смерти, добрый нашъ Государь назначилъ ему по 50,000 рублей въ годъ пенсіона.

Теперь эти деньги получаетъ оставшееся послѣ него семейство.

добровъ. — Видишь ли, Валентинъ, что не одною военною службою можно прославиться и заслужить милости Государя. Карамзинъ обезсмертилъ себя перомъ своимъ. Не хочешь ли ты посмѣяться надъ этимъ гражданскимъ человѣкомъ такъ же, какъ смѣялся надъ Викторомъ?

валентинъ. — Вы все на меня нападаете! Я уже сказалъ, что постараюсь исправиться.

добровъ. — Дай Богъ, чтобъ ты сдержалъ свое слово. Не забудь впрочемъ, что лучшія, искреннѣйшія наши намѣренія часто не исполняются, по нерадѣнію или по худой закоренѣлой привычкѣ. Скажите намъ, г. Безродновъ, кто были ваши родители?

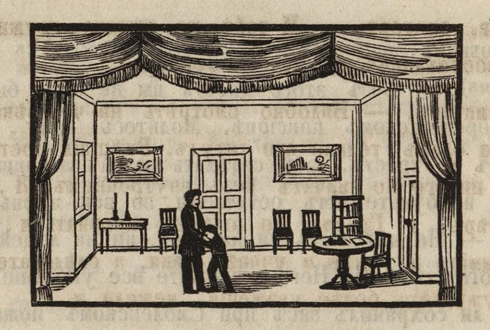
владимiръ. — Этого никто не знаетъ. По бриллiантовому кресту, который былъ у меня на шеѣ во время взятія Смоленска, заключили, что я родился отъ достаточныхъ родителей. Такіе крестики были употребляемы тогда одними дворянами. Мой второй отецъ собралъ всѣ свѣдѣнія, всѣ доказательства, какія могли мнѣ быть полезны, и наконецъ, по старанію и просьбамъ его, былъ я помѣщенъ въ Московскій Университетскій пансіонъ, на счетъ

казны. Не угодно ли посмотрѣть крестикъ? Я никогда не разстаюсь съ нимъ. (*Снимаетъ крестъ съ шеи*).

ДОБРОВЪ (*перекрестясь, цѣлуетъ крестъ съ чувствомъ*). — Безъ этого креста вы не были бы въ Университетскомъ пансіонѣ. Молитесь Тому, Кто умеръ на крестѣ, дабы содѣлать людей счастливыми, и вы не будете Имъ оставлены во всю жизнь вашу. — Не надѣйтесь ни на себя, ни на людей, ни на богатство. На Него возложите все упованіе. Не Онъ ли сохранилъ васъ при Смоленскомъ пожарѣ? Волосъ съ головы нашей не спадетъ безъ воли Его.

(*Занавѣсъ опускается*).





ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ комнату въ домѣ Графа Знатова.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГРАФЪ ЗНАТОВЪ И ВИКТОРЪ.

ГР. ЗНАТОВЪ. — Андрей Васильичъ сказывалъ мнѣ, что ты подружился съ Владиміромъ Безродновымъ. Исторія его жизни до слезъ меня растрогала. Я бы желалъ поскорѣе съ нимъ познакомиться. Когда онъ придетъ къ намъ?

ВИКТОРЪ. — Онъ обѣщалъ прійти сегодня вечеромъ.

ГР. ЗНАТОВЪ. — И тебѣ не стыдно дружиться съ воспитанникомъ унтеръ-офицера?

ВИКТОРЪ. — Надобно смотрѣть на человѣка, а не на одинъ только его титулъ. Внѣшнія достоинства ничего не значатъ безъ внутреннихъ. Я, напримѣръ, и Графъ, но долженъ признаться, что Владиміръ и умнѣе и ученѣе меня, а слѣдовательно заслуживаетъ болѣе уваженія, нежели я.

ГР. ЗНАТОВЪ. — Браво, Викторъ! Ты судишь, какъ философъ и истинный русскій дворянинъ. Держись, мой другъ, этихъ правилъ. Нашъ великій поэтъ Державинъ не даромъ сказалъ:

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.

Въ какой Одѣ это сказано?

ВИКТОРЪ. — Въ Одѣ: Вельможа.

ГР. ЗНАТОВЪ. — Какой еще Русскій писатель осмѣялъ тѣхъ, которые, безъ всякихъ личныхъ заслугъ, гордятся своими предками?

ВИКТОРЪ (*подумавъ*). — Крыловъ, въ баснѣ: Гуси. Позвольте мнѣ ее сказать наизустъ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать,
И правду истину сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пѣняли:
—«Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами понукаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ Гусей гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучь сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ Гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.»
—«А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ.—«Да наши предки. . «—«Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
—«Да наши предки Римъ спасли!»
—«Все такъ, да вы что́ сдѣлали такое?„
—«Мы? ничего!»—«Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣламъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»

—

Баснь эту можно бы иболѣ пояснить;
Да чтобъ гусей не раздразнить.

гр. знатовъ. (*смѣясь*). — Хорошо, хорошо, Викторъ! Я вижу, что ты и философъ и знатокъ отечественной словесности. За успѣхи твои въ ученіи и за хорошую нравственность, возьми этотъ подарокъ. Кто не теряетъ времени, тотъ можетъ весело смотрѣть на часы. (*подаетъ ему золотые часы*).

викторъ (*цѣлуетъ руку отца*). — Я постараюсь быть еще прилежнѣе и вести себя, какъ можно лучше. — Позвольте мнѣ сходить за Владиміромъ Онъ живетъ недалеко отсюда.

гр. знатовъ. — Поди, мой другъ!

(*Викторъ, уходя, встрѣчается въ дверяхъ съ Валентиномъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

гр. знатовъ и валентинъ.

валентинъ. — Я пришелъ, батюшка, пожаловаться на брата, Виктора.

гр. знатовъ. — Что онъ сдѣлалъ такое?

валентинъ. — Пріѣхалъ сюда изъ Москвы какой-то Безродновъ. Онъ живетъ въ сосѣднемъ селѣ

у отца своего, отставнаго унтеръ-офицера Безстрашина. Настоящій неучь, готовъ всякому въ глаза наговорить тьму грубостей, и вообще негодный мальчишка.

гр. знатовъ. — Слѣдовательно, онъ лѣниво учится и дурно себя ведетъ.

валентинъ. — Точно такъ. А главное дѣло въ томъ, что онъ смѣетъ обходиться со мною и съ братомъ, какъ съ своими равными.

гр. знатовъ. — Въ чемъ же ты полагаешь неравенство между имъ и тобою?

валентинъ. — Какъ же можно? Я Графъ. У насъ столько имѣнія. А онъ нищій и сынъ унтеръ-офицера. Я вамъ говорю, что онъ негодный мальчишка.

гр. знатовъ. — Хорошо! Я побраню Виктора. Онъ пошелъ теперь за Безродновымъ. Сегодня будетъ ко мнѣ Адмиралъ Чесминъ. Я при немъ хочу пристыдить негоднаго мальчишку.

викторъ. — Прекрасно сдѣлаете, батюшка. По дѣломъ ему.

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе, Викторъ и Владиміръ.

(*Послѣдній почтительно кланяется*).

гр. знатовъ. — Здравствуйте, милый другъ!

Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться. Скажите мнѣ, умѣете ли вы сочинять?

владиміръ. — У насъ учатъ Словесности въ Пансіонѣ. Я всегда считалъ обязанностію прилежно учиться и сочинять умѣю.—Но хорошо ли?—сказать вамъ не осмѣливаюсь потому, что о себѣ въ хорошую сторону почти всякой судитъ пристрастно. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ похвала самому себѣ.

гр. знатовъ. — Напишите маленькое разсужденіе и постарайтесь доказать, что одно лишь богатство и знатность даютъ намъ право на уваженіе, и что всѣ другія достоинства не могутъ человѣка сдѣлать почтеннымъ.

владиміръ. — Это трудно исполнить. Вы изволите требовать, чтобъ я доказалъ неосновательную мысль.

гр. знатовъ (*смѣясь*). — Нѣтъ нужды. Отличный писатель Руссо доказывалъ же, что просвѣщеніе и науки вредны. Для защищенія лжи должно имѣть болѣе въ сочиненіи искусства, нежели для доказательства истины.—И такъ, покажите намъ ваше искусство въ сочиненіи.

владиміръ (*садится къ столу*). — Извольте, я попробую.

гр. знатовъ. — Валентинъ! Напиши и ты, что можешь, въ доказательство моей мысли.

валентинъ (*садясь*). — Я не имѣю смѣлости думать и говорить, что она неосновательна. Напротивъ, мнѣ кажется, что она справедлива. Постараюсь доказать.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе и князь чесминъ.

гр. знатовъ (*встрѣчаетъ Чесмина*). — Добро пожаловать, Князь! Отъ всего сердца благодарю васъ, что вы сдержали свое слово: навѣстить меня.

кн. чесминъ. — Я никогда не забывалъ нашей пословицы: не давъ слова крѣпись, а давъ держись.

гр. знатовъ. — Знаю, что вы очень любите русскія пословицы.

кн. чесминъ. — Очень люблю, какъ и все русское. Дай Богъ, чтобы патріотизмъ видѣнъ былъ у насъ не только на поляхъ брани, или въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ; но чтобы онъ замѣтенъ былъ въ любви къ отечественной словесности и къ природному нашему языку, словомъ сказать, ко всему Русскому. Я бы желалъ, чтобы мы, какъ Англичане, оказывали любовь къ отечеству даже въ

мелочахъ и бездѣлкахъ. Я всегда выхожу изъ терпѣнія, когда вижу молодаго юношу, ставящаго всю славу свою въ томъ только, чтобы быть похожимъ на какого нибудь бульварнаго иностраннаго повѣсу. Съ виду Бельведерскій Аполлонъ! А посади за бумагу — двухъ строкъ не напишетъ по-Русски безъ ошибки. Есть у меня староста Панфилъ, такой грамотѣй и писака, что заткнетъ за поясъ сотню подобныхъ щеголей, не смотря на ихъ чистое, парижское произношеніе.

гр. знатовъ. — Вамъ будетъ, Князь, пріятно узнать, что въ этой комнатѣ находятся два Русскіе писателя. Они вѣрно поблагодарятъ васъ за ревность къ отечественной словесности и къ родному языку нашему.

кн. чесминъ. — Гдѣ жъ они? Познакомьте меня съ ними.

гр. знатовъ. — (*указываетъ на Валентина и Владиміра. Они встаютъ и кланяются*) — Вотъ они!

кн. чесминъ. — Ба, ба, ба! Вашъ сынъ полюбилъ Русскую Словесность — честь и слава ему! Какъ же въ послѣдній разъ, когда я былъ у васъ, онъ говорилъ мнѣ, что по-Русски прилично говорить одной черни.

гр. знатовъ. — Все перемѣняется на свѣтѣ. Се-

годнишнее наше мнѣніе часто бываетъ совершенно противоположно вчерашнему, — особенно у людей вѣтреныхъ и неосновательныхъ.

кн. чесминъ (*всмотрясь во Владиміра, въ сторону*) — Боже мой! Какое сходство съ покойною женою моею! (*къ Знатову тихо*). — Скажите, кто этотъ мальчикъ?

гр. знатовъ. — Пойдемте, любезнѣйшій князь, въ садъ. Я разскажу вамъ исторію его жизни. А вы, господа писатели, постарайтесь кончить ваше дѣло къ нашему возвращенію.

(*Чесминъ и Знатовъ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ВИКТОРЪ, ВАЛЕНТИНЪ И ВЛАДИМІРЪ.

валентинъ. — Я кончилъ. Посмотримъ, кто лучше написалъ. Графъ или пріемышъ унтеръ-офицера?

владиміръ. — И я кончилъ. Вы вѣрно сердитесь на меня, когда укоряете въ глаза моимъ низкимъ состояніемъ. Не знаю, чѣмъ могъ я разсердить васъ.

викторъ. — Не стыдно ли, братецъ, тебѣ обижать напрасно товарища.

валентинъ (*гордо*). — Товарища? Я за стыдъ себѣ

почту назвать его этимъ именемъ. Батюшка обѣщалъ сегодня пристыдить какого-то негоднаго мальчишку.

владиміръ (*скромно*). — Ваша гордость и ваши обидныя слова приносятъ не мнѣ стыдъ, а кому нибудь другому.

валентинъ (*вспыльчиво*). — Прошу васъ не говорить дерзостей. Скажите еще слово; я васъ вытолкаю отсюда.

викторъ. — О! о! ты слишкомъ ужъ разгорячился. Если станетъ у тебя на то дерзости, чтобы толкать отсюда нашего добраго и умнаго товарища, то мы оба сведемъ тебя въ садъ къ батюшкѣ, чтобы горячность твоя прохладилась на свѣжемъ воздухѣ. Стыдись твоихъ поступковъ! Я бы не рѣшился говорить тебѣ въ глаза колкой правды, если бы не любилъ тебя, какъ брата.

валентинъ. — Убирайся ты, съ твоими нравоученіями! Я ихъ также уважаю, какъ и твоего почтеннаго, добраго и умнаго товарища, не смотря на то, что онъ нищій и пріемышъ отставнаго унтеръ-офицера. Поскорѣе бы проучили негоднаго мальчишку!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прежніе, знатовъ, чесминъ и добровъ.

кн. чесминъ (*Безроднову*). — Покажите мнѣ вашъ крестикъ.

ВЛАДИМІРЪ *(разстегиваетъ жилетъ и снимаетъ крестъ съ шеи)*. — Вонъ онъ.

КН. ЧЕСМИНЪ *(упадая на колѣна, цѣлуетъ крестъ въ восторгѣ)*. — Боже Всемогущій!

(Всѣ въ удивленіи).

ГР. ЗНАТОВЪ. — Князь! Что съ вами сдѣлалось?

КН. ЧЕСМИНЪ (*вскакиваетъ и прижимаетъ Владиміра къ сердцу*). — Обними меня, милый сынъ!

(*Онъ съ жаромъ цѣлуетъ Владиміра. Добровъ, Знатовъ и Викторъ плачутъ. Валентинъ въ смущеніи поглядываетъ то на того, то на другаго*).

КН. ЧЕСМИНЪ (*обращаясь къ Знатову*). — Поздравьте меня, любезный другъ! Не ждалъ я такой радости послѣ ужаснаго несчастія! Въ Смоленскѣ погибла моя жена и всѣ мои родные, когда я былъ на морѣ. До сихъ поръ и сына считалъ я погибшимъ.

ГР. ЗНАТОВЪ (*со слезами обнимая Чесмина*). — Эти слезы пусть покажутъ, раздѣляю ли я вашу радость. Я бы еще болѣе радовался, если бы сердце мое не страдало отъ печали.

КН. ЧЕСМИНЪ. — Отъ какой печали?

гр. знатовъ. — Вы тотчасъ это увидите. Ну, господа писатели, давайте сюда ваши разсужденія. Андрей Васильевичъ! Оцѣните, какъ безпристрастный критикъ и то, и другое.

добровъ. — Я даю честное слово, что буду судить безъ малѣйшаго пристрастія. (*Беретъ разсужденія и садится къ столу*).

гр. знатовъ. — Викторъ! Какіе стихи изъ Державина вспомнили мы сегодня утромъ съ тобою?

Викторъ.

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпъ его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.

кн. чесменъ (*смѣясь*).— И забавно, и справедливо. Тоже подтверждаетъ Русская пословица: по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ.

добровъ (*вставая*). — Сочиненіе молодаго князя написано правильнымъ и, во всѣхъ отношеніяхъ, хорошимъ слогомъ, не смотря на то, что доказываемая въ немъ мысль неосновательна. А въ другомъ сочиненіи, скажу, съ сожалѣніемъ, нѣтъ ни связи логической, ни хорошаго слога. За то есть въ немъ шесть грубыхъ ошибокъ противъ правописанія.

гр. знатовъ. — Пожалуйте сюда оба сочиненія. Возьмите, князь, эту бумагу въ доказательство того, что вашъ сынъ добрый, умный и прилежный юноша, и что онъ приноситъ такую же честь Русскому князю и заслуженному адмиралу, какую принесъ бы бѣдному, отставному унтеръ-офицеру, если бы онъ былъ его сынъ. Всякій, кто бы онъ ни былъ, можетъ гордиться такимъ сыномъ. А твое сочиненіе, Валентинъ, ты можешь хранить у себя, какъ памятникъ твоихъ отличныхъ познаній, твоего прилежанія и похвальнаго поведенія. Возьми это сочиненіе, природный Русскій графъ! Послѣдній негодный мальчишка умеръ бы со стыда на твоемъ мѣстѣ.

валентинъ (*въ слезахъ.*) — Простите меня, батюшка. Я въ полной мѣрѣ чувствую свою вину. Даю вамъ слово исправиться въ самое короткое время.

добровъ. — Простите его, Ваше Сіятельство. Раскаяніе есть заря добродѣтели. Только не забудь во второй разъ, милый Валентинъ, сказаннаго мною сегодня утромъ, что лучшія, искреннѣйшія наши намѣренія часто не исполняются по нерадѣнію, или по худой закоренѣлой привычкѣ.

кн. чесминъ. — Простите его, графъ! А вы, любезный другъ, не забудьте пословицы: не давъ слова



АУЛЪ «СТАРЫЙ ЮРТЪ» НА КАВКАЗѢ.

крѣпись, а давъ держись. Вспомните, что кто не держитъ слова, тотъ не заслуживаетъ названія честнаго человѣка.

викторъ и молодой князь чесминъ. — Простите его!

гр. знатовъ. — Хорошо! Быть такъ! Обними меня, Валентинъ! Ты вѣрно исправишься.

(*Валентинъ, рыдая, бросается къ отцу въ объятія*).

(*Занавѣсъ опускается*)

К. Масальскій.



ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Прасковья Антоновна Еропкина, *жена приказнаго.*

Сережа, *сынъ ея.*

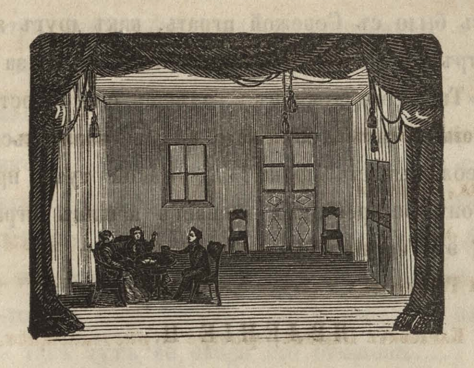
Лиза, *дочь ея.*

Марѳа Григорьевна Уткина, *вдова.*

Петръ Карловичъ Пикардъ, *граверъ и рисовальщикъ.*

Дмитрій, *слуга.*

Дѣйствіе происходитъ въ С.-Петербургѣ въ 1714 году, въ квартирѣ Г-жи Еропкиной.



ГРАВЕРЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО
ИЛИ
ДАРОВАНІЕ И УСПѢХИ.
КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

=

(Театръ представляетъ комнату. Въ глубинѣ сцены окно и стеклянная дверь, ведущая на галлерею, а оттуда во дворъ и въ садикъ. Съ правой стороны — другая дверь, во внутреннія комнаты. Слѣва стоитъ диванъ, столъ и нѣсколько креселъ)

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛИЗА *(вяжетъ чулокъ)*. — Какъ бы я желала, чтобы господинъ Пикардъ скорѣе окончилъ урокъ ри-

сованія! Бѣдный Сережа занимается съ нимъ уже цѣлый часъ, а я — сиди одна.... Давеча мы собрались было съ Сережой играть, какъ другъ явился Петръ Карловичъ и потащилъ его прямо за ученье. «Ты, говоритъ онъ, имѣешь способность къ рисованію, такъ тебѣ надо больше заниматься — изъ тебя выйдетъ прокъ!»... Какой тутъ прокъ, когда онъ безпрестанно мѣшаетъ нашимъ играмъ? Право, это несносно!....

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛИЗА И ДМИТРІЙ.

ДМИТРІЙ (*за сценой*). — Ай! ой! помогите! исклевалъ меня всего, негодный индюкъ. (*Вбѣгаетъ на сцену*). Мочи нѣтъ съ этимъ....

ЛИЗА (*вставая съ мѣста*). — Что ты кричишь! Вотъ маменька услышитъ и дастъ тебѣ....

ДМИТРІЙ. — Помилуйте, барышня, не знаешь что̀ и дѣлать!.... На шагъ не позволяетъ къ себѣ подступиться, этотъ индюкъ — такъ и наровитъ, чтобы задѣть за живое....

ЛИЗА. — Говори тише! (*Указывая на дверь*). Здѣсь сидитъ Петръ Карловичъ.

ДМИТРІЙ. — Давеча маменька ваша, Прасковья

Антоновна, приказала мнѣ всѣхъ цыплятъ загнать въ курятникъ. Больно, видите ли, велики стали; того и смотри, что разбредутся по сторонамъ, а тамъ и — пиши пропало!....

лиза. — Отчего такъ?

дмитрій. — Да вотъ вчера еще пропалъ со двора пѣтушокъ. Ходилъ я искать его и на улицу, и къ сосѣдямъ — просто и слѣдъ простылъ! Должно быть, эта старая г-жа Уткина, что вонъ на искосокъ-то отъ насъ живетъ, на жаркое его изжарила — такъ тутъ не скоро его отыщешь....

лиза. — Ну, что же, ты исполнилъ приказаніе маменьки!

дмитрій. — Какое тутъ исполнить! Цыплята уже не малые — не скоро даются; сами въ курятникъ не лѣзутъ, а ихъ поймай да посади. А тутъ, какъ нарочно, подвернется этотъ негодный индюкъ и пойдетъ меня теребить!.... Право, барышня, всѣ руки исклевалъ....

лиза *(смѣясь)*. — Бѣдный Дмитрій, какъ мнѣ тебя жаль!....

дмитрій. — Вотъ ужъ третій разъ принимаюсь сегодня....

лиза. — Ахъ, кстати; ты вѣрно не слыхалъ

какъ ловятъ воробьевъ! Ты попробовалъ бы то же и съ цыплятами. Хочешь я тебя, выучу?

ДМИТРІЙ. — Сдѣлайте Божескую милость, барышня.

ЛИЗА (*смѣясь*). — Вотъ видишь ли, возьми въ кухнѣ соли, на насыпь ее цыплятамъ на хвостъ. Какому ты насыплешь, такъ тотъ и будетъ твой — сейчасъ его поймаешь.... (*Уходитъ въ садъ, едва удерживаясь отъ смѣха*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ДМИТРІЙ (*одинъ*). — Соли!.... (*Почесывая затылокъ*) да соли-то кухонной, кажется, дома нѣтъ!... (*Подумавъ*). Видно, цыплята ее боятся.... Барышня говоритъ....

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДМИТРІЙ, Г-ЖА ЕРОПКИНА И Г-ЖА УТКИНА.

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Милости просимъ, Марѳа Григорьевна, вотъ ужъ одолжили меня своимъ посѣщеніемъ. (*Увидѣвъ Митюшку*) Ты что тутъ дѣлаешь? Мало тебѣ работы, лѣнивецъ. Поди сейчасъ, подмети дорожки въ саду.

ДМИТРІЙ (*въ сторону*). — Вотъ те и на! И съ од-

нимъ дѣломъ не справился, а тутъ бери метлу и принимайся за другое *(пожимая плечами)*. Просто, бѣда!.... *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ДМИТРІЯ.

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Садитесь, пожалуйста, Марѳа Григорьевна. *(Садятся)* Ну что, какъ ваше здоровье?

Г-ЖА УТКИНА. — Да что, матушка Прасковья Антоновна, Богъ грѣхамъ терпитъ! Пошла было я на дняхъ на рынокъ, закупить, знаете ли, всякой всячины для своего хозяйства, да на дорогѣ, какъ меня вспрыснетъ дождикъ, такъ я еле-еле домой доплелась. Повѣрите ли, нитки сухой на мнѣ не осталось.... *(Кашляетъ)*.

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Вы вѣрно простудились, что кашляете?

Г-ЖА УТКИНА. — Простудилась, матушка; да Богъ милостивъ, теперь полегче стало..... А въ тотъ день, слышали вы въ адмирействѣ-то праздникъ какой былъ?

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Въ адмиралтействѣ, вы хотите сказать?

г-жа уткина. — Да, матушка, въ адмарействѣ... Царь Петръ Алексѣевичъ возвратился изъ похода и задалъ такой пиръ, что, просто, на удивленье....

г-жа еропкина. — Мужъ мой, Сергѣй Ипатіевичъ мнѣ объ этомъ разсказывалъ.

г-жа уткина. — А какъ здоровье Сергѣя Ипатіевича? Давно мы что-то съ нимъ не видались.

г-жа еропкина. — Слава Богу!.... онъ теперь въ Приказѣ и вернется изъ должности часа черезъ два.

г-жа уткина. — А что вашъ Сережа подѣлываетъ? Кажись, я его еще не видала сегодня!

г-жа еропкина. — Онъ занимается рисованіемъ съ господиномъ Пикардомъ.

г-жа уткина. — Пикардовъ! а кто онъ такой?

г-жа еропкина. — Петръ Карловичъ Пикардъ, граверъ и рисовальщикъ.... Будучи въ Голландіи, Царь обратилъ вниманіе на его картины и тогда же принялъ его въ свою службу. Съ тѣхъ поръ, теперь уже слишкомъ пятнадцать лѣтъ, Петръ Карловичъ поселился у насъ въ Россіи и, исполняя для Государя разныя работы, обучаетъ своему художеству также нѣсколькихъ способныхъ учениковъ.

г-жа уткиил. — Вотъ что, матушка! А давно Сережа у него учится?

г-жа еропкина. — Ужъ другой годъ! Петръ Карловичъ, познакомившись съ нами, самъ вызвался учить Сережу, замѣтивъ въ немъ, какъ онъ говорилъ, необыкновенныя способности къ рисованію. Да мнѣ все это какъ-то не вѣрится....

г-жа уткина. — Да, матушка, куда нашимъ ребятамъ гнаться за всѣми заморскими хитростями! На то у нихъ ума не хватитъ, а здоровье свое погубятъ въ конецъ....

г-жа еропкина. — Сергѣй Ипатіевичъ согласился на предложеніе господина Пикарда потому, что уроки эти обходятся ему даромъ — Петръ Карловичъ взялся учить Сережу безмездно.... Притомъ, человѣкъ-то онъ знатный—зачастую съ самимъ Царемъ разговариваетъ.

г-жа уткина *(съ удивленіемъ)*. — Что вы говорите!

г-жа еропкина. — Да вотъ еще недавно, Царь встрѣтился съ нимъ на улицѣ, посадилъ его въ свою одноколку и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ.

г-жа уткина. — Скажите на милость!

г-жа еропкина. — Петръ Карловичъ хочетъ о Сережѣ говорить Царю. Ну, право, смерть какъ я боюсь этого! Не равенъ случай — пожалуй, ученіемъ бѣдный мальчикъ изведетъ себя совершенно!....

г-жа уткина *(съ увѣренностью)* — Изведутъ, матушка, изведутъ ни за грошъ! Пусть бы эти Нѣмцы свою братью учили — такъ нѣтъ! И за нашихъ ребятъ теперь ужъ принялись!.... Эхъ! не добру быть вашему Сережѣ, вотъ помяните мое слово....

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, Г. ПИКАРДЪ И ПОТОМЪ СЕРЕЖА.

г. пикардъ *(входя изъ боковой двери)*. — А вотъ мы съ Сереженькой окончили наши дѣла. Ну, Прасковья Антоновна, какой онъ у меня будетъ рисовальщикъ — чудо! *(Цѣлуетъ концы своихъ пяти пальцевъ; потомъ, замѣтивъ г-жу Уткину, раскланивается)*.

сережа *(входя)*. — Петръ Карловичъ, вы забыли вашу табакерку! *(Кланяется г-жѣ Уткиной)*.

г. пикардъ. — Благодарствую, любезный мой!.... *(Треплетъ Сережу по плечу)*.

г-жа уткина *(Въ полголоса)*. — Скажите, матушка, что это онъ намъ съ вами ручки дѣлаетъ? Этакій безстыдникъ, подумаешь!....

г. пикардъ *(садится)*. — Ужъ вы на меня сердитесь или не сердитесь, Прасковья Антоновна, но я о Сереженькѣ непремѣнно буду говорить Царю. Дарованіе надобно стараться развивать, и я увѣренъ, что Царь, по

возможности, дастъ ему всѣ средства къ образованію. *(Обращаясь къ Сережѣ)*. Ну что, Сереженька, хочешь ты серьезно учиться рисованію?

СЕРЕЖА *(застѣнчиво)*. — Хочу, Петръ Карловичъ.

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Оно все такъ, господинъ Пикардъ, да Сережа у меня здоровья-то слабаго — не легко ему будетъ вынести всѣ труды по ученію. *(Протягивая Сережѣ руку)*: Поди ко мнѣ, мое дитятко! *(Цѣлуетъ и ласкаетъ его)*.

Г-ЖА УТКИНА. — Вѣстимо такъ, матушка! Да и что толку въ этомъ ученіи? Вотъ и покойникъ мужъ мой говаривалъ: «было бы только сытно желудку и мягко костямъ, а то все трынъ-трава!»

Г. ПИКАРДЪ. — Помилуйте, сударыня; вы мнѣ говорите такія вещи, что я не знаю, чтó вамъ и отвѣчать.... Какъ что толку въ этомъ ученіи?.... Да вотъ, напримѣръ, знавали вы Никитина, секретаря Его Величества?

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Да, я объ немъ слышала.

Г-ЖА УТКИНА. — А я, отецъ мой, его не знаю. Былъ у меня знакомый пономарь, котораго всѣ звали: Никитка красный носъ; а о Никитинѣ не слыхала....

Г. ПИКАРДЪ. — Такъ вотъ, этотъ Никитинъ,

вмѣстѣ съ Царемъ, былъ въ Голландіи. Разъ случилось, что Царь зашелъ къ нему на квартиру и, не заставъ его дома, увидѣлъ тамъ его сына, мальчика *(показывая на Сережу)* да вотъ однихъ лѣтъ съ Сережой, лѣтъ четырнадцати. Когда Государь входилъ въ комнату, этотъ мальчикъ поспѣшно спряталъ въ карманъ листъ бумаги, на которомъ онъ что-то чертилъ карандашомъ. Царь полюбопытствовалъ взглянуть на то, что онъ рисовалъ, и увидѣлъ, что сынъ Никитина, для забавы, срисовывалъ какой-то домикъ. Рисунокъ былъ, конечно, очень плохъ, потому что мальчикъ рисовать вовсе не учился; но Великій Государь тотчасъ же замѣтилъ въ немъ отмѣнную склонность къ живописи и, узнавъ о его желаніи учиться, отдалъ его, чрезъ нѣсколько дней, къ одному изъ лучшихъ живописцевъ въ Амстердамѣ....

г-жа еропкина. — Но вотъ, видите ли, господинъ Пикардъ....

г. пикардъ. — Позвольте, позвольте, Прасковья Антоновна, не перебивайте.... Молодой Никитинъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлалъ такіе успѣхи въ живописи, что Царь не могъ довольно имъ нарадоваться. Для окончательнаго же образованія, онъ былъ посланъ еще въ Италію, и....

г-жа уткина. — Куда? батюшка; куда? ты сказалъ.

г. пикардъ. — Въ Италію! Мареа Григорьевна.

г-жа уткина. — Въ Итальево! *(Мотая головою).* Не слыхала я, отецъ мой, такого города.... А вотъ, недалеко отъ Москвы, помнится мнѣ, такъ верстахъ въ восьмидесяти, есть село Телятьево—такъ, можетъ, не туда ли?

г. пикардъ *(съ досадою)*. — Нѣтъ, не туда!... Въ Италіи Никитинъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и, занимаясь всегда съ прилежаніемъ, возвратился въ Петербургъ отличнымъ живописцемъ. Царь обласкалъ его какъ нельзя болѣе, далъ ему мѣсто, жалованье, однимъ словомъ, все, все....

г-жа еропкина. — Скажите, какое счастье!

г. пикардъ. — Но самое главное — это вниманіе Великаго Царя. Никитинъ, отъ котораго я самъ слышалъ, разсказывалъ мнѣ объ этомъ со слезами на глазахъ.... Вотъ видите ли: Онъ прибылъ въ Петербургъ въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе. Царь узналъ объ его пріѣздѣ, будучи за заутреней въ Троицкомъ соборѣ, и, по окончаніи церковной службы, пошелъ прямо къ нему на квартиру, поздравилъ его съ пріѣздомъ и съ праздникомъ, похристосовался съ нимъ и поблагодарилъ за

успѣхи и прилежаніе. Обрадованный милостію Царя, Никитинъ хотѣлъ было показать Его Величеству новыя свои картины, которыя онъ писалъ въ Италіи, и которыя, завернутыя въ рогожи, лежали на полу; но Царь остановилъ его, сказавъ: «Оставь ихъ въ этихъ дѣдовскихъ нашихъ коврахъ; прежде всего тебѣ нужно отдохнуть, а я разсмотрю ихъ послѣ!».... На другой день, въ обѣденное время, Царь приказалъ со стола своего послать Никитину нѣсколько блюдъ кушанья и нѣсколько бутылокъ разныхъ напитковъ...

г-жа еропкина. —Вашъ разсказъ меня совершенно растрогалъ — родной отецъ, кажется, не можетъ болѣе обласкать своего сына!

г. пикардъ. — Вниманіе, которое Царь постоянно оказываетъ къ людямъ, напрягающимъ свои силы въ какомъ либо искусствѣ или въ службѣ — не есть ли уже достаточная причина, чтобы посвятить себя труду и занятіямъ? Никто, болѣе нашего Великаго Царя, не умѣетъ цѣнить трудъ и старанія; никто, болѣе его, не умѣетъ ободрить трудящагося! *(Съ чувствомъ)* Я не Русскій, Прасковья Антоновна; но скажи мнѣ Великій Государь одно слово, — я почту желаніе его священнымъ долгомъ, и ни какая жертва, которую бы я могъ принести на пользу Россіи, не остановитъ меня!...

г-жа уткина. — А скажите, господинъ Пик... Пекр... Пекаровъ...

г. пикардъ. (*Сухо*). — Пикардъ, къ вашимъ услугамъ.

г-жа уткина. — Виновата, батюшка; Память нынчѣ что-то стала измѣнять; ужъ вы на меня не гнѣвайтесь!...

г. пикардъ. — Помилуйте, Марѳа Григорьевна!... Такъ вы что хотѣли спросить?

г-жа уткина. — Да, скажите мнѣ пожалуйста, господинъ Пикардовъ: этотъ живописецъ дѣлаетъ картины черныя, или также красками малюетъ?

г. пикардъ. — Онъ рисуетъ масляными красками, также акварелью...

г-жа уткина. — Я это спрашиваю потому, что недавно на рынкѣ видѣла картину, размалеванную красками, знаете ли: свадьбу Карловъ, что вонъ, года два тому назадъ, у насъ въ Петербургѣ была. Эта картина мнѣ больно приглянулась.

г-жа еропкина. — Если бы Сережа въ живописи могъ сдѣлать такіе же успѣхи, какъ Никитинъ, то конечно, было бы хорошо; но я боюсь, что онъ не успѣетъ, и что...

г. пикардъ. — Помилуйте, отчего ему не успѣть.

Охота и способности у него есть — было бы только прилежаніе... Да вотъ, вы не видѣли того, что онъ рисовалъ сегодня? *(Обращаясь къ Сережѣ)* Сереженька, принеси сегоднишнюю твою работу!

Сережа. — Сейчасъ, Петръ Карловичъ! *(Уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ VII

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ СЕРЕЖИ.

г-жа уткина. — А позвольте васъ спросить, какой это у васъ въ рукахъ ящичекъ! Я давно уже замѣтила его, и ума не могу приложить, для чего вы его держите.

г. пикардъ. — Это табакерка! Не прикажете ли табачку? *(Раскрываетъ табакерку и подноситъ ее къ г-жѣ Уткиной)*.

г-жа Уткина *(Съ ужасомъ отворачиваясь)*. — Что ты, Богъ съ тобой! ужъ издѣваться надо мной, старухой, началъ. Чтобъ я этого проклятаго зелья себѣ въ носъ запѣхала! да о своемъ ли ты умѣ?

г. пикардъ *(Смѣясь)*. — Полноте вы, Мареа Григорьевна! Если бъ было между вами обыкновеніе, то и вы, можетъ быть, стали бы нюхать. Худаго въ этомъ ничего нѣтъ. *(Нюхаетъ съ самодовольствомъ)*. Табакъ освѣжаетъ голову и очищаетъ зрѣніе...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И СЕРЕЖА.

СЕРЕЖА. — Вотъ что я рисовалъ сегодня. (*показываетъ рисунокъ г-жѣ Еропкиной.*

Г-ЖА ЕРОПКИНА (*разсматривая рисунокъ*) — Оно такъ, хорошо; да вы, Петръ Карловичъ, я думаю, подправили?

Г. ПИКАРДЪ (*съ увѣренностію*) — Повѣрьте, здѣсь ни одного штриха моего нѣтъ...

Г-ЖА УТКИНА. — Позвольте, матушка, посмотрѣть и мнѣ? (*глядя на рисунокъ*) А, да какой домикъ-то хорошенькій! Ну, точь въ точь домъ Ѳедосѣя Кондратьевича, что взялъ онъ въ приданое за женою...

Г. ПИКАРДЪ (*вставая съ мѣста*). — Однако жъ мнѣ пора и отправиться. Кажись, ужъ пробило девять часовъ, а въ десятомъ Царь назначилъ мнѣ быть въ Адмиралтействѣ... (*Раскланивается*) Мое почтеніе, Прасковья Антоновна!

Г-ЖА ЕРОПКИНА (*вставая съ мѣста*). — Прощайте, господинъ Пикардъ.

Г. ПИКАРДЪ. — Прощайте, Марѳа Григорьевна! будьте здоровы. До свиданья, Сережа! (*Уходитъ*).

СЕРЕЖА. — Прощайте Петръ Карловичъ! *(провожаетъ г. Пикарда)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Г-ЖА ЕРОПКИНА И Г-ЖА УТКИНА.

Г-ЖА УТКИНА. — Ну, Прасковья Антоновна, кажись и мнѣ пора съ вами проститься.

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Куда это вы спѣшите, Марѳа Григорьевна — вы у насъ такая рѣдкая гостья! Да останьтесь у насъ откушать? Вы дома однѣ, такъ васъ ждать некому!

Г-ЖА УТКИНА. — Такъ, матушка, одна; да сегодня пирогъ посадила въ печку — боюсь, чтобъ не пригорѣлъ...

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Не пригоритъ, не безпокойтесь... Мы кушать будемъ скоро! Вотъ, въ первомъ часу, Сергѣй Ипатіевичъ возвратится изъ должности — такъ мы прямо за столъ!

Г-ЖА УТКИНА. — Ну ужъ отъ чужой хлѣба-соли не отказываться стать. . .

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Вотъ дѣло, такъ дѣло! А покамѣстъ, не хотите ли посмотрѣть нашъ садикъ? Вы, кажется, въ немъ еще не были!

Г-ЖА УТКИНА. — Не была, матушка.

г-жа еропкина. — Такъ милости просимъ. *(Уходитъ въ сопровожденіи г-жи Уткиной и въ дверяхъ встрѣчаетъ Сережу)* А ты, Сережа, прибери свой рисунокъ. Онъ остался на столѣ—не равно, кто нибудь его запачкаетъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

сережа одинъ.

Петръ Карловичъ обѣщалъ принести мнѣ краски. . . Какъ я радъ! *(Беретъ рисунокъ со стола)* Ну, вотъ домикъ,—такъ онъ просто никуда не годится! То ли дѣло, когда онъ будетъ разрисованъ красками? Тогда пріятно будетъ и взглянуть на него! . . .

ЯВЛЕНІЕ XI.

лиза и сережа.

лиза. — Ахъ, Сережа! я тебя ищу вездѣ—гдѣ ты былъ?

сережа. — Что тебѣ нужно!

лиза. — Ты не видѣлъ, какъ Дмитрій возится съ цыплятами?

сережа. — Нѣтъ, а что такое?

лиза *(смѣясь)*. — Такой, право, онъ глупый! . . Маменька приказала ему цыплятъ загнать въ ку-

рятникъ—онъ бьется съ ними съ самаго утра, и никакъ не можетъ справиться. Я ему присовѣтовала взять соли, да посыпать цыплятамъ на хвостъ, говоря, что такимъ образомъ, онъ сейчасъ ихъ изловитъ. . . . И что же ты думаешь! • . Въ кухнѣ соли не было—вся вышла; такъ онъ побѣжалъ за нею въ лавочку. . .

СЕРЕЖА (*Хохочетъ*). — Экій онъ глупый какой!.. А ты, Лиза, ужъ и сейчасъ воспользовалась случаемъ, чтобы потрунить надъ нимъ!

ЛИЗА. — Да онъ, право, такой смѣшной;— вѣритъ всему, что́ ему ни скажешь! . . . Да вотъ еще вчера, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Скажите, барышня, не знаете ли, отчего пѣтухъ закрываетъ глаза когда поетъ?»

СЕРЕЖА. — Что же ты ему отвѣчала?

ЛИЗА. — Я ему сказала: оттого, что онъ твердо выучилъ что поетъ, и знаетъ все наизустъ!

СЕРЕЖА (*Смѣясь*). — Экая ты проказница!

ЛИЗА. — Послушай, Сережа, пойдемъ, посмотримъ—можетъ быть, онъ ужъ вернулся изъ лавочки.

СЕРЕЖА. — Погоди, сейчасъ; маменька приказала мнѣ спрятать этотъ рисунокъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЛИЗА, Г-ЖА ЕРОПКИНА И Г-ЖА УТКИНА.

Г-ЖА УТКИНА. — Нечего сказать, Прасковья Антоновна, садикъ у васъ славный; кабы побольше еще цвѣтовъ, такъ былъ бы хоть куды. . .

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Теперь садить ихъ ужъ поздно—вѣдь Сентябрь мѣсяцъ; того и смотри, что морозы нагрянутъ! А вотъ будущею весною я постараюсь развести ихъ побольше. . . *(Обращаясь къ Лизѣ)* А гдѣ Сережа?

ЛИЗА. — Онъ пошелъ спрятать свой рисунокъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И СЕРЕЖА.

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Что вы сидите все въ комнатахъ?—Лучше подите въ садъ и поиграйте!

СЕРЕЖА. — Хорошо, маменька! *(обращаясь къ Лизѣ)* Лиза, пойдемъ: *(Уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Г-ЖА ЕРОПКИНА И Г-ЖА УТКИНА.

Г-ЖА УТКИНА *(Садясь на диванъ)*. — А слышали вы, матушка Прасковья Антоновна, говорятъ, на дняхъ

вышелъ указъ, чтобы начать застраивать Васильевскій островъ?

г-жа еропкина. — Въ самомъ дѣлѣ!

г-жа уткина. — Да, всѣ дворяне и владѣльцы деревень обязаны будутъ строить тамъ по дому, и окончить непремѣнно въ три года.

г-жа еропкина. — Ну что же, это прекрасно!

г-жа уткина. — Да, . . . но худо только то, что вездѣ, посрединѣ улицъ, будутъ вырыты тамъ каналы. Ну, право, смерть какъ я боюсь воды! И по суху идешь — такъ своя ступня иногда измѣнитъ; а по водѣ еще ходить—благодарю покорнѣйше! . . . .

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ ЖЕ И ДМИТРІЙ.

г-жа еропкина (*Обращаясь къ Дмитрію*). — Что тебѣ нужно?

дмитрій. — Да что, сударыня, я пришелъ вамъ жаловаться. . .

г-жа еропкина. — На кого?

дмитрій. — Да вотъ, къ намъ во дворъ затесался солдатъ не солдатъ... матросъ не матросъ... Богъ его знаетъ, кто онъ такой.

г-жа еропкина. — Чего онъ хочетъ?

дмитрій. — А кто его вѣдаетъ! . . . Говоритъ, что ему нужно видѣть госпожу Пробкину,— да я ему отвѣчалъ, что нѣтъ у насъ ни какой Пробкиной и чтобъ онъ убирался прочь. . .

г-жа еропкина. — Экій ты глупый! Не могъ ты порядкомъ распросить, чтó ему нужно!

дмитрій. — Да что разспрашивать, сударыня!.. Вѣстимо, ничего ему не нужно, а такъ—пришелъ пошалоберничать. . . Я ему посулилъ туза, если онъ добромъ не уберется, а онъ растворилъ себѣ калитку настежъ, уперся въ ней, да и кричитъ во все горло: подавай, дескать, мнѣ Госпожу Пробкину сюда! . . . Право, сударыня, того и смотри, что всѣ цыплята на улицу повыскочатъ. . .

г-жа еропкина *(вставая съ мѣста)*. — Этакій безтолковый! Вѣчно съ нимъ что нибудь да случится — вездѣ нужно быть самой! *(Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

г-жа уткина и дмитрій.

дмитрій *(глядя на г-жу Уткину, которая прохаживается по сценѣ. Въ сторону)*. — Что, попалась, голубушка!.. Не бойсь, нашего пѣтушка на жаркое изжарить

съумѣла!... А вотъ, мы посмотримъ, какъ ты вывернешься! (*Идя за г-жей Уткиной*). Сударыня!... а, сударыня!...

г-жа уткина (*оборачиваясь*). — Что тебѣ, мой милый, нужно?

дмитрій. — Вчера къ вамъ во дворъ забѣжалъ нашъ пѣтушокъ, — такъ не знаете ли, куда онъ дѣвался?

г-жа уткина. — Пѣтушокъ! (*Мотая головой*). Не знаю, милый мой; я твоего пѣтушка не видала...

дмитрій (*въ сторону*). — Не видала, а скушала!... (*громко*). Прасковья Антоновна приказала мнѣ, во что бы то ни стало, отыскать его, такъ вы, сударыня, не изволите ли знать: не попался ли онъ, невзначай, на жаркое?

г-жа уткина. — И того не знаю, милый мой. Можетъ быть и попался!.. Не знаю, не знаю...

дмитрій (*въ сторону*). — То-то попался!... Да и сама, не бойсь, попалась не хуже цыпленка... Вотъ вѣдь, чужихъ цыплятъ жарить умѣетъ, а своихъ...

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢ ЖЕ И Г-ЖА ЕРОПКИНА.

г-жа еропкина (*въ волненіи вбѣгаетъ на сцену*). —

Боже мой! что съ нами будетъ... Сережа! Сережа! *(наталкивается на Дмитрія).* Да что ты здѣсь стоишь, какъ вкопаный? Не слышишь, кого я зову!... *(толкаетъ его)* Поскорѣе пошли сюда молодаго барина. *(Садится на диванъ и закрываетъ лицо руками. Дмитрій уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Г-ЖА ЕРОПКИНА И Г-ЖА УТКИНА.

Г-ЖА УТКИНА. — Что это съ вами, матушка? Ужъ не пожаръ ли, сохрани Господи, по сосѣдству! Смерть, какъ я боюсь огня...

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Ахъ, Марѳа Григорьевна, бѣда, просто бѣда! Посмотрите, что мнѣ Петръ Карловичъ пишетъ. *(Развертываетъ письмо и читаетъ).*

Почтеннѣйшая Прасковья Антоновна!

Пошлите ко мнѣ скорѣе вашего Сережу. Я сейчасъ говорилъ объ немъ Царю, и Его Величеству угодно, чтобы онъ былъ Ему представленъ немедленно. Не забудьте напомнить, чтобы онъ взялъ съ собою нѣсколько своихъ рисунковъ. Я жду его въ Адмиралтействѣ, куда его проведетъ посланный мною съ письмомъ сторожъ.

Остаюсь

готовый къ услугамъ

П. Пикардъ.

г-жа уткина (*насмѣшливо*). — Готовый къ услугамъ!... Ну, ужъ услужилъ онъ вамъ, матушка! Нечего сказать...

г-жа еропкина (*встаетъ въ волненіи*) — Сережа! Сережа! Боже мой, что это онъ не идетъ...

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ТѢ ЖЕ, СЕРЕЖА И ЛИЗА.

сережа (*вбѣгая на сцену*). — Вы меня звали, маменька?

г-жа еропкина (*идя на встрѣчу Сережѣ*). — Одѣвайся скорѣе и иди къ Петру Карловичу — онъ тебя представитъ Царю! (*обращаясь къ Лизѣ*). — А ты, Лиза, собери его рисунки,... да поскорѣе, пожалуйста...

лиза. — Сейчасъ, маменька! (*Уходитъ съ Сережой въ боковую дверь*)

ЯВЛЕНІЕ XX.

Г-ЖА ЕРОПКИНА И Г-ЖА УТКИНА.

г-жа уткина. — Ну, ужъ надѣлалъ вамъ хлопотъ этотъ рисовальщикъ!... Вотъ, вѣдь говорила я вамъ, Прасковья Антоновна: не добру быть вашему Сережѣ, такъ оно и случилось...

г-жа еропкина. — Ужъ не говорите, Марѳа

Григорьевна!... Не знаю что и дѣлать — право, голова кругомъ идетъ!...

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ТѢ ЖЕ, СЕРЕЖА И ЛИЗА.

СЕРЕЖА *(вбѣгая на сцену)* — Вотъ я ужъ и готовъ! Съ кѣмъ же мнѣ итти къ Петру Карловичу?

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Онъ прислалъ за тобою сторожа... Скажи, взялъ ли ты свои рисунки?

ЛИЗА *(показывая свертокъ)*. — Вотъ они!

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Ну, такъ съ Богомъ! Да смотри, не робѣй передъ Царемъ и вернись скорѣе. *(Цѣлуетъ и провожаетъ его)*

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Г-ЖА УТКИНА ОДНА.

Вотъ, вѣдь не даромъ же говорятъ, что одна паршивая овца все стадо портитъ!.. Какъ затесался сюда въ домъ этотъ рисовальщикъ, такъ все пошло вверхъ дномъ. Нелегкая его дернула услуги оказывать! — Пожалуй, услужитъ такъ, что не скоро и опомнишься...

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Г-ЖА УТКИНА И Г-ЖА ЕРОПКИНА.

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Ахъ, скорѣе бы вернулся

Сережа... Право, сердце какъ-то не на мѣстѣ! Каково-то приметъ его Царь...

г-жа уткина. — А скажите, матушка, куда этотъ рисовальщикъ велѣлъ ему итти?

г-жа еропкина. — Въ Адмиралтейство.

г-жа уткина. — Въ Адмирейство!... Эхъ, матушка, да я думаю, онъ и дороги-то туда не знаетъ...

г-жа еропкина. — Онъ вѣдь не одинъ — съ нимъ пошелъ сторожъ, котораго прислалъ Петръ Карловичъ.

г-жа уткина. — Сторожъ?... А кто его знаетъ, кто такой этотъ сторожъ?... Пожалуй, заведетъ Сереженьку туда, куда воронъ и костей не заносилъ...

г-жа еропкина *(въ безпокойствѣ)* — Что вы говорите! И въ самомъ дѣлѣ, Мароа Григорьевна!...

г-жа уткина. — Да, матушка, напрасно вы повѣрили сынка чужому человѣку... Не равенъ случай — люди есть всякаго сорта...

г-жа еропкина *(въ волненіи)*. — Боже мой! что будетъ съ Сережой!... *(Обращаясь къ г-жѣ Уткиной)*. Какъ вы думаете, не послать ли за нимъ Дмитрія?

г-жа уткина. — Да, не мѣшаетъ, матушка.

Пусть его посмотритъ, куда вашего Сережу ведутъ...

г-жа еропкина. — Въ самомъ дѣлѣ; по крайней мѣрѣ я буду спокойнѣе... *(Кричитъ)* Дмитрій! Дмитрій!...

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

ТѢ ЖЕ И ДМИТРІЙ.

(Дмитрій вбѣгаетъ на сцену и, зацѣпившись за порогъ двери, растягивается на полу во весь ростъ).

г-жа еропкина. — Вотъ-те и здравствуй!... Право, этотъ человѣкъ и ходить не умѣетъ...

дмитрій *(вставая и потирая ногу)*. — Да все, сударыня, этотъ порогъ проклятый! Того и смотри, что когда-нибудь на немъ ногу сломишь...

г-жа еропкина. — Ну, не объ этомъ теперь дѣло! Поди скорѣе и посмотри, куда молодой баринъ съ этимъ сторожемъ пошелъ? Да бѣги скорѣе, чтобы его нагнать...

дмитрій. — Бѣжать!.. *(Потирая ногу. Въ сторону)*. Кажется, далеко не убѣжишь...

г-жа еропкина. — Онъ долженъ итти въ Адмиралтейство, такъ ты посмотри только, туда ли его ведутъ?

ДМИТРІЙ *(почесывая затылокъ)*. — Въ Адмиралтейство, сударыня...

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Ну, да, да, въ Адмиралтейство; бѣги же скорѣе...

ДМИТРІЙ. — Слушаю-съ. *(Прихрамывая идетъ къ двери потомъ возвращается)*. А если я барина увижу, такъ что мнѣ прикажете дѣлать?

Г-ЖА ЕРОПКИНА *(про себя)*. — Экій безтолковый! *(громко)*. Ну, увидишь, что онъ вошелъ въ Адмиралтейство, такъ приходи скорѣе сказать.

ДМИТРІЙ. — Сказать!... *(идетъ къ двери и опять возвращается)*. А если я не найду барина, такъ гдѣ мнѣ его искать?

Г-ЖА ЕРОПКИНА *(про себя)*. — Право съ нимъ потеряешь всякое терпѣнье! *(громко)* Да иди ты, безтолковый! Ну, не найдешь, такъ приходи назадъ.

ДМИТРІЙ *(почесывая затылокъ)*. — Назадъ!... То есть: увижу — такъ прійти сказать; а не найду — такъ ничего не говорить!...

Г-ЖА ЕРОПКИНА *(про себя)*. — Что прикажешь съ этимъ дуракомъ дѣлать!... *(громко)* Да пойдешь ли ты сегодня... *(Толкаетъ его. Дмитрій уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XXV.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ДМИТРІЯ.

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Вы не повѣрите, Марѳа Григорьевна, какое съ этимъ человѣкомъ нужно имѣть терпѣніе! Приказывай ему что хочешь — онъ все сдѣлаетъ на выворотъ... Безтолковъ до невѣроятности!...

Г-ЖА УТКИНА. — Да, да, матушка; я и сама замѣтила это!... Давеча присталъ онъ ко мнѣ съ какимъ-то пѣтушкомъ—ну, право, ничего я не поняла...

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Вотъ, я вамъ разскажу одинъ случай...

Г-ЖА УТКИНА. — Разскажите, матушка.

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Видите ли: иногда мнѣ въ кухнѣ сидѣть некогда, такъ заниматься стряпней я заставляю его...

Г-ЖА УТКИНА. — Въ самомъ дѣлѣ!...

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Разъ, когда меня дома не было, Сергѣй Ипатіевичъ пришелъ изъ Приказа за какими-то бумагами, которыя онъ оставилъ у себя. Проголодавшись, онъ вздумалъ закусить и приказалъ Дмитрію сварить яица. «Да не въ крутую, прибавилъ онъ, а въ мѣшечкѣ...»

г-жа уткина — Вотъ какъ, матушка.

г-жа еропкина. — Только ждетъ Сергѣй Ипатіевичъ минутъ десять, а Дмитрій все-таки не несетъ яицъ... Потерявъ терпѣніе, онъ самъ пошелъ въ кухню — а Дмитрія и дома нѣтъ....

г-жа уткина. — Скажите, пожалуйста!...

г-жа еропкина. — И что же вышло?.... Побѣжалъ онъ къ сосѣдямъ просить полотна, говоря, что баринъ велѣлъ ему сварить яица въ мѣшечкѣ, а ему мѣшечекъ сшить не изъ чего....

г-жа уткина (*мотая головой*). Этакій безтолковый! Скажите на милость!....

ЯВЛЕНІЕ XXVI.

ТѢ ЖЕ И ДМИТРІЙ.

дмитрій (*вбѣгаетъ запыхавшись*). — Нашелъ, нашелъ!

г-жа еропкина (*въ безпокойствѣ*). — Гдѣ же онъ?.... Гдѣ ты его видѣлъ?....

дмитрій. — Да вонъ здѣсь на перекресткѣ!.... Хотѣлъ я его схватить, да онъ вывернулся и на чужой дворъ въ подворотню шмыгнулъ....

г-жа еропкина (*въ волненіи*). — Что это съ Сережой сдѣлалось!....

ДМИТРІЙ *(съ жалостію)*. — А оттуда.... кто-то въ него полѣномъ швырнулъ....

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Полѣномъ!... Боже мой!.... *(бросается на диванъ)*.

ДМИТРІЙ. — Я побѣжалъ за нимъ, да было ужъ поздно....

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Ужъ поздно! Сережа! Сережа! сынъ мой....

ДМИТРІЙ. — Хорошо еще, что до смерти его не убили....

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Боже мой! какое несчастіе!...

ДМИТРІЙ *(съ жалостію)*. — Теперь калѣкой остался на вѣкъ мой бѣдный пѣтушокъ....

Г-ЖА ЕРОПКИНА. — Пѣтушокъ!.... Такъ это не Сережа?....

ДМИТРІЙ. — Да, пропадалъ онъ цѣлые сутки.... Наконецъ-то посчастливилось мнѣ его найти! Но въ какомъ положеніи!....

Г-ЖА ЕРОПКИНА *(оправившись. Про себя)*. — Этакій безтолковый! Своею глупостью онъ столько мнѣ дѣлаетъ безпокойствъ.... *(Громко)*. Да я тебѣ велѣла итти за молодымъ бариномъ?....

ДМИТРІЙ. — Да я, сударыня, и пошелъ за нимъ,

но, по счастію, встрѣтилъ пѣтушка.... Сами же вы приказали мнѣ отыскать его во что бы то ни стало....

г-жа еропкина. — Экой дуракъ!

дмитрій. — А за молодымъ бариномъ я вотъ сейчасъ пойду — время не ушло! *(Хочетъ уйти, но въ дверяхъ встрѣчаетъ Сережу).*

ЯВЛЕНІЕ XXVII.

ТѢ ЖЕ, СЕРЕЖА, ЛИЗА И ПОТОМЪ Г. ПИКАРДЪ.

сережа *(вбѣгая на сцену).* — Маменька! маменька! *(Бросается въ объятія г-жи Еропкиной).*

г-жа еропкина *(обнимая его).* — Ну что, каково тебя принялъ Царь?... Что говорилъ Онъ?...

сережа. — Маменька! Царь похвалилъ меня и приказалъ....

г. пикардъ *(входя).* — Поздравьте Сережу съ Царскою милостію!.... Государь, разсмотрѣвъ его рисунки и замѣтивъ, что онъ хорошо рисуетъ домики, отозвался, что онъ будетъ хорошимъ архитекторомъ, и потому приказалъ, для изученія архитектуры, отправить его въ Италію....

г-жа еропкина (*обнимая Сережу*). — Сережа! сынъ мой!....

г. пикардъ. — Вмѣстѣ съ нимъ, Царь приказалъ отправить другаго мальчика, по фамиліи Земцова, и назначилъ имъ жалованье, кормовыхъ денегъ, квартирныхъ и по 30 червонныхъ на дорогу....

г-жа еропкина. — Я внѣ себя отъ восторга, и первую благодарность, Петръ Карловичъ, должна принести вамъ....

г. пикардъ. — Я исполнилъ только долгъ благонамѣреннаго человѣка, но благодарите Бога, что Онъ поставилъ надъ нами такого Великаго Царя. Достоинства и талантъ находятъ въ немъ всегда самаго ревностнаго покровителя; ни какія заслуги не укрываются отъ его проницательнаго взора.... Теперь, когда сынъ вашъ только что вступаетъ на предназначенное ему поприще, вы уже вполнѣ можете чувствовать милость и вниманіе нашего Великаго Государя; но со временемъ, когда онъ успѣетъ въ ученіи и возвратится въ Россію, вы увидите — и не то еще будетъ!....

(*Занавѣсъ опускается*).

К. Оболенскій.



АНЕКДОТЫ.

ПЕРВОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ.

Одна почтенная старуха, желая провести остатокъ дней своихъ въ тишинѣ и уединеніи, поселилась въ одномъ маленькомъ городкѣ департамента Аріежскаго.

Сынъ ея, игрокъ, человѣкъ худыхъ правилъ и дурнаго поведенія, промотавъ все состояніе, доставшееся ему отъ отца, поступилъ въ актеры. Случай

привелъ его чрезъ нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ съ труппой, въ которой онъ участвовалъ, въ главный городъ того департамента, гдѣ жила старуха.

Узнавъ объ этомъ, старуха тотчасъ же отправилась въ дорогу, любопытствуя увидѣть сына, и также посѣтить театръ, въ которомъ ей во всю жизнь не удалось быть ни разу.

Въ день ея пріѣзда давали драму «Беверлей или игрокъ», въ которой сынъ ея исполнялъ роль игрока, и по сходству его характера съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, игралъ превосходно.

Посреди восторженныхъ рукоплесканій, старуха дѣлала свои заключенія: «Я его узнаю негоднаго, говорила она про себя: онъ до сихъ поръ нисколько не измѣнился. Растративъ все состояніе отца, онъ, конечно, прожилъ бы и мое, если бы я тому не воспротивилась. Хорошо еще, что я во время за умъ взялась».

И увлекаясь все болѣе и болѣе сценическимъ обманомъ, старуха, увидѣвъ наконецъ, что актеръ поднимаетъ руку на сына своего, отъ испуга и внѣ себя, закричала:

«Остановись, несчастный! не убивай твоего сына; я его возьму лучше къ себѣ! Не убивай, и я тебя прощу».

Актеръ не позабылъ объ объявленномъ ему прощенiи, и на другой же день переѣхалъ къ матери, и совершенно исправился.





НЕУДАЧНАЯ РЕКОМЕНДАЦІЯ.

— Кто же у васъ, тетушка, будетъ на балу? спросилъ почтительно племянникъ.

— Да я надѣюсь, что всѣ мои знакомые меня, старуху, не забудутъ.

— Ахъ, кстати! позвольте мнѣ вамъ отрекомендовать одного молодаго человѣка, прекраснаго собой, образованнаго, словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго уваженія. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасный музыкантъ и писатель...

— Писатель! повторила съ ужасомъ почтенная

тетушка. Нѣтъ, ужъ уволь меня, пожалуйста, отъ этихъ людей. Знаю я получше тебя этихъ господъ. Осмѣютъ тебя ни за грошъ!... а какъ попадешь въ печать, такъ оттуда ужъ не выйдешь!...





НЕДОРАЗУМѢНІЕ МЕЖДУ ДОКТОРОМЪ И ЛИТЕРАТОРОМЪ.

У одного литератора сидѣло вечеромъ нѣсколько близкихъ его пріятелей. Разговаривали и спорили о разныхъ разностяхъ. Наконецъ, одинъ изъ пріятелей завелъ рѣчь о слогѣ литератора и откровенно объявилъ, что онъ статьи его, печатаемыя въ журналахъ, находитъ дѣльными и пріятными, но что у него языкъ не всегда чистъ. Всѣ другіе гости возстали противъ такого мнѣнія, и завязался споръ.

Въ это время вошелъ въ комнату докторъ, близкій другъ литератора. Тотъ, увидѣвъ его, обратился къ нему:

— Скажи, пожалуйста, откровенно: чистъ ли у меня языкъ?

— Покажи : я посмотрю! отвѣчалъ пресерьозно докторъ, взявъ друга за пульсъ. Что ты такое чувствуешь ?

Послѣдовалъ общій смѣхъ , къ которому и докторъ присоединился, узнавъ причину смѣха.



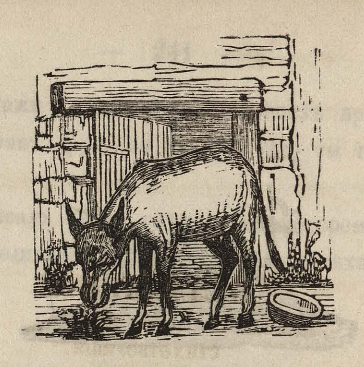


Разговоръ двухъ новѣйшихъ грамматиковъ.

Первый грамматикъ. Какимъ образомъ надобно писать аппетитъ, съ двумя *п* или съ однимъ?

Второй грамматикъ. Слово аппетитъ надобно употреблять двоякимъ образомъ. Кто имѣетъ двойной аппетитъ, тотъ пиши это слово съ двумя *п*; а кто чувствуетъ аппетитъ обыкновенный, тотъ долженъ ограничиваться однимъ *п*. Различное употребленіе этого слова можетъ руководить хозяйку при приглашеніи гостей къ обѣду.

Первый грамматикъ. Покорнѣйше благодарю, что вы мнѣ это объяснили. На этомъ основаніи я буду употреблять слово аппетитъ всегда съ двумя *п*.



Толковая расписка.

Управляющему однимъ владѣльческимъ имѣніемъ отпускалось ежегодно, кромѣ положеннаго ему жалованья, особое содержаніе для его помощника, и нѣсколько мѣръ овса для его лошади.

Въ полученіи содержанія и овса, по окончаніи года, онъ расписался въ книгѣ слѣдующимъ образомъ:

«Симъ удостовѣряю, что положенныя мнѣ мѣры лошадинаго овса, въ теченіи года, я получалъ сполна, и содержалъ своего помощника также какъ лошадь«.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ.

АНЕКДОТЫ.

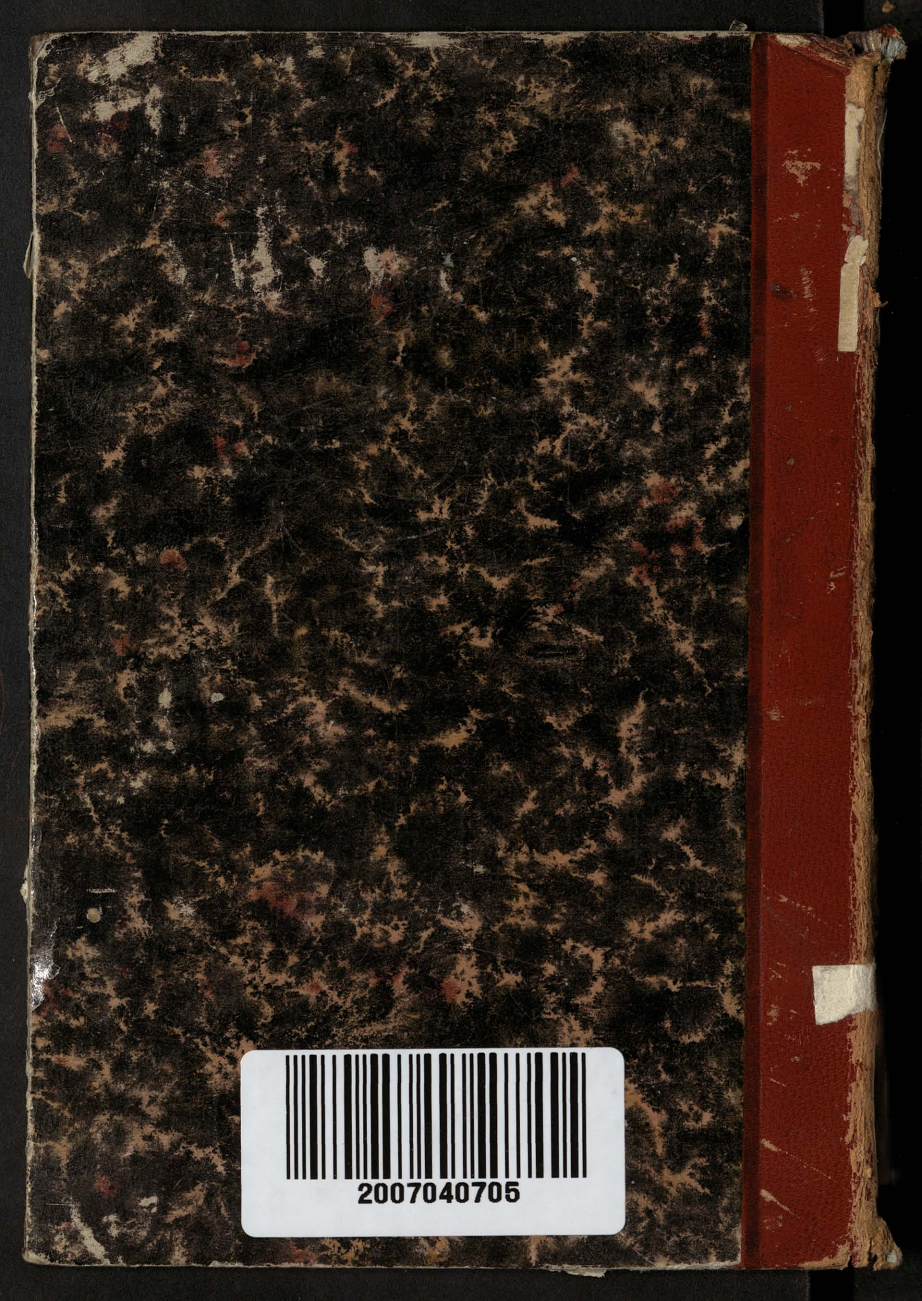
Помѣщены нъ Альманахѣ слѣдующія картины: 1) Кремль въ Москвѣ, раб. Л. Сѣрякова.—2) Святогорскій монастырь и могила А. С. Пушкина, раб. Л. Сѣрякова. — 3) Шведская могила, раб. М. Степанова. — 4) Видъ Макао, раб. М. Степанова. — 5) Акъ-Гисаръ, древняя Ѳіатира въ Малой Азіи, раб. Барона Клота.—Аулъ «Старый Юртъ» на Кавказѣ. раб. Л. Сѣрякова.

Семьдесятъ пять политипажныхъ рисунковъ работы господъ Сѣрякова, Ратке, Степанова и Старцева.

Въ числѣ этихъ политипажей, между прочимъ, заключаются: Архангельскій соборъ, въ Москвѣ, стр. 3. — С. Петербургская крѣпость, стр. 11. — Зданіе С. Петербургской Биржи, стр. 37. — Иванъ Великій, въ Москвѣ, стр. 99. — Исакіевскій соборъ въ С. Петербургѣ, стр. 144 и т. д.

ОПЕЧАТКА.

На стр. 51, послѣ словъ «Дорога туда идетъ по изгибу рѣки Сороти» слѣдуетъ: »Передъ возвращеніемъ своимъ въ Петербургъ, Пушкинъ говорилъ о Тригорскомъ съ умиленьемъ: «


2007040705